ЛУЧШИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ В ЖАНРЕ ХОРРОРА ПО ВЕРСИИ ЧИТАТЕЛЕЙ

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

2021

Богдан Гонтарь
Екатерина Кузнецова
Дмитрий Костюкевич
Дмитрий Николов
Дмитрий Александрович Тихонов
Елена Щетинина
Дмитрий Сергеевич Лазарев
Лин Яровой
Майк Гелприн
Герман Шендеров
Оксана Ветловская
Анатолий Уманский
Александр Подольский
Родион Кожин
Юрий Александрович Погуляй
Олег Сергеевич Савощик
Дмитрий Козлов
Анна Одинцова
Александр Александрович Матюхин
Дмитрий Золов
Алиса Кожина

Максим Ахмадович Кабир
Всеволод Болдырев
М. С. Парфенов

Самая страшная книга 2021

Серия «Самая страшная книга»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63078388
Самая страшная книга 2021 / [Сост. М. С. Парфенов]: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-133332-4

Аннотация

Какие твари скрываются на границе света и тени? Что слепец может противопоставить маньяку? Чью кровь пьют вампиры в постреволюционной России? Как одолеть древнюю ведьму, поселившуюся в заброшке? Можно ли спастись самому или хотя бы спасти душу от взгляда гневного божества с проклятой иконы? Кто и зачем на самом деле построил библейский Ковчег?.. Ответы даст «Самая страшная книга 2021», очередной том уникального, не имеющего аналогов в мире литературного проекта. Антология, составителями которой выступают сами читатели, поклонники жанра ужасов и мистики. Окунись в черную бездну. Загляни в самое пекло. Благоговей пред ликом Космического Ужаса. Но остерегайся крутых поворотов сюжета и – собственных страстей.

Читай «Самую страшную книгу». Читай лучшее в русском хорроре!

Содержание

Важное уведомление 7
Ситуация Horror 10
Стихи о Красной Даме, или Последнее дело товарища Багряка 15
Светотени 67
Медуза 118
Вешки 154
Медовое 184
Виртуальная машина 204
Конец ознакомительного фрагмента. 207

Самая страшная книга 2021
(Сост. М. Парфенов)

© Авторы, текст, 2020
© М. С. Парфенов, составление, 2020
© Алексей Провоторов, обложка, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Важное уведомление

Формально составителем антологии «Самая страшная книга 2021» указан Парфенов М. С., на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Епифанову и координаторов отбора, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям – из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравятся. Все наши ежегодники собраны по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой «таргет-группой») этой антологии являются:

Анастасия Асмаловская – Краснодар
Анастасия Добрынина – Москва
Анастасия Колокольчикова – Домодедово
Виктор Гофман – Караганда (Казахстан)
Владимир Григорьев – Тула
Владимир Кутузов – Новосибирск
Владимир Чистяков – Семенов
Дмитрий Иванов – Нижний Новгород
Дмитрий Карманов – Санкт-Петербург
Дмитрий Прокофьев – Санкт-Петербург
Евгений Гайбарян – Москва
Евгения Новик – Гомель (Белоруссия)

Жанна Ай Тау – Алматы (Казахстан)
Игорь Мартыненко – Керчь
Илья Старовойтов – Курган
Ирина Рудакова – Нижний Новгород
Лариса Львова – Ангарск
Маргарита Семенова – Барнаул
Мария Семенова – Нижний Новгород
Николай Чужинов – Новосибирск
Ольга Яркова – Миннеаполис (США)
Орнелла Такиева – Уфа
Павел Орловский – Домодедово
Сергей Барашкин – Саранск
Татьяна Иванова – Тюмень
Татьяна Рыбалко – Санкт-Петербург
Татьяна Хаданович – Минск (Белоруссия)

Спасибо им за труды.

А еще таргет-группа каждый год обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького».

Любой желающий – и вы тоже – может поучаствовать в этом сложном, но увлекательном процессе. Достаточно заглянуть на сайт horrorbook.ru и отправить заявку. Там же, на упомянутом сайте, публикуется информация о новых книгах серии ССК, равно как и максимально подробные правила ежегодного отбора. Заглядывайте. Читайте. Это безопасно…

Ну, почти.

Ситуация Horror

Масочный режим – off. Снимайте перчатки. Вдохните полной грудью, расслабьтесь. Вообще – устраивайтесь поудобнее, чтобы получить очередную дозу старого доброго книжного страха.

Впереди – несколько сотен страниц печатного текста, сочащегося ужасами всех возможных разновидностей, от экзистенциально-бытового до благоговейно-космического. Но прежде чем с головой окунуться в эту льдистую черную бездну, послушайте-ка вот что.

В 2006 году коллега Александр Вангард – автор нескольких хороших страшных историй, некоторые из них были опубликованы («ЯR», «Самоволка», «Китайская шкатулка»), а некоторые, не сомневаюсь, еще найдут своих читателей в будущем, – в небольшом эссе для любительского электронного журнала рассказал о «темной пользе».

То есть о некоей «предупредительной» функции литературы ужасов. Ну, знаете: сказка про Красную Шапочку учит маленьких девочек не бродить по лесу, не заводить разговоров с незнакомыми «волками» и все такое. Рассказы о маньяках, культистах и разных выдуманных монстрах вроде как оберегают нас от встреч с чудовищами реальными…

Все верно, только я бы добавил – страшные истории не только оберегают «от», но и готовят «к» таким вот нежела-

тельным встречам.

Потому что, как показывает жизнь, никто из нас, сколь бы аккуратен и осторожен он ни был, не застрахован от попадания в «ситуацию horror».

Когда что-то идет не так. Когда привычный порядок вещей оказывается сломан. Когда тебя увольняют с любимой работы. Когда банда гопников ловит в темном подъезде. Когда орды нежити заполняют округу.

Когда начинается пандемия и президент призывает самоизолироваться в четырех стенах.

Понимаете, о чем я?.. В жизни бывают случаи, когда от нас с вами на самом деле ничего не зависит. Все несется обезумев куда-то прямиком в Ад, а все, что ты можешь с этим поделать, – лишь наблюдать за происходящим со стороны в надежде, что сам не слетишь с катушек туда же, в тартарары.

В 2020 году весь мир понял, что это такое – ситуация horror. Ситуация, когда никто и ничто не гарантирует спасения. Миллионы людей заразились, сотни тысяч погибли… Тысячи из них – в России.

Во время такого кошмара наяву – ситуации horror – очень легко поддаться панике либо, наоборот, безрассудно наплевать на все риски, положившись на извечное русское «авось».

Но вот что интересно: пока где-то крушили вышки 5G и устраивали протесты с погромами – мы, поклонники литературы ужасов, демонстрировали завидное хладнокровие. Я

обратил на это внимание потому, что как раз во время карантина и самоизоляции проводился отбор в очередную антологию «Самая страшная книга» – ту, что вы сейчас держите в руках.

В рядах авторов и читателей никакой паники (как и, напротив, бездумного швыряния шапками) не наблюдалось. Переживания были, но только по поводу того, какие истории в итоге попадут в ССК-2021.

Подобный спокойный стоицизм и осмысленное (опять же, спокойное) восприятие кризисной ситуации показали хоррор-фэны не только в нашей стране.

Например, американский кинорежиссер Майк Флэнеган (он, помимо прочего, снял сериал «Призраки дома на холме» и экранизировал роман Кинга «Доктор Сон») написал трогательное и весьма эмоциональное – но лишенное всяких ноток паники! – эссе о любви к жанру на фоне пандемии. Еще несколько кинематографистов умудрились снять короткометражные фильмы ужасов прямо у себя дома, не нарушая режима самоизоляции, – разве это не достойно восхищения?

И разве не стоит восхититься тем, что, когда из-за порожденного пандемией экономического кризиса встал вопрос о дальнейшем существовании хоррор-вебзина DARKER, нашлись десятки людей – читателей и авторов, фэнов жанра, – которые из собственного кармана профинансировали работу издания?..

DARKER выжил в ситуации horror.

Хоррор выжил.

И я убежден, что это не случайно. Мы, поклонники жанра ужасов и мистики, оказались внутренне неплохо подготовлены к чему-то в этом духе, что и помогло нам сохранить ясный рассудок и здравомыслие. Некоторые из авторов ССК заключили договоры на экранизации своих произведений во время пандемии – можете себе такое представить? То есть люди спокойно продолжали жить и работать, соблюдая все необходимые меры предосторожности. Несмотря ни на какие непредвиденные (а ситуацию horror предвидеть невозможно) трудности.

Потому что кровь, боль, смерть и безумие – наше все. Психологически мы, как мне кажется, лучше многих способны на выживание. Равно как на то, чтобы, если не остается другого выхода, принять неизбежное – не покориться, не сложить руки, не выбросить белый флаг, не сдаться, но принять то, чего мы изменить не можем.

В конце концов, книги и фильмы ужасов давно нас к подобному – к чему-то непредвиденному – готовили.

В каком-то смысле ситуация horror – это вообще вся наша жизнь. Поскольку жизнь конечна, ее финал всем известен, а путь к этому финалу, по сути, – выживание. Хоррор – литература о жизни и смерти, а значит – литература о выживании.

Неважно, что именно грозит героям этих историй. Вампиры, неведомые твари из тени, лавкрафтианские монстры,

ожившие мифы Древней Греции, наши собственные желания, наш страх или сама природа – всякий раз героям «Самой страшной книги 2021» приходится бороться за жизнь. И порой в этой борьбе они проигрывают.

Потому что и в настоящей жизни так бывает. Ситуация horror.

Хочется пожелать нам всем достойно справляться с любыми ужасами в жизни реальной. «Самая страшная книга» в помощь…

Масочный режим – off. И слава богу.

Погружаемся в чтение.

Парфенов М. С.

Стихи о Красной Даме, или Последнее дело товарища Багряка

Вечер снаружи был цвета пепла. Анархист постучал пальцем по стеклу:

– Приехали. Ведут, кажись.

Поп лежал на тахте и не видел в окне ничего, кроме бескрайней серости, рассеченной крестом деревянной рамы. Где-то там, за ленивыми холодными облаками, скрывалась удивительная вечнозеленая страна, не знающая ни горя, ни страха. И, несмотря на все молитвы, ни единого взора не позволено было ему бросить на красоты той страны. Несмотря на все молитвы, он оставался здесь, в большой, но пустой квартире на третьем этаже бывшего доходного дома, где пахло плесенью, подсохшей блевотиной, порохом, чесноком и той странной мазью, которой Солдат смазывал остатки лица под маской.

– Слышь, нет? – спрыгнув с подоконника, Анархист пнул его в колено. – Ведут. Давай, батюшка, пробудись для трудов праведных.

– Совсем ошалел? – беззлобно огрызнулся Поп. – На служителя Господа ногу поднял.

– Да плевать. Я Господа твоего не встречал ни разу.

– Ты и Прудона не встречал, – вздохнув, Поп назидатель-

но поднял палец. – Не читал даже, небось. А непотребства его именем творишь, ничуть не стесняясь. Истинно говорю, когда Сын Человеческий по возвращении воссядет на престоле славы, поставит он тебя ошуюю, ибо козлище ты, каких еще поискать!

Анархист усмехнулся, демонстрируя крепкие, ровные зубы:

– Все верно, святой отец. А теперь подымайся, пока харя цела.

– Ох, додерзишься ты у нас, – проворчал Поп, но все-таки стащил тучное свое тело с тахты, кряхтя и опираясь о стену. – Мы с Господом такого поведения одобрить никак не можем. Жди воздаяния, безбожник, ибо оно неминуемо.

– В сапог ночью насрешь, что ли?

– В правый. В тот, коим ряса осквернена была. Деяния твои вопиют к отмщению!

– Месть, батюшка, это пошлость. Причем устаревшая пошлость. Мстят только мелкие чиновники и торговцы калачами вразнос.

– Я священник. Я сам теперь – устаревшая пошлость.

Не прекращая пререкаться, они вышли из комнаты. Солдат ждал в передней, возле входной двери. В тусклом освещении его лицо выглядело почти настоящим. Потертости на жести казались оспинами или шрамами, а пышные жесткие усы полностью скрывали узкую прорезь рта. Только края отверстий для глаз неплотно прилегали к коже, и потому Поп

старался не смотреть в эти глаза, блеклые и пустые, словно подернутые льдом лужицы.

Говорил Солдат тяжело, тихо – увечье забрало голос, – и, чтобы выслушать его, соратники замолчали.

– Это поэт. Известный. Давно в пользовании и уже едва жив. Не перестарайтесь. Пугать не нужно – смысла нет. Побеседуем. Расскажем правду. Дадим самому выговориться, а потом надавим на совесть.

На лестничной площадке загромыхали подкованные сапоги. В дверь постучали. Солдат отодвинул задвижку, впустил пришедших. Двое чекистов в кожанках, не проронив ни слова, ввели в переднюю высокого человека с худым, скуластым лицом. Он был одет в шинель без знаков различия и явно с чужого плеча. В коротко остриженных волосах блестела седина, бледные запястья стягивала бечевка. Запавшие глаза его были прикрыты, нижняя челюсть отвисла. От человека резко пахло водкой.

– Он пьяный, что ли? – спросил Анархист.

Один из чекистов помотал головой:

– Еще чего. В моторе рожу обтерли, чтобы в себя пришел.

– А стоило стакан поднести, – сказал Поп. – Эх, не умеете вы с богемной публикой работать. Тоже мне, ловцы человеков!

Чекист ничего не ответил, лишь упер в него угрюмый взгляд. Много было в этом взгляде неприятного, звериного даже, но был где-то там и страх, и тоска по покою, и пропуск

за облака, в Царство Божие, – пропуск с печатью Петроградской Губчека и подписью ее председателя. Поп не отвел глаз. В итоге, пробурчав нечто угрожающее, чекист толкнул Поэта в объятия Анархисту, а сам извлек из кармана мятые сопроводительные бумаги.

– Укушен еще в прошлом году, – сказал он, расправляя документы. – Под наблюдением с января.

– Почему сразу к нам не обратились? – спросил Анархист.

Чекист проигнорировал вопрос. Подглядывая в бумажку, он продолжал бубнить казенные слова, словно бездумно зазубренный стих на уроке:

– …Несколько попыток самоубийства. После очередной попытки в апреле месяце сего года по личному распоряжению товарища Семенова задержан и направлен в изолятор. Медицинское освидетельствование выявило признаки перерождения организма. Допросы результатов не принесли. Принимая во внимание ухудшающееся здоровье задержанного и его высокую ценность как свидетеля по делу так называемой Красной Дамы, было принято решение передать его в распоряжение спецгруппы товарища Багряка.

Чекист протянул бумаги Солдату:

– Передаем, стало быть. Принимайте.

– Благодарю.

Чекист хмыкнул, пожевал губами, собираясь сказать еще что-то, потом дернул головой и вышел на лестницу, увлекая за собой напарника. Поп захлопнул за ними дверь, осенил ее

крестным знамением. Слова в самом деле были не нужны. И без всяких слов каждый из них понимал, что спецгруппа доживает последние недели. Упырья в Петрограде почти не осталось, в ЧК все меньше беспокоились о кровососах и все активнее присматривались к контрреволюционным элементам. Тревожные слухи просачивались в квартиру вместе с ветром и сырой плесенью.

Оставалось одно дело. Последнее. Самое важное.

– Куда его? – спросил Анархист, встряхнув новоприбывшего, будто мешок с тряпьем. – В выставочный зал?

– Нет, – сказал Солдат. – Он там сойдет с ума. На кухню.

Поп принялся разжигать примус, чтобы сварить кофей. Поэта усадили на табурет, освободили ему руки и дали выпить воды. Анархист угостил папиросой. Затянувшись, Поэт закашлялся, но зато потом смог открыть глаза. Они оказались тоскливо-серыми, как небо за окном.

– Кто вы? – спросил он. – Палачи?

– Если бы, – сказал Поп. – Я, например, устаревшая пошлость. А тот вон, наглый, вредное идеологическое заблужде…

Солдат жестом оборвал эту тираду, опустился на второй табурет напротив Поэта. Тот долго рассматривал его, не выпуская из губ дымящейся папиросы. Все молчали, но молчание это не казалось тягостным: в нем созревало нечто важное, нечто теплое, так редко встречающееся в тяжелые времена.

– Что у вас с лицом? – спросил наконец Поэт.

– Оно сделано из жести, – глухо ответил Солдат. – Сделано в мастерской Анны Лэдд, во Франции, четыре года назад. Оно уже порядком поистрепалось, но другого у меня нет. Свое настоящее лицо я потерял в бою.

– В России наверняка есть мастера, которые могут вам помочь.

– Возможно. Не искал, не интересовался. Для тех, за кем я охочусь, человеческие лица не имеют значения. Им важны сосуды. – Солдат поднял руку в перчатке, коснулся горла обтянутыми черной кожей пальцами. – Вены и артерии. Так уж вышло, что осколки вражеского снаряда не тронули моей шеи. Не расплескали еду. Там, на войне, столько первоклассной крови было пролито без всякого смысла. Горячая, соленая, она просто растекалась по земле и впитывалась в нее. Представляете?

Поэт побледнел еще сильнее. Он молчал и смотрел на Солдата не мигая, позабыв об окурке, дымящемся меж пальцев.

– Вижу, понимаете, о чем толкую, – сказал Солдат. – Отлично. У нас не остается времени на игры. У вас – тем более.

Он замолчал, собираясь с силами. Поп и Анархист тревожно переглянулись: знали, что каждое слово причиняет их командиру жуткие мучения – изуродованная челюсть больше не годилась для человеческой речи. Судя по всему, он возлагал на эту беседу большие надежды.

– В семнадцатом я вернулся домой, – продолжил Солдат, переведя дух. – Но дома ждало кое-что хуже войны. Пустое, тихое село. Ни людей, ни собак, ни птиц. Я бродил меж домов, безуспешно пытаясь отыскать хоть одну живую душу. А затем настала ночь, и мертвые нашли меня сами.

Сглотнув, он снова замолк. Шумел примус, закипала в кастрюле вода. Окурок в руке Поэта догорел и погас, наверняка обжегши ему пальцы. Анархист закурил новую папиросу. Дым неспешно, украдкой тянулся к форточке, словно не в силах оставаться в заполненной болью кухне. Поэт был бледен как полотно, однако плотно сжатые губы кривила едва заметная усмешка.

– С тех пор я иду по следу этой твари, – сказал Солдат. – След пахнет кровью, но ни единого пятнышка на нем не увидеть. Она вылизывает все подчистую. Из Владимирской губернии я пришел за ней в Москву. Оказалось, подобных созданий немало в стране. Веками сидели они в старинных своих поместьях, в гниющих усадьбах, питаясь понемногу мужиками и бабами из окрестных деревень. Но вот мир всколыхнулся, усадьбы загорелись, и нечисть повыползала из нор, ошалев от страха и голода, потянулась в Москву, надеясь затеряться среди людских толп. Мой опыт очень пригодился уголовному розыску, за год мы выловили и упокоили несколько десятков тварей. Но ее – ту самую – не достали. Пару раз она была почти у нас в руках, но выскальзывала в последний момент, растворялась в темноте…

Солдат прервался, стиснул кулаки так, что перчатки заскрипели. Склонил голову. Стало ясно, что ему требуется передышка. Упавшее знамя не колеблясь подхватил Анархист:

– Я тогда как раз тоже в Москве оказался. Мы экспроприировали особняки богачей, а большевики потом нас из этих особняков выгоняли. Веселое было времечко. Ну и вот, заняли один купеческий дом на Малой Алексеевской. Думали, он пустой, но ночью оказалось, что хозяева никуда не уходили. Помню, просыпаюсь от странного такого звука – будто скрипит что на ветру: ставень или дверь незапертая. Открываю глаза: стоит на потолке старик плешивый, тощий и длинный, что твой колодезный журавель. Настолько длинный, что как раз достает зубами до горла дружбана моего, который на хозяйском диване лежал. Шея у дружбана вся разорвана в клочья, но он еще жив. Таращится на меня и силится закричать, да только крика уже не выходит никакого – один скрип.

Я сперва даже не испугался. Никак поверить не мог в то, что вижу. Лишь когда старик повернулся ко мне и зубы окровавленные ощерил – вот от вида этих-то зубов меня и пробрало. Заорал я, схватился за нож. Ему, конечно, от ножа никакого вреда бы не сделалось, но крик разбудил остальных товарищей, и старик, что называется, ретировался – обратился туманом и утек под дверь. Они это умеют, ты знаешь.

Поэт, вздрогнув, впервые повернулся к Анархисту. Тот жестом предложил ему еще одну папиросу, а когда Поэт от-

казался, продолжил рассказывать:

– Ох и суету мы подняли. Я, понятное дело, ни словом не обмолвился о том, что старик на потолке стоял. Сам еще думал или надеялся, что привиделось. Просто объяснил: так, мол, и так, был какой-то плешивый дед в комнате, а потом смылся. До сих пор себя простить не могу. Обыскали с товарищами весь дом сверху донизу, нашли потайной спуск в подвал. А там уже ждали хозяин с хозяйкой.

Короче говоря, уцелело нас только двое: я и земляк мой, бывший балтийский матрос. Он, правда, умом двинулся. Говорить перестал, одни лишь молитвы шептал иногда. А меня сперва расстрелять хотели, думали, это мы с земляком своих порешали в пьяном угаре. Но я возьми да и расскажи на допросах всю правду. Надеялся, тоже в умалишенные запишут, а меня вместо этого вот, в спецгруппу определили. Такие дела.

Анархист перевел взгляд на Попа. Тот как раз высыпал в чашку остатки вчерашнего кофея из мельницы и залил их кипятком. Кухню наполнил тягучий уютный аромат. Поэт глубоко вдохнул, зажмурился на мгновение. Он походил на человека, потерявшего память и теперь пытающегося вспомнить свою прежнюю жизнь, цепляющегося за любые, даже самые ничтожные напоминания о ней. Еще он походил на мертвеца.

Поп поставил перед ним чашку и отступил на шаг, сложив ладони на груди:

– Пару лет назад я укрыл у себя в доме беглеца. Протянул руку ближнему, как заповедано. Заявился он ночью, дети уже спали. Судя по платью – обычный мещанин, потрепанный, небогатый, но речь и манеры его выдавали. Во время беседы так и хотелось склонить голову: «Да, ваше благородие!» Сказал, что скрывается от большевиков. Почему, не уточнял, да я и не спрашивал – у таких людей точно были причины не любить новую власть. Вел он себя странно, но про те странности я уже только потом думать начал: сидел спиной к красному углу, на иконы на стенах смотреть избегал, перед сном молитву читать отказался. Сказал, устал сильно. Уложил я его в свободной комнатке, а сам еще подумал, как бы не поплатиться потом за такую помощь…

Голос Попа вдруг сорвался, он несколько раз часто моргнул, затем зевнул искусственно, нарочито. Кивнул, глядя в окно, будто по ту сторону стекла тоже кто-то слушал:

– Ночью этот… это существо сожрало моих детей. Высосало их добела. Супруге, которая почуяла неладное и проснулась, оно просто оторвало голову. Меня разбудил его хохот, оно сидело на обеденном столе, за которым совсем недавно пило чай, и смеялось в голос. Но на иконы по-прежнему не смотрело. Это я заметил. Так и спасся. Пока оно издевательски благодарило меня за гостеприимство и угощение, прокрался в красный угол и встал прямо под образами.

– Помогло? – спросил Поэт с неподдельным интересом. Казалось, история Попа слегка оживила его, наполнила если

не надеждой, то обычным человеческим сочувствием. Или это подействовал кофей.

– Как видишь, – сказал Поп. – Оно так и не смогло подойти. Вилось вокруг, ругалось, смеялось, а потом пригрозило вернуться следующей ночью и сигануло в окно. Но уже к вечеру я отыскал его укрывище.

– И?

– И вогнал осиновый кол в сердце. Какие еще были варианты?

– Нужен именно осиновый?

– Откуда мне знать, – пожал плечами Поп. – Вон у знатоков спроси.

– Не важно, – отозвался Анархист. – Хоть осиновый, хоть березовый. Главное, чтобы наточен был хорошо. Забивать колья нужно с одного удара, потому что второй они сделать уже не дадут.

– Дело не в дереве, – сказал Солдат. – Дело в том, чтобы пронзить сердце и не дать ране затянуться сразу. Пуля пробьет их сердце навылет, а оно тут же восстановится. Можно использовать штыки или шашки, но вампиры умирают долго и обязательно попытаются достать убийцу. Суеверие или нет, но опыт показывает, что самое надежное средство против спящего упыря – именно осиновый кол и киянка.

– Забиваешь одним ударом, – Анархист энергично изобразил это руками, – отскакиваешь и смотришь, как они издыхают.

Тишина, воцарившаяся в комнате, продержалась недолго. Поэт одним глотком допил кофей, кивком поблагодарил Попа и заговорил, вновь пристально вглядываясь в лицо Солдата. Голос его был слаб, полон тоски и горечи.

– Мы вместе приехали из Москвы. В прошлом году я выступал там на вечере, читал стихи. Она подошла после, представилась. Не помню имени. – Поэт зажмурился, помассировал пальцами виски. – Нет, не могу вспомнить. Удивительно, ведь она произвела на меня такое впечатление… я вдруг понял, что всегда, всю жизнь искал именно ее.

– А внешность? – спросил Солдат. – Сумеете описать?

– Наверное, – Поэт замялся. – Стройная, высокая, волосы черные… или каштановые… я… нет, не помню. Непонятно.

– Еще как понятно, – сказал Поп. – Их хрен опишешь. Сплошной морок, обман. Может, они даже и не существуют в том смысле, в каком существуем мы.

– Ведь и цвета глаз не помню, – сокрушенно пробормотал Поэт. – Надо дождаться ночи. В темноте память вернется.

– Будем надеяться, – сказал Солдат. – А пока продолжайте.

– Да-да, извините. Мы провели вместе ночь и на следующий день поехали в Петроград. Она говорила, что очень любит мои стихи, и постоянно просила читать их ей. Не знаю, где она жила здесь. Почему-то мне ни разу не пришло в голову спросить об этом. Поначалу мы встречались очень часто, иногда по нескольку раз в день, но я все равно страшно

тосковал без нее. Это походило на одержимость, на самую первую, самую отчаянную, самую яркую влюбленность…

– Ну да, языком чесать ты мастер! – фыркнул Анархист. – Хватит бродить вокруг да около. Когда она начала тебя пить?

– Не знаю, – покачал головой Поэт. – Вот сейчас пытаюсь сообразить, но… такое ощущение, что все это происходило не со мной, что вся моя жизнь в этот последний год – просто пересказ чужой истории и некоторые важные части опущены или перепутаны.

– Когда? – повторил Анархист с угрозой в голосе.

– Наверное, в поезде, по пути в Петроград. Или уже дома. Или еще в Москве, сразу. Да, в Москве, в первый же вечер. Она пила, а я наслаждался этим, хоть и понимал, что происходит. Надеялся, она выпьет меня до дна. Но у нее были другие планы.

– Завести собственного стихоплета?

– Можно и так сказать. Мне казалось: все, что я написал, было о ней. Каждое мое стихотворение – это попытка призвать ее или предсказать ее появление. Но, спустя какое-то время, она охладела. Наши встречи становились все более редкими, и между ними я страдал неимоверно. Опустошенный, бессмысленный, я бесцельно бродил по улицам и повсюду видел ее: в других женщинах, в бликах на оконных стеклах, в сплетении теней на мостовой. Я стал слышать ее голос и следовал за ним и иногда – иногда – находил ее, в темных трущобах или шумных собраниях. Я был счастлив,

если она снисходила до того, чтобы вновь коснуться клыками моей шеи. Словно несчастный морфинист, жаждущий лишь спасительного укола.

Солдат резко встал, упершись руками в стол. Поэт поднял на него испуганный взгляд.

– Вы понимаете, что происходит? – с жаром спросила жестяная маска, в сгущающихся сумерках все сильнее походящая на живое лицо. – Вы отдаете себе отчет в том, что вас ждет?

– Да. Я погибну и стану одним из них. Ее вечным слугой.

– И вас это не пугает?

– Когда-то пугало. Сейчас уже все равно. Я почти пуст. Во мне не осталось сил на то, чтобы бояться или сопротивляться.

– Этого и не потребуется. Просто поддайтесь, следуйте на зов своей хозяйки, приведите нас к ней – и мы сделаем все, чтобы вас спасти.

– Убьете ее?

– Да. Или умрем сами.

– Когда?

– Сегодня ночью. Сейчас, после того, как стемнеет. Больше нельзя ждать. Она может уйти из города.

– Хорошо, – сказал Поэт. – Я помогу.

Солдат кивнул в ответ и стремительно вышел из кухни. Освободившийся табурет тут же занял Анархист. Поп укоризненно покачал головой:

– Мог бы и уступить место лицу духовного звания.

– Ни званий, ни сословий, – сказал Анархист весело. – Ни богов, ни господ.

– Эдак развалится все, – сказал Поп. – И в первую очередь твоя кривая табуретка.

Кряхтя, он нагнулся и выудил из ящика под столом бутылку водки. Бросив из-под густых бровей торжествующий взгляд на Анархиста, выдернул зубами пробку и начал пить прямо из горлышка, запрокинув голову. Поэт отвернулся было к окну, но через мгновение, будто вспомнив что-то, поднялся.

– Садитесь, – сказал он Попу, указывая на свой табурет.

– Не, – сказал Поп, оторвавшись от бутылки. – Стоя больше войдет. Отдыхай пока.

– Ты особо-то не налегай, – сказал Анархист. – А то будет как в прошлый раз.

Поп лишь рукой махнул и вновь сосредоточился на водке. Через час, когда из темных недр квартиры появился Солдат и дал команду выходить, он уже не вязал лыка. Спускаясь по лестнице, держался рукой за стену и шумно, с наслаждением икал. Впрочем, ни Солдат, ни Анархист по этому поводу не переживали, поэтому Поэт не стал задавать вопросов.

Снаружи только что прошел дождь. Сырой ветер тащил с моря запах соли. Поэт, ничуть не похожий уже на того живого мертвеца, каким приехал сюда, с наслаждением втянул носом холодный воздух. Ночь расползалась по городу, на-

полняла чернотой кроны деревьев, опутывала громады домов густыми тенями, сквозь которые едва проникал тусклый свет окон.

На улице не было ни души. Фонари не горели. Ничто не нарушало окружающую тишину, а потому Анархист чуть не вскрикнул, когда Поп, перекрестив мостовую, во весь голос запел псалмы.

– Молчать! – шикнул Солдат. Подойдя к Поэту, он снова стянул ему запястья веревкой и выразительно похлопал себя по кобуре на поясе.

– Не бойтесь, – сипло прошептал он. – Я не дам вам превратиться в одного из них.

Поэт подмигнул в ответ:

– Очень надеюсь. Я уже слышу ее. Далеко, но отчетливо. Она читает мои стихи. Пора идти.

Спецгруппа потянулась по тротуару в сторону Консисторской улицы. Поэт летел впереди, широким размашистым шагом – так в молодости спешат на встречу с новой возлюбленной, с горящими глазами и замирающим сердцем. Сразу за ним, с легкостью держа темп и не убирая руку с кобуры, двигался Солдат. Его сапоги гулко цокали по мостовой. Следом спешил Поп, пыхтя и энергично размахивая руками, будто дирижируя невидимым оркестром. Ветер развевал полы его рясы. Анархист шел последним. В немецком заплечном ранце он нес полтора десятка заостренных осиновых кольев и две дубовые киянки, в руках – трехлинейку с примкнутым

штыком. За пояс был заткнут обычный плотницкий топор.

Когда они выбрались через арку на Консисторскую, Поэт на мгновение замешкался. Пометавшись из стороны в сторону, он замер посреди проезжей части, склонил голову набок и прислушался.

– Ну чисто охотничий пес на болоте, – прошептал Анархист, ухмыляясь в усы. – За уткой идет.

Минуту спустя, определившись с направлением, Поэт помчался в сторону Новгородской улицы. Было что-то болезненное, истерическое в его движениях, как если бы каждое из них стоило ему огромных сил и могло оказаться последним. Он надрывался, ломал себя, одержимый то ли неодолимым вдохновением, то ли ужасом, то ли жаждой прекратить затянувшиеся мучения.

– Вот куда так спешить, – бурчал под нос Поп, с трудом держась с ним вровень. – Можно подумать, опаздываем. Проклятая современная поэзия: начитаются своих четверостиший и носятся потом по городу как оглашенные. То ли дело раньше были оды…

Когда до поворота на Новгородскую оставалось с десяток шагов, из-за угла вывернул патруль – трое красноармейцев в шинелях, с винтовками на плечах. Увидев несущегося прямо на них растрепанного человека, за которым спешили вооруженные и явно подозрительные личности, красноармейцы среагировали мгновенно: один из них схватил Поэта в охапку, а двое других шагнули навстречу преследователям,

выставив перед собой винтовки:

– Стоять!

– Я действую по поручению Петроградской ЧК. – Не реагируя на окрик, Солдат вынул из внутреннего кармана удостоверение. – Спецгруппа Багряка…

– Стоять, сказал! – Патрульный, не удостоив бумагу взглядом, уткнул острие штыка ему в грудь. – Молчать! Бросай оружие!

– Мое оружие – слово! – проревел Поп, выдвинулся из-за спины Солдата, выпятив брюхо и наступая на патрульных. – Сим словом я сокрушу вас, порождения ехиднины!

Он отбросил в сторону нацеленный на него винтовочный ствол, приблизился вплотную к красноармейцу, согнулся и, тяжело содрогнувшись, опорожнил желудок. Все выпитое за последние часы, обильно сдобренное полупереваренным хлебом, желчью и кровавыми сгустками, хлынуло патрульному на сапоги дурно пахнущим потоком.

– Твою-то в бога душу мать! – рявкнул облеванный, запоздало отшатнувшись. – Ну-ка назад!

– Храни тебя Господь, отрок, – пропыхтел Поп, выпрямляясь и утирая губы. – Полегчало-то как…

Облеванный пнул его в живот. Поп легко опрокинулся наземь, расплылся на мостовой, блаженно улыбаясь. Воспользовавшись заминкой, Солдат все-таки сумел обратить внимание двух других красноармейцев на удостоверение. Они одернули разъяренного соратника и отпустили безучастно-

го ко всему Поэта, а затем долго и тоскливо рассматривали бумажку, по складам разбирая написанное, терли пальцами печать, чесали в затылках. В конце концов спросили, указывая на Попа, по-прежнему лежащего на земле и пристально смотрящего в небо:

– С этим что?

– Он с нами, – сказал Солдат. – Ключевой сотрудник.

– Общественный порядок нарушает ваш сотрудник.

– К сожалению, без него никак. Ведем преследование опасного преступного элемента, и для опознания и розыска вынуждены задействовать все силы.

– Ясно. – Красноармейцы вернули удостоверение. – Удачи.

Солдат коротко кивнул. Патрульные двинулись по улице положенным маршрутом – столь же бдительные, столь же бравые, как и прежде, только облеванный постоянно смотрел на испачканные сапоги и громко матерился. Солдату пришлось схватить Поэта за локоть – почуяв свободу, тот рванулся дальше, но Анархисту потребовалась почти минута, чтобы заставить Попа подняться.

По Новгородской они добежали до Кирочной, и здесь Поэт нырнул во дворы. Там царила полная тьма. Постоянно окликая друг друга и поскальзываясь в невидимой грязи, спецгруппа товарища Багряка летела сквозь ночь, из одного колодца в другой, летела на зов Красной Дамы. В какой-то момент оказалось, что они уже поднимаются по узкой де-

ревянной лестнице. Скрипели под подошвами некрашеные доски, ноздри наполнял запах свежей смерти.

– Опоздали-таки, – пробормотал Поп, едва войдя в квартиру. В коридоре не было никакой мебели, кроме старинного зеркала в пыльной раме. На этом зеркале темнели кровавые брызги. В дальней комнате двое сидели в креслах перед раскрытым окном. Сырой ветер успел намочить их одежду. Запрокинутые лица были белы словно снег. Под одним из сидящих натекла внушительная лужа мочи. Крови почти не осталось – так, несколько капелек на манжетах рубашки да на подоконнике. Наверняка оставлены намеренно, как и брызги на зеркале.

– Дразнится, гнида, – сказал Анархист. – Поймаю – убью.

– Ты лучше с этими разберись, – сказал Поп. – Я бы сам, но милостью Божией рука моя нетверда.

Анархист пожал плечами, вынул из заплечного мешка киянку с кольями и пустил их в ход. Быстро и деловито, ничуть не смущаясь святости людской плоти. Будто курицам на кухне головы отсекал.

Бросив быстрый, испуганный взгляд на пронзенные деревяшками тела, Поэт подошел к окну, оперся о подоконник:

– Она там. Рядом. Манит меня. Моя прекрасная дама.

– Красная Дама, – поправил Поп. – Так эта дрянь по документам проходит. Властям не нравится, но против народа не попрешь. Поэтому лучше добавляй «так называемая», чтобы чего не вышло. Например, «меня манит моя так называ-

емая Красная Дама».

– Не поэтично, – сказал Анархист, убирая киянку.

– Что бы ты еще в стихах понимал, грамотей.

Солдат встал рядом с Поэтом, посмотрел в серую петроградскую ночь, спросил:

– Куда теперь?

– Совсем близко. Я знаю. Я покажу. Они спустились по парадной лестнице, освещенной масляными светильниками, и вышли на улицу. Поэт больше не колебался. Он повел их на другую сторону, там миновал три дома, в четвертом поднялся на второй этаж, остановился перед запертой дверью, ткнул пальцем:

– Здесь.

Ни слова не говоря, Анархист поплевал на руки, перехватил поудобнее топор и за три удара вырубил замок. Солдат ворвался первым, с пистолетом наготове. Их встретили сквозняк и тишина. Трупы лежали в кроватях, в мирных позах людей, так и не успевших понять, что умирают. Но на сей раз крови было больше. Она пропитала простыни и одеяла и до сих пор капала из-под самой маленькой кроватки на пол.

– Мразь! – сказал Поп и отвернулся. – Нажралась. Развлекается просто.

– Играет с нами, – сказал Солдат.

– Ага, – рыкнул Анархист. – И не она одна!

Он подошел к Поэту, ткнул его пальцем в грудь:

– Ты ведь намеренно водишь нас кругами, стихоплет. Так?

– Нет, и в мыслях не было. Я просто следую за ее зовом. Он иногда стихает, иногда совсем прерывается, но после возобновляется снова. Возможно, она догадывается, что мне нельзя верить.

– Знаешь рифму на слово «кулак»?

– Чт… – переспросить Поэт не успел. Анархист, не замахиваясь, ударил его в живот.

Поэт осел на колени, хватая ртом воздух и силясь вдохнуть. Анархист довольно хмыкнул и кивнул Попу:

– Твой выход, батюшка.

– Ну наконец-то, уж думал, что все зря! – ответил Поп, закатывая рукав.

Оголилось мучное предплечье с прожилками вен, и слезящиеся глаза Поэта затравленно забегали. Поп взял протянутый Солдатом траншейный нож и, поморщившись, чиркнул по коже. Тускло блеснула капля крови, за ней – вторая. Поэт облизнул синие губы.

– На-ка, отрок, отведай, – пьяно икнув, протянул руку Поп.

Лицо Поэта нервически дернулось, и он решительно замотал головой.

Солдат устало вздохнул, зашел к нему со спины, одной рукой крепко вцепился в волосы, задирая голову вверх, а второй обхватил тонкую шею.

– Пей давай, не ерепенься, – осклабился Анархист. – Глядишь, разговеешься, повеселеешь.

Поп приблизил руку к губам Поэта и лишь скривил губы, когда желтые клыки впились в плоть. Поэт припал к кровоточащему предплечью, присосался к ране и, сопя, закатил глаза.

– Хороша красненькая с водочкой, а? – подмигнул ему Поп.

Прошло добрых две минуты, прежде чем Поэт напился и обмяк в руках Солдата, сытый и обессиленный. Он обвел спецгруппу осоловелым взглядом, утер влажные губы рукавом и, растягивая слова, спросил:

– А что дальше-то, господа?

– А дальше, – ответил Анархист, – даме твоей телефонировать будем.

Поэт поднял на него удивленный взгляд, раскрыл было рот, но в эту же секунду кулак Анархиста глухо бухнул ему в челюсть. Зубы Поэта клацнули, и он повалился на окровавленный ковер, раскинув руки.

Поп задумчиво почесал затылок.

– Крепко ты его, – сказал он Анархисту. – Меру ж знать надо. Поди, шею своротил, глянь, какая она у него худосочная.

– Цыц, – бросил Анархист, дуя на ссаженные костяшки. – Я свое дело знаю. Не покалечил.

– Да откуда ж тебе знать, морда? – осклабился Поп. – Ума-то Бог явно недодал, знает он.

Солдат присел на корточки над распластавшимся на полу

Поэтом. Анархисту на миг показалось, что сгорбленная темная фигура напоминает ему степного стервятника. Что Солдат снимет сейчас свое жестяное лицо и вопьется зубами в прозрачную белую кожу и красную – а она красная, наверняка красная, как и у людей! – плоть под ней. От одного этого образа, от почудившегося на миг жалобного звяканья отброшенной маски ему стало дурно. Он отвел взгляд, уставился в окно. За окном на сером небе зияли силуэты соседних крыш, а стылый ветер волочил между ними клочья дыма.

Солдат по-собачьи склонил голову набок. Поп цыкнул языком:

– Что там?

Солдат тут же вскинул руку, призывая к тишине.

– Он бредит, – донесся сдавленный голос из-под маски. – Говорит с ней.

Поп округлил глаза и пьяно икнул. Он опустился рядом с Солдатом и прислушался. Синюшные губы Поэта шевелились, и до Попа донесся голос, тихий, как шелест опавшей листвы:

– Прошу тебя… Мне больно видеть это… Ты целуешь их, ты касаешься их… Молю тебя, скажи… Скажи, чем они лучше меня, они ведь даже не люди… Останки… Лишь останки людей, и они удостаиваются твоих поцелуев… Боже, я вижу Вавилон, я вижу огни Содома… Прошу тебя, молю, не надо… Ты будешь зачумлена, заклеймена этой грязью, этой траншейной слизью, не способной быть людьми…

Поп брезгливо скривился:

– Что-то в этот раз не работает. Что он несет? Юродивый, ей-богу. Воистину сказано в Писании – у хорошего человека не бывает белых рук.

– Не сказано там такого, – вклинился Анархист.

– Мне виднее, что там сказано, а что нет! – огрызнулся Поп. – Как научишься читать и пальцем по странице не водить, тогда и будет у нас диспут.

Солдат выпрямился. Влажно блеснули глаза в прорезях маски, скрипнула кожа его перчаток.

– Я понял, где тварь, – сказал он.

Поп вскинул бровь. Анархист довольно заурчал, поправляя ранец.

– Увечный дом, – сказал Солдат. – Дом призрения для ветеранов. Она там. Место знаю. Полчаса отсюда.

Поп лишь вздохнул. Хмель отступал, а на его место приходили промозглый ветер, редкие капли дождя, запах гари и страх. Как, впрочем, и всегда.

– Дохлика здесь бросаем? – спросил Анархист.

Солдат утвердительно кивнул:

– Да, по нему она нас приметит на подходе. Пусть отдохнет тут.

Снова улицы, серое на сером. Пыль в лицо и вороньи крики высоко над изломанными крышами. Закопченные красные растяжки между стенами проулков. Чернолицые старухи и дети, пропадающие навсегда во мраке колодцев.

– Этот город – идеальная кормушка, – пробурчал Анархист. – Человек исчезнет – никто искать не станет. Будто даже дома жрут людей.

– Город – обеденный стол самого диавола, – пробурчал Поп. – Пир, каких цари вавилонские не видывали.

Солдат молчал. Он словно не слышал товарищей и вышагивал вперед, прямой, как штык-нож. Как тень статного и справного человека, которым когда-то был.

Они свернули во дворы и ныряли из подворотни в подворотню, и вскоре колодцы, слившиеся в одно темное, заваленное мусором, гильзами и шелухой семечек ущелье, выпустили их в утробу шелестящей невидимыми ветвями аллеи. В конце ее горел фонарь, бросая оранжевые блики на стену дома, вспучившуюся пузырями штукатурки. В проплешинах багровели кирпичи.

– Мы на месте, – сказал Солдат. – Увечный дом впереди.

– Как действуем? – спросил Анархист.

– У меня есть план, – ответила жестяная маска. – Там содержится мой сослуживец. Его потребуем предоставить. Не имеют права отказать. Не положено.

– Вставай, сука, Колчак пришел! – Тяжелая лапища Анархиста хлопнула по столешнице, и вслед за этим звуком заплясали тени в приемном покое, а уснувшая за столом изможденная санитарка подскочила, недоуменно вращая глазами.

– Ты кто? По какому праву… – залопотала она, но тут же умолкла, увидев протянутое Солдатом удостоверение.

Она подняла глаза и замерла перед жестяной маской как завороженная. Поп знал, что она смотрит в прорези для глаз. Знал, что видит санитарка. Что за прорезями блестит влажный кафель прозекторской. Поп не любил глаза Солдата. В них еще никто не смог найти ничего хорошего.

– Прочитала? – раздался голос, похожий на змеиное шипение.

Санитарка угодливо кивнула и сглотнула. Ее щеки дрожали.

– Не слышу.

– Прочитала.

– Нам нужен ваш подопечный. Товарищ Липатов. Павел Сергеевич.

– Но не положено по распорядку… – Голос санитарки звучал сдавленно, будто на ее шее сомкнулись стальные пальцы. В перчатке из скрипучей кожи, разумеется.

– А содержать контрреволюционных элементов у вас положено по распорядку? – Солдат повернул голову, изучая испуганное лицо девушки с гадливым интересом. – Может статься, что тогда положено допрашивать и медперсонал. Я могу. Прямо здесь. Сначала тебя подержит мой матрос, – он кивнул на Анархиста, и тот широко ощерился. – А я допрошу. Потом мы поменяемся. А потом и батюшка допросит и отходную прочитает. Идет?

Санитарка вытянулась по струнке. Лицо ее дрожало. По щеке пробежала слеза. Поп знал, какие картины она видит в глазах Солдата теперь.

– Липатов. Павел Сергеевич.

– Минуту! – И девушка стрелой вылетела из покоя.

Солдат обернулся к напарникам, поправил пистолет на поясе:

– Ее тоже пьют. Похоже, тут пьют всех. Дело дрянь.

– Дерьмо дело, – сплюнул Поп. – Прости Господи.

Солдат приложил пальцы к горлу. Каждое слово давалось ему тяжелее предыдущего. Анархист, глядя на него, вспомнил, как давным-давно один знакомый казак хлебнул из бутылки, в которой оказалась царская водка. Потом, много месяцев спустя, когда к нему вернулся голос, он говорил точно так же, с таким же трудом выдавливая слова из влажного заструпованного отверстия на месте рта.

– Здесь не могут ей противостоять. Она как волк в хлеву. Будьте начеку.

Тихий щелчок клапана на кобуре Солдата.

Анархист поправил топор за поясом.

Поп кашлянул и одернул рясу.

И все обернулись на звук.

Тот доносился из темного коридора по левую руку. Скрип и нервный, частый перестук. Выплывавшая из темноты фигура более всего напоминала бесформенный куль. Солдат прочистил горло. Такие кули, пропитанные кровью и окру-

женные зелеными мухами, часто появлялись в траншеях, где до того разрывались артиллерийские снаряды. Он видел, как рядовые собирали в эти кули лопатами красную грязь с белыми осколками и розовыми клочками, а грязь сочилась обратно сквозь прогрызенные крысами прорехи.

Но это был всего лишь человек. То, что осталось от человека. Он передвигался на маленькой, грубо сколоченной каталке, толкая себя вперед единственной уцелевшей рукой. Скрипело и стучало расшатавшееся колесико, бьющееся о половицы. Человек сидел скособочившись, и Анархист не сразу понял, что у него нет ног. Штанины армейских брюк были урезаны и подшиты выше колен. Болтался свободно левый рукав некогда белой рубахи. На желтом лице фиолетовые круги под глазами казались черными кавернами, на дне которых поблескивала влага.

Увечный приблизился, за его спиной мутным мороком маячила санитарка.

– Ну-ка, подойди, – поманил ее пальцем Солдат.

Девушка шмыгнула носом и приблизилась, затравленно глядя снизу вверх:

– Отлично. Анархист!

– Я!

– Дай-ка ей покрепче.

Санитарка распахнула рот в испуге, но крикнуть не успела. Тяжелый, как боек молота, кулак врезался ей под ухо. Девушка отлетела к стенке и сползла на пол, закатив глаза.

– Ну, эту ты точно убил, – хмыкнул Поп.

– Будешь много говорить – на тебе опробуем.

– Меня что бей, что не бей – только слышать чуть хуже стану. А тебе за такое святотатство Господь руку отсушит, помяни мое слово, под одеялом ее больше держать не будешь.

Анархист лишь довольно гоготнул в ответ, и эхо его смеха забилось во чреве коридора.

Человек на каталке с любопытством изучал их компанию, держась единственной рукой за ручку двери для равновесия. Солдат шагнул к нему и опустился на одно колено.

– Привет, Пашка, – сказал он.

Глаза увечного распахнулись чуть шире, поползли в стороны восковые губы, обнажая редкие гнилые зубы.

– Земляк? – в тонком и прозрачном голосе послышалось легкое удивление. – Ты?

Солдат кивнул. Улыбка Липатова сделалась еще шире, отчего стала похожа на оскал рыбы-зубатки.

– Земляк! Сколько лет! Дай обниму! – Он подался вперед, чуть не завалившись на Солдата, но тот бережно подхватил Липатова и прижал к себе. – Дружище! Живой! Живой! Дай посмотрю на тебя! Эвон какое тебе лицо сделали, куда краше старого!

Поп озадаченно почесал бороду. Он впервые видел, чтобы кто-то испытывал радость при виде Солдата. И уж тем более чтобы кто-то ее при нем показывал.

– Пашка, – Солдат мягко отстранился от товарища, – мы по делу. И надо его делать быстро. Понимаешь? Потом сможем поговорить обо всем.

Липатов кивнул:

– Дело ваше нелегкое будет, если мы об одном и том же думаем.

Солдат мягко взял его пальцами за подбородок и задрал вверх. На грязной коже виднелись закоростевшие ранки. Следы укусов.

– Она всех пьет, – тихо сказал Липатов. – По очереди. В подвале тварь сидит. Тут подвал – натуральные катакомбы. Там и устроилась. А нас к ней, – он кивнул на санитарку, – эти сволочи таскают. Их тоже пьет. Круговая порука получается. Меня неделю не трогают уже, желтуху подозревают. Держат в лазарете.

– Знаешь, где в подвале? – спросил Анархист.

– Знаю, еще как. Дорогу без глаз найду.

– Рассказывай тогда.

– Не, – покачал головой Липатов. – Так заплутаете. Надо показывать. Я с вами, прямо к ней подвести смогу.

Поп сморкнулся на пол и шагнул поближе к увечному.

– Смотри мне, – дыхнул он перегаром в лицо Липатову. – Обманешь – не посмотрю, что Господь таких убогих любит…

– Отставить! – резко обернулся Солдат и тут же повторил, уже мягче: – Отставить. Не обманет. Даже перед стра-

хом смерти не обманет. Вы перед человеком чести стоите.

– Есть вещи и похуже смерти, – буркнул Поп.

Липатов словно ничего не услышал.

– Надо через кладовую идти, – сказал он. – Чтобы сначала вам тылы обезопасить.

Он ловко развернулся на каталке и, перебирая рукой, устремился обратно во тьму коридора.

– Санитары, что ли, в кладовой? – спросил Анархист.

Липатов остановился и кивнул, устремив на Анархиста мокрые тусклые глаза:

– Суки белохалатные. Хужей любых кровососов. Вещи все поотобрали, даже медали.

– Веди, – клацнул затвором трехлинейки Анархист, но Солдат предостерегающе вскинул руку.

– Давай без стрельбы, – сказал он. – Пока надо тихо. Чтобы не спугнуть нашу Красную Даму.

В темноте сверкнуло лезвие траншейного ножа.

Анархист перекинул винтовку через плечо и взвесил в руке топор.

Поп отрыгнул густым перегаром и хрустнул пальцами.

То оказались не санитары, а настоящие ухари в некогда белых халатах. Пятеро душегубов с отупевшими маслянистыми глазами. Рыла из тех, что заблудший путник видит последними в своей жизни, свернув в незнакомую сырую подворотню. Щеки и лбы, изрезанные, как столы в кабаке. Ку-

лаки стесанные, шеи короткие, фиксы с позолотой. Кулаки трещали, шеи хрустели, а фиксы застревали в щелях меж половицами.

Анархист тяжело дышал, слизывая кровь с костяшек. Поп кашлял, склонив косматую голову и упершись в стену руками. Солдат вытирал тряпицей лезвие ножа. Под их ногами вповалку лежали тела в белом, а подошвы липли к полу, залитому кровью. Где-то рядом раздался тихий стон, и Анархист саданул прикладом на звук. Стальной тыльник чавкнул – и стон оборвался.

Липатов смотрел на распростертые тела с неподдельным злорадством, а коридор позади него полнился звуками. Скрипели сетки кроватей в черных палатах, скрипели открывающиеся двери, скрипели кривые костыли. Тянулся шепоток множества осторожных голосов, похожий на шелест веток в облетевшем сквере. Возникали во мраке призрачные фигуры, косые, незавершенные, ломкие. Увечные покидали свои кельи.

– Я думал, все ваши внизу? – Убрав нож, Солдат положил руку на плечо Липатову.

– Тут только безнадежные, – ответил тот. – У кого уже пить нечего и кто сам никуда не денется.

К Липатову, бухая по полу мозолистыми костяшками кулаков, подполз один из безнадежных, безногий с бугристой нижней челюстью, покрытой волнистыми шрамами. Он промычал что-то, ухватив Липатова за пустой рукав и косясь то

на тела санитаров, то на спецгруппу.

– Нет, Прошка, это не Ленин пришел, – мягко и ласково ответил Липатов.

Снова мычание, на сей раз – с недоумевающими нотками.

– Нет, Прошка, еще орден тебе не дадут.

Прошка презрительно фыркнул и сцедил на пол нитку слюны.

– Зато, – улыбнулся Липатов, – они тебе твой китель вернут. Сейчас кладовую откроют и вернут. Вместе со всеми орденами и медалями.

Прошка вмиг просиял, как ребенок, которому взрослые пообещали леденец на ярмарке, и снова оглядел спецгруппу, на сей раз – взглядом, полным надежды и неподдельной благодарности.

Анархист покрутился, глядя под ноги, наклонился и обхватил пальцами рукоять топора, теплую и липкую. Уперся ногой в белую спину и вытянул лезвие из расколотого затылка одного из санитаров.

– Раз – и квас, – пробормотал он услышанную недавно в московском кабаке присказку.

Дверь кладовой слетела с петель с первого удара, и Липатов первым устремился внутрь. Поп сунулся было следом, но Солдат удержал его за рукав, пропуская вслед за Липатовым вереницу пациентов увечного дома. Из кладовой доносилось шуршание и тихие радостные голоса. Внутрь заходили калеки, а обратно выходили бойцы. Пыльные кители словно воз-

вращали их взглядам огонь, пальцам – былую хватку, а спинам – солдатскую осанку. Бледные тени, они вновь становились теми, кем некогда были.

Раздался глухой стук костяшек по полу, и показался Прошка. Полы его кителя волочились по полу, а на груди звенела целая россыпь орденов и медалей. Прошка подполз к Солдату, ухватил его за штанину и замычал, еле шевеля челюстью. Солдат видел, как ворочается в беззубом рту темный язык.

– Благодарит тебя, – сказал Липатов, показавшись на своей каталке. – Ленин бы больше для него не мог сделать, говорит.

Солдат пожал протянутую ему снизу сухую и грубую, как хлебная корка, ладонь. Прошка уважительно кивнул, не сводя радостных глаз с выцветшей жести.

– Все готовы? – спросил Липатов. – Пойдем вниз?

Прошка оглянулся на него и вопросительно угукнул.

– Нет, тебе не надо, – ответил Липатов. – Ты здесь за главного будешь.

Возмущенное мычание перебило его, но Липатов лишь поднял руку в примирительном жесте:

– Прошка, без тебя никак. Кто всех остальных построит и порядок наведет?

Прошка обиженно рявкнул неразборчивое, но послушался. Отпустил штанину Солдата, споро развернулся на кулаках и гнусаво заголосил на весь коридор. Остальные увеч-

ные, разбредшиеся кто куда, тут же поспешили обратно и начали кое-как строиться у стенки, а безногий ветеран, переваливаясь с руки на руку, двинулся вдоль строя, время от времени порыкивая на своих неказистых подчиненных.

– Пойдем, – позвал Липатов. – Тут без нас все организуется. Сейчас наряды раздаст, начнут порядок наводить. Этих вон, – он кивнул на санитаров, – приберут.

Поп дернул Анархиста за рукав:

– Отдай ребятам ружьецо. Тебе оно в подземелье ни к чему будет, а им здесь пригодится.

Анархист шагнул к строю, подцепил пальцем за ворот одного из калек. Того, что стоял на обеих ногах и сохранил обе руки.

– Держи, – протянул он ему трехлинейку. – Охраняй своего командира.

Калека загукал, затряс хохлатой головой.

– Он глухой, – сказал Липатов. – И слепой на один глаз. И друзей мертвых в башке слышит только.

– Ничего, справится. – Анархист силой всучил оружие калеке. Прошка махнул тому рукой, сложил пальцами одной руки несколько фигур, и калека тут же пристроился за его спиной, удерживая трехлинейку на плече.

Липатова пришлось спускать по лестнице на руках, но внизу он мигом сориентировался и повел группу за собой через захламленное помещение, ныряя на каталке в узкие

проходы между сваленными одна на другую койками, шкафами с выбитыми дверцами и стопками рассохшихся книг и тетрадей. В темноте Анархист постоянно натыкался на острые углы то ли ящиков, то ли опрокинутых шкафов. Позади вполголоса ругался Поп.

– Тут раньше учебные классы были для студентов, – прошептал Липатов. – А дальше проход в сами катакомбы. Вроде какие-то тайные ходы для дворян, а может, еще что. Все позавалено давно, небольшой кусок сохранился, тупиковый. Там эта гнида и прячется. Прямиком к ней выйдем.

Он свернул, уводя группу в неприметный закоулок. Анархист с Попом еле протискивались следом за Солдатом. Поп чувствовал, как навстречу тянет сырым затхлым сквозняком, как в заброшенных подвалах или в покинутых ночлежках.

Вскоре закоулок оборвался, выведя группу в зал со сводчатым кирпичным потолком. Вперед убегал коридор, подсвеченный масляными лампами. Благодаря им было видно, что дальше коридор сменяется анфиладой таких же залов, по которым разлились тени, разбавленные редкими пятнами света.

– Три зала вперед, потом налево, еще два зала, на право, и мы на месте, – голос Липатова угас до еле различимого шелеста. – Она спит. Не знает, что мы здесь, но чувствует неладное. Я слышу, как она шепчется с тенями во сне.

Солдат кивнул и обернулся к напарникам:

– Группа, дальше двигаемся тихо. Смотрим по сторонам и особенно – на потолок. Держаться друг от друга на вытянутую руку. Анархист – вперед. Я следом. Начну стрелять – сразу все в стороны и ориентируйтесь по ситуации. Поп, замыкаешь. Пашка с тобой. Вопросы?

Поп покачал головой. Полез руками под воротник рясы, подцепил ремень на шее и стянул его через голову. Одну руку запустил под рясу, присел и вытянул из-под облачения автомат Федорова. Снова накинул ремень – уже поверх одежды – повел плечами, примеряясь к оружию, щелкнул предохранителем.

– Я готов, – сказал он и погладил орудие убийства, словно ласковую кошку. – Патрон уже в патроннике.

Анархист округлил глаза:

– Ты все это время с заряженным автоматом ходил? А если бы мудя себе отстрелил?

– А на кой божьему человеку мудя? То-то же, деревня. Всё для благого дела. Мы с Господом Богом порой поражаемся твоему скудоумию.

Анархист оскалился, одобряя услышанный ответ. Сам он распахнул ранец, передал несколько кольев с киянкой Солдату, и тот прибрал их за пояс, поближе к ножу. Анархист же перевесил открытый ранец на грудь, а сам вооружился топором.

– Все готовы? – спросил Солдат. Ему никто не ответил. – Ну, с Богом.

Три зала до поворота налево показались бесконечными. Поп прислушивался к каждому шороху, а шорохов было полно. Шуршали в углах крысы, тут и там сыпались с потолка редкие струйки песка и пыли. Хрустели под ногами крошки кирпича. Или кости. В темноте было не разглядеть, а на светлых участках никто под ноги не смотрел – взгляды четырех пар глаз приковывала окружающая темнота.

Анархист боялся. Пальцы на рукояти топора побелели от напряжения. Шаг. Еще шаг. Один зал позади. Второй. Огни за тонкими стеклянными стенками дрожат, колышутся в оранжевом мареве. Свет их обрывается уже через пару метров. Граница темноты четкая, будто очерченная углем. Будто свет отрезали ножом. Шаг. Еще шаг. От лампы к лампе через гулкие, таящие в себе предательское эхо пространства, залитые тьмой. Колесико на тележке увечного Липатова стучит слишком громко. Его должно быть слышно на другом конце Петрограда. Его вдвое лучше слышно в темноте. Шаг, еще шаг. Потолок, не забывать про потолок. Очередной островок света во мраке – и стены уходят вверх, теряясь в непроглядном небытии. Еще шаг.

Пальцы на рукояти топора онемели, и Анархист чувствовал, как наливается в нем тягостная густая ярость, как зарождается в груди глухой звериный рык, как пружинят ноги, готовые бросить тело вперед, на противника, едва тот покажется.

Света не стало, когда они свернули налево. Никто не по-

чувствовал ни дуновения, но огни в лампах задрожали, затанцевали и разом погасли. В ноздри пополз дымок остывающих фитилей.

– Твою мать, – процедил Анархист. – Ну, конечно же.

– Тихо, – донесся приглушенный маской голос. – Пашка, сколько еще идти?

– Еще шагов тридцать всего и направо. Там на углу ниша есть, в ней два фонаря карбидных. Для санитаров там лежат. Они сюда без света даже под страхом смерти не ходят.

Тридцать шагов. Это было безумно далеко. Поп весь обратился в слух, но не услышал ничего. Мрак сожрал звуки вместе со светом.

– За мной, – скомандовал Солдат, и до Попа донеслись его удаляющиеся шаги.

Покрепче обхватив цевье автомата, он двинулся следом. Тут же справа скрежетнуло и застучало колесико каталки. Поп скосил глаза и в темноте увидел серый на черном профиль Липатова. Колесико стукнуло о камень и стихло, жалобно скрипнув напоследок. На руку Попа легла холодная сухая ладонь увечного, и он тут же замер, шикнув шедшим впереди товарищам.

– Она знает, что мы здесь, – еле слышно прошептал Липатов, поднимаясь на ноги. Его лицо оказалось вровень с лицом Попа. – Она видит нас.

Темнота вокруг зашипела, захлопала кожистыми крыльями и тут же стихла. Поп смотрел на лицо Липатова, на его

молочную кожу, словно бы еле-еле светящуюся изнутри.

– Эта сука видит нас, – повторил Липатов, глядя перед собой.

– Пашка! – позвал откуда-то спереди Солдат. Издалека, шагов за сто от Липатова с Попом.

– Эта сука видит нас, – голос Липатова сделался громче. Голова дернулась, и на белом лице на миг пролегла черной траншеей страдальческая складка.

Липатов сделался еще выше, он нависал над оцепеневшим священнослужителем. Что-то шевелилось на голове у Липатова. Что-то, чего Поп никак не мог разглядеть.

– Вы где там? – это уже Анархист. Голос еще дальше, чем голос Солдата. Как так вышло? Он же шел за ним.

– Эта сука видит нас, – Липатов выдавливал слова из себя почти как Солдат. Слова ворочались внутри рта тяжелыми шарами и падали на пол к его ногам.

Но у Липатова не было ног.

Поп опустил глаза. Культи Липатова болтались в воздухе, Поп видел белые обрубки.

Но ведь Липатов носил штаны.

– Видит. Нас, – вытолкнул Липатов. По белому подбородку побежало черное.

Рубашка его была задрана, а из живота тянулся и уходил вправо, в темноту, шевелящийся отросток. Раздался противный чмокающий звук. Отросток подался назад, а потом обратно – внутрь Липатова, вглубь его чрева. Липатов повер-

нул лицо к Попу, и в волосах увечного шевельнулись бледные пальцы, похожие на жирные паучьи лапы. Липатов открыл рот и вместе с новой черной струйкой, побежавшей на рубаху, сказал:

– Я вижу тебя, батюшка.

И засмеялся. Кожа под ребрами у него натянулась, на животе вздулся бугорок и скользнул вниз. Чавкнула черная дыра в животе Липатова, из нее выскользнула залитая кровью рука. Вторая рука, державшая калеку за волосы, разжала пальцы, и он упал на пол под ноги Попу.

Поп закричал и вскинул автомат.

Очередь осветила метнувшуюся в сторону фигуру, похожую на сбросившую шерсть борзую. Пули ударили в стену, и в лицо Попу брызнули крошки кирпича.

– Солдат! Она здесь! – Поп не слышал собственного голоса, оглушенный выстрелами. Солдат тоже вряд ли его слышал. – Лампы! Быстрее!

И он сам бросился вперед по коридору. Туда, где был последний поворот к логову упырихи.

– Куда ты, батюшка? – подвывало у него над головой, и он дал очередь на звук. Обломки камня застучали по плечам.

Поп налетел на кого-то из своих. На Анархиста, наверное, судя по тому, как жахнуло в ответ по зубам, когда они оба повалились на пол.

– Да я это! – рявкнул Поп, перекатываясь на спину и слепо водя перед собой дулом автомата. – Аз есмь!

Анархист лишь проревел что-то неразборчивое в ответ. Тут до их слуха донеслось шипение карбида, и темноту пробил луч света.

– Быстро сюда! – зарычал Солдат, и от его крика спину Попа продрал мороз. Он слышал этот звук впервые.

Анархист рванул Попа, поднимая его на ноги. Оба бросились к Солдату. Тот зажег второй фонарь, бросил им, и Анархист едва сумел его поймать. Луч второго фонаря тут же забился под потолком, освещая потрескавшиеся своды, скользнул по стенам и опустился на пол.

Наверху, на первом этаже дома призрения, коротали свои последние дни безнадежные и пустые. Те же, в ком еще теплилось достаточно жизни, были здесь. Они заполонили проход с обеих сторон, зажав в клещи спецгруппу. Они ползли, наваливаясь друг на друга, и тянули к троице воспаленные культи и скрюченные пальцы. Они яростно и беззвучно распахивали пасти, усеянные желтыми клыками. Они не сводили с живых и здоровых людей мутных белых глаз.

Ее корм.

И ее охрана.

Сама Красная Дама держалась на потолке, над своим войском. Пепельная кожа, исчерченная тонкими синими венами, обтягивала угловатый костяк ребер и гребень выгнутого коромыслом позвоночника. Ее руки, по-паучьи длинные и тонкие, кончались когтистыми пальцами, и пальцы эти впивались в трещины потолка, подтягивая за собой тело. Ноги,

вывернутые в коленных суставах, она расставляла широко, будто готовилась оттолкнуться по-лягушачьи от своей опоры и ринуться вниз. Голова на тонкой вытянутой шее покачивалась, разваленная надвое щелью пасти, полной неровных и вытянутых зубов-иголок, и вслед за покачиваниями этой уродливой башки волочились по полу ее патлы – влево-вправо, влево-вправо, – оставляя виляющий след в пыли.

Увечные ползли к группе, все резвее и резвее перебирая серыми, похожими на жирные колбасы культями.

– Держи суку! – скомандовал Попу Анархист и встал впереди, заслоняя товарища от протянутых обрубков, широко расставив ноги и взвесив в руках топор.

Справа встал Солдат.

– Сбей ее на пол, а я закончу, – шепнул он. В руках у него были наготове кол с киянкой.

И все сразу пошло не так.

Анархист ринулся вперед, влетел в толпу обращенных калек, размахивая топором. Топор взмывал и опускался так быстро, что Поп видел лишь тусклые блики железа и взбитую им кровавую пыль в воздухе. Слышались хруст, треск, глухие удары и тяжелое дыхание Анархиста. Калеки умирали молча, один за одним они замирали под его ногами, но продолжали напирать, впивались в голенища сапог, цеплялись пальцами за ремень, а Анархист вился юлой и махал, махал, махал топором.

Красная Дама обползала его потолком по дуге, переводя

взгляд с Анархиста на Попа.

– Сейчас, сейчас, – шипел Солдат. – Еще правее возьмет. Сейчас, погоди.

Упыриха направилась было к ним, но в этот момент один из калек прошмыгнул у Анархиста между ног и подбил того под колени, уронив на спину. На него тут же навалились, подмяли, и он пропал из виду. Красная Дама взвизгнула и метнулась к месту, где секундой раньше упал Анархист, а теперь бился клубок переплетенных изломанных тел.

– Пли! – крикнул Солдат, устремившись вперед.

Поп нажал на спусковой крючок. И ничего не произошло. Боек ударил впустую.

– Не до шуток нынче, Господи! – взревел Поп и бросился следом за Солдатом, перехватив автомат как дубину.

Солдат врезался плечом в упыриху, когда та спрыгнула вниз, на спины своих подопечных. От удара она отлетела в сторону, но приземлилась на все четыре лапы и пригнула голову, готовясь контратаковать.

Солдат сам кинулся навстречу, не давая примериться для прыжка, нырнул ей под руку, уходя влево, но тут же получил острым локтем в спину, запнулся и упал. Упыриха торжествующе заверещала, потянула к упавшему руку, но приклад автомата опустился ей на затылок. Поп замахнулся опять, но краем глаза успел заметить, как наперерез метнулась прыткая тень, и отшатнулся. Что-то чиркнуло по лицу, наполнив щеку колючей болью.

Поэт. Бледнее прежнего, растрепанный, острый, как фигурка из бумаги, он вновь взмахнул финкой, метя в глаза Попу, и Поп вынужден был отскочить.

Поэт неудержимо, непрерывно напирал, а Поп продолжал отступать. Финка рассекала воздух все ближе и ближе, почти невидимая в полумраке.

– Вот и финал, – сказал Поэт спокойно и размерен но, будто не размахивал яростно ножом, а рассуждал о новых литературных веяниях, сидя в модном кафе. – Вот и пир для прекрасной дамы.

Красная Дама вырастала из-за его плеча белым кошмаром. Ее челюсть опустилась ниже, выпав из суставов, а иглы зубов зашевелились, выдвигаясь из десен еще на добрый вершок.

Когда Поп уперся спиной в стену, а нож скрежетнул по подставленному автомату, перед глазами его мелькнули родные лица. Оставался последний миг…

Коридор озарился светом. Хлестнул выстрел, за ним второй, третий. Била трехлинейка. Солдат поднял голову. В ушах звенело, то ли от выстрелов, то ли от удара головой о камень. Он поднялся и узрел глухого калеку с винтовкой Анархиста в руках. К спине глухого ремнями был примотан Прошка и наводил огонь, указывая пальцем. Глухой бил по куче тел, накрывших Анархиста. Солдат оглянулся и увидел, как Красная Дама подобралась, оттолкнулась от стены задними ногами и бросилась на глухого, преодолев разделявшее

их расстояние одним прыжком.

Зубы впились в шею калеке, его лицо исказилось, и он завалился на бок, все еще сжимая винтовку. Попытался сбросить тварь с себя, но та, отпрянув на мгновение, накинулась на него вновь. Замотала головой, разрывая в бахрому рану на шее, и глухой заклокотал, закатив глаза.

Солдат сделал шаг к ней, но ноги не держали. Он опять упал. Под маской хлюпало. Приподнявшись на локте, он увидел Прошку. Придавленный своим адъютантом и упырихой, тот одной рукой махал Солдату, а второй сжимал рукоять гранаты. Солдат успел откатиться на пару шагов, не дальше. Громыхнуло, и свет фонарей заполнился дымом, пылью и взвесью.

Взрывной волной Попа вдавило в стену, а Поэта, не успевшего даже удивиться, бросило на него. Вспыхнуло огнем в животе, а через секунду оба они повалились наземь. Поп тут же спихнул Поэта, тот пополз в сторону, кашляя и отплевываясь. Под ребрами наливался болью горячий шар. Поп скривился, но не стал даже смотреть. Он знал, что увидит там торчащую из его тела рукоять финки.

Поэт поднялся на четвереньки, растерянно мотая головой.

– Слышь, юродивый! – позвал его Поп.

Поэт перевел на него осоловелый взгляд.

– Колья у Солдата! Быстрее, пока блудница вавилонская не очухалась!

Но тот не понимал, лишь тряс кучерявой башкой и вращал вытаращенными буркалами. Поп даже засмеялся, когда возникший в клубах пыли Анархист невозмутимо пнул Поэта в голову и тот, ойкнув, опрокинулся навзничь.

– У меня еще есть колья! – заорал Анархист, и Поп увидел, что из ушей у него бежит кровь. – Где эта гнида?

Поп показал, и Анархист снова исчез в пыли.

Солдат уже не мог подняться. Он лежал и смотрел, как встают на место вывороченные взрывом суставы упырихи. Как сам по себе выпрямляется изломанный позвоночник. Как втягиваются в рваную дыру в брюхе ее внутренности. Красная Дама сверлила Солдата жадным взглядом, и язык ее, серый, как весь этот дом призрения с полумертвыми обитателями, как весь этот чертов город, скользил по кончикам зубов. Она довольно заурчала, увидев кровь, сочащуюся из-под его маски.

А потом ей на грудь опустился тяжелый подкованный сапог. Глаза Красной Дамы округлились, она распахнула пасть. Дернулась рука, но несросшиеся жилы на локте не смогли поднять предплечье. Анархист склонился над упырихой и проорал в оскаленную морду:

– Не шевелись, дура!

Одним отработанным движением он вогнал кол ей в грудь, добил его киянкой и радостно, по-детски засмеялся, отступая от извивающегося на полу чудовища. Огляделся, проковылял в сторону, поднял свою трехлинейку. Упыри-

ха завизжала, и ее голос пронзил уши Солдата раскаленной проволокой. Однако Анархист даже не поморщился. Передернул затвор, прицелился, слегка пошатываясь, и всадил пулю прямо в распахнутую пасть.

Визг захлебнулся и вытек изо рта Красной Дамы вместе с осколками клыков.

Ослабевшие ноги не удержали Анархиста, и он повалился на спину. Кряхтя, кое-как уселся, облокотившись на чье-то изувеченное тело. Снова перезарядил винтовку.

Выстрелы один за другим лохматили бледную кожу, бурили каверны в вековой иссушенной плоти, дробили каменные кости и рвали жилы. Красная Дама билась в агонии яростно, словно по-прежнему надеялась одолеть смерть. Она выгибалась коромыслом, тянулась вперед, пытаясь оторваться от пола, добраться до врага и утащить его с собой в пахнущую гнилью вечность. Она бросила всю свою волю, все свои веками накопленные силы на эту борьбу. Но кол сидел крепко – и смерть взяла верх.

Как всегда.

Час спустя они сидели на набережной, возле воды, и ждали рассвета. Анархист, дергаясь и матерясь во все горло, выволок из подвала и Попа, и Солдата, а потом на себе притащил обоих сюда. Поэт пришел следом сам. Он прятал трясущиеся пальцы в карманах шинели, но не мог скрыть стучащих зубов. Поп лежал на ступенях, привалившись спиной

к ледяному граниту. Лицо его сильно побледнело, поэтому кровь на щеке казалась особенно яркой и борода из-за этой бледности выглядела редкой и жалкой, но он все равно улыбался. Солдат сидел на корточках у самой воды, смотрел на волны. На затылке его, среди коротко остриженных мышиного цвета волос, можно было различить несколько розовых шрамов. Анархист не мог оставаться на месте, мерил гранит шагами, крутил головой, словно пытался вытряхнуть влагу, пожимал плечами. Кровавые потеки, тянущиеся из его ушей за воротник, успели засохнуть и теперь крошились при каждом движении.

– Ничего не помню, – бормотал Поэт. – Не понимаю. Какие-то инвалиды, подвал… Женщина… Посреди подвала ждала женщина, очень красивая. Она пела для меня. Не могло ведь такого быть. Привиделось, наверно?

– Конечно, – слабым голосом отвечал Поп. – Женщин вообще не существует. Это сатанинская фантасмагория, призванная губить души начинающих стихотворцев.

– Допустим, – не сдавался Поэт. – Но вы же там откуда-то взялись. Мы с вами кого-то искали. Помню, бегали от дома к дому, по дворам. И пить, все время хотелось пить.

– Потерпи, – сказал Поп. – Еще чуть времени – и пить расхочется, и память лишняя уйдет.

– А дальше что?

– Дальше? – Поп поморщился. – Я собираюсь отдать Господу душу. Других планов нет.

– Все будет хорошо, – сказал Поэт. Он резко встал, шагнул к Солдату, склонился над ним. – Я понятия не имею, что именно случилось этой ночью, товарищ Багряк. Не могу вспомнить. Но понимаю, что вы сделали нечто очень важное для меня… для всего города. Так странно…

– Почему вы решили, будто Багряк – это я? – спросил Солдат, не повернув головы.

– А разве нет? – растерялся Поэт.

– Не переживай, это частая ошибка, – сказал Поп. – Мы привыкли уже.

– Так или иначе, – Поэт задумался на мгновение, окинул взглядом Неву, – вряд ли вас когда-либо поблагодарят за то, что было сделано сегодня. И потому позвольте мне, – он коснулся пальцами плеча Солдата, – сказать вам спасибо.

Солдат не ответил. Поэт постоял рядом еще минуту, непрерывно шмыгая носом и кутаясь в шинель, а потом, по-птичьи широко ставя длинные ноги, поднялся по ступеням и скрылся из виду. Анархист проводил его неприличным жестом. Они снова остались втроем, без нужды в пустых разговорах, и продолжали сидеть на холодном ветру, наблюдая, как поднимается из моря новый день.

А когда шпиль Петропавловки начал превращаться из стального в золотой, Солдат ослабил узлы на затылке, снял маску и опустил ее в воду. Жестяное лицо поплыло прочь, плавно покачиваясь на волнах.

– Эхма! – прогудел Анархист громче, чем стоило, и по-

вернулся к Попу: – Глянь-ка!

Поп не ответил. Он смотрел в небо.

Дмитрий Тихонов, Богдан Гонтарь

Светотени

ВЕРА

У Сашки в самый неподходящий момент оторвался ремешок на левой сандалии.

– Ма-ам, я сейчас грохнусь! – радостно завопил он и поднял над головой бутылку газировки, которую тащил от супермаркета к машине. Видимо, намеревался свалиться на асфальт прямо с ней.

Сашке было шесть с половиной. Когда он узнал, что едет к бабушке вместе с сестрой и родителями (два часа от Питера в Ленобласть на автомобиле), то пообещал не капризничать, не жаловаться, не ныть, не просить воды каждые десять минут, не дразнить сестру, не сучить ногами, не петь песни, не орать, не болтать без умолку – в общем, наобещал всякого, лишь бы его не оставили. И, конечно же, нарушил обещания с феноменальной скоростью. Например, скулил в супермаркете, выпрашивая кока-колу и «ментос», чтобы на заднем дворе у бабушки провести веселый эксперимент.

Вера с самого начала хотела оставить Сашку у своей мамы. Ему бы там было хорошо – в просторной трешке, с парком в пяти минутах ходьбы, с маминими фирменными пирожками, старым ламповым телевизором, но Эдик настоял, что к свекрови нужно ехать всей семьей. Три месяца там не были – бабушка соскучилась. Пришлось уступить. Навер-

ное, Эдик забыл, каково это – ехать в машине с гиперактивным Сашкой. Когда Сашка скулил и со слезами выпрашивал газировку, Вера едва сдерживала ехидную злость, глядя на несчастного мужа. Эдик никогда не мог справиться с Сашкиными капризами.

А тут еще лопнул ремешок.

Они как раз шли от торгового центра к машине. В полдевятого утра стоянка была пуста и просторна. Летняя августовская духота только начала вытеснять утреннюю прохладу. Вера надеялась, что им удастся быстро закупить все необходимое (продукты свекрови, кое-что от комаров, шампунь, одноразовый мангал, любимого пива по акции, мороженое детям и сотню мелочей, за которые цепляется глаз в супермаркете) и быстро выехать из города до пробок и жары. Еще она верила, что Сашка уткнется в планшет, его будет не видно и не слышно какое-то время. За Светку вообще не беспокоилась – шестнадцатилетняя дочь не вылезала из телефона, вела десять переписок зараз, на внешний мир ей было глубоко наплевать.

– Ма-ам! – снова завопил Сашка, прыгая на одной ноге. На второй болталась сандалия с оторванным ремешком. – Донеси меня!

В паре шагов впереди пыхтел Эдик, толкая нагруженную тележку. Вера тащила пакет с углем и полторашку питьевой воды под мышкой. Света не отрывалась от телефона. В общем, помочь Сашке было некому. Он застыл у пыльного

красного «форда», который, похоже, стоял здесь с зимы, и всем своим видом дал понять, что сейчас рухнет и больше не двинется с места.

Настроение у Веры и так с утра было не ахти: не любила она такие вот поездки к свекрови, да еще в суматохе, да еще в надвигающуюся летнюю жару.

– По жопе надаю! – буркнула она, поворачиваясь. – Быстро давай за нами.

– На одной ноге? – взвыл хитрый Сашка.

– Доковыляешь потихонечку. Или накажу на планшет, понял?

Их «ниссан» казался на пустынной стоянке навозным жуком, укрывшимся в тени пятиэтажного торгового центра. Возле него пока еще никто не парковался, машинки поменьше могли себе позволить разъехаться. Но это была обманчивая пустота: Вера знала, что минут через пятнадцать стоянка уже может быть забита до отказа. Утро субботы – лучшее время для покупок.

– Быстро, Сашка, не заставляй на тебя орать, – устало пробормотала она.

Сашка не двинулся с места. Он оперся о «форд» плечом, а точнее, новенькой ветровкой, и Вера чуть ли не физически ощутила, как рыжая пыль въедается в ткань и остается в ней навсегда, никакие стирки не помогут.

Она остановилась, пытаясь быстро сообразить, какой же вид наказания для Сашки будет самым жестоким в этой си-

туации. Мимо прошмыгнула Светка.

– Вер, в салон что закинуть? – спросил Эдик.

Как-то разом все навалилось. Болезненно прострелило в висках. Злость выпрыгнула из глубины, сорвалась с кончика языка язвительным замечанием:

– Эдичка, ты у меня, что ли, совсем безголовый, сам подумать не можешь, а? Конечно, в салон мангал брать не надо. И гель для мытья посуды тоже не нужно совать. А что нужно, Эдичка, как думаешь? Я за тебя все должна решать?

Она не смотрела на мужа, но прекрасно представляла, как он сейчас стоит у поднятой двери багажника – огромный лысый сорокалетний мужик – втянул голову в плечи, крепко вцепился в ручку тележки и слушает. Стыдится, значит.

– А ты живо сюда! – рявкнула Вера на всю стоянку, да так, что Сашка, позабыв о порванной сандалии, метнулся к машине.

Едва сдерживаясь, чтобы не влепить сыну подзатыльник, Вера проследила, чтобы он забрался в машину, пристегнулся в детском кресле, кинула в ноги газировку и только после этого помогла незадачливому мужу с покупками. Два сапога пара, что называется. Эдик души в Сашке не чаял, называл «мужиком» и «героем».

Автомобили вокруг прибывали. Желтенький «купер» припарковался на соседнем месте, из него выпорхнула девушка лет двадцати пяти (и откуда такие деньги у малолетки?) и умчалась в сторону торгового центра, придерживая

соломенную шляпку с широкими полями. Эдик бросил в ее сторону мрачный взгляд.

– Давай уже за руль, – пробормотала Вера.

Она села на пассажирское, отмечая, что салон успел нагреться, остатки прохлады развеялись, стоило открыть дверь. Эдик тяжело забрался за руль, с силой хлопнул дверью – как он это всегда делал: что в их старом «хёндае», что сейчас.

– Помягче же, не корыто какое-то, – Вера ворчала скорее по инерции, нежели по злобе.

Хотелось быстрее уже поехать – с включенным кондиционером, под звуки радио, чтобы можно было откинуться на мягкой спинке, закрыть глаза и подремать хотя бы полчаса.

Автомобиль коротко взвыл, но не завелся. Не последовало мягкого убаюкивающего шума заработавшего двигателя, не было никакой вибрации. Только шумный вздох мужа, который провернул ключ один раз, потом еще и еще.

– Стартер… – буркнул он, хотя, Вера знала, плохо разбирался в автомобилях. – Так… Нажмем… Аккумулятор, что ли…

Машина заходила ходуном. Эдик втопил педаль газа, пару раз крутанул руль, продолжая при этом проворачивать ключ в замке зажигания. Автомобиль не подавал признаков жизни, будто не был куплен – новенький – всего месяц назад. Даже Вера понимала, что аккумулятор тут ни при чем.

– Съездили к бабушке, – хмыкнула она, наблюдая за тщет-

ными попытками мужа привести «ниссан» в чувство. – Может, под капотом посмотришь?

– Подколола, ага, – ответил Эдик, но все же решил выйти. Он несколько раз подергал за ручку, легонько толкнул дверцу ладонью, потом плечом. Повернулся к Вере вспотевшим лицом. – Заклинило, что ли? Не открывается. Попробуй у себя.

Вера дернула за ручку со своей стороны. Та подалась легко, без нажима. И ничего не произошло. Дверца не открылась. Вера толкнула сильнее, одновременно продолжая дергать. Проверила кнопки автоматического закрывания, бросила взгляд на панель под рулем – вдруг Эдик каким-то невероятным образом поставил автомобиль на блокировку и забыл снять? Панель не горела, ни единого индикатора.

– Что за чертовщина? – Толкнула еще. Повернулась к Светке, которая что-то набирала в телефоне. – Попробуй у себя, вдруг получится.

Светка щелкнула ручкой. Толкнула. Покачала головой.

Сашка, не дожидаясь, высвободил руки из-под ремней безопасности в кресле и тоже дернул ручку своей дверцы, пару раз ударил ладонями по стеклу, тонким голоском изобразил панические крики: «Помогите, помогите, мы не можем выйти!»

– Не ори как дурачок! – пригрозила Вера.

– Но мы же заперты, – ответил Сашка весело. – Заперты на веки вечные и все такое, да?

В висках у Веры снова кольнуло. Она поняла, что уже несколько секунд пялится через лобовое стекло на массивное здание торгового центра. Над его крышей медленно поднималось летнее солнце. Пока еще был виден только крохотный кусочек цвета яичного желтка, но через полчаса-час солнце выползет целиком – этот огромный жаркий глаз, который вперится в их машину и пригвоздит ее к стоянке, как того самого навозного жука, о котором Вера недавно думала.

Светка вдруг сказала:

– Интернет глючит. Что за фигня?

И Вера, не сдержав эмоций, с силой припечатала ладонь к боковому стеклу.

ЭДИК

Ситуация была нелепая, но почему-то именно в такие он попадал чаще всего. Поранить ногу на пляже в первый день отпуска и проваляться в номере все оставшееся время, вывезти семейство на фотосессию и забыть дома аккумулятор от новой зеркалки, уйти курить на балкон и случайно там закрыться… Типичный Эдик, как говорила Вера.

Но оказаться в ловушке в собственной машине? Это что-то новенькое.

Он не особо разбирался в автомобилях: знал самое необходимое, а с остальным помогали друзья из сервиса через дорогу от дома. Но насколько он мог судить, с электроникой «ниссана» все было в порядке. Двери отпирались и запира-

лись, Эдик даже слышал характерные щелчки. Только вот открываться не хотели. Как и окна.

В какой-то момент засветилась панель за рулем. Мигнул красный значок масла. Тихонько зашипел кондиционер, и влажную от пота кожу Эдика лизнул прохладный воздух. Хоть в чем-то повезло.

– Сделай уже что-нибудь, а? – попросила Вера, сдерживая злость, как она умела, холодно и немного брезгливо.

– Да, пап, спаси нас, – подал голос Сашка сзади. – Как Супермен!

Эдик пожевал губы, подергал ручку двери, будто в первый и в двадцать первый раз ему почудилось, а на самом деле все прекрасно открывается.

Увы, не почудилось.

– Хрень какая-то…

Футболка прилипла к спине, в горле пересохло. Машина не умерла – просто не хотела выпускать пассажиров.

Эдик ткнул пальцем в магнитолу, и в салоне зазвучала музыка с флешки – он предусмотрительно закачал туда восемь гигабайт песен на любой вкус. Правда, Вера слушать это не стала, тут же переключив на свое любимое радио. На экране навигатора возникла карта. Их машина находилась на стоянке как ни в чём не бывало: желтый треугольничек, надпись: «Проложить маршрут?»

Эдик посмотрел на жену и детей, спросил еще раз, надеясь на лучшее.

– У вас у всех точно не открывается?

– Угу, – коротко отозвалась Светка.

– Проверьте еще раз. Не может ведь такого быть.

Он перегнулся через Веру, вдыхая аромат духов и персикового геля для душа, и что есть силы дернул ручку с ее стороны. Бесполезно.

– Заклинило или что… Говорил же, не надо тратиться на новье. И на подержанной бы поездили, зато проверенная, с пробегом.

Эдик поймал в зеркале взгляд дочери, сказал:

– Свет, попробуй дверь багажника открыть. Должна быть ручка какая-то изнутри.

– Там все забито, как я туда полезу-то? Продукты давить?

– Ничего-ничего, ты аккуратно.

– Да не полезу я! Сами что-то сломали и нашли крайнюю, блин. Откуда мне знать, что за ручка? Я в машинах не разбираюсь, это ваше дело.

Эдик заскрипел зубами, хотел что-то сказать, но только вздохнул. Рядом Вера сверлила его взглядом. В нем без труда читалось что-то в духе: «Эдичка, ну ты посиди еще часок, подумай, мы ведь никуда не торопимся, ага».

– Я полезу! – с энтузиазмом откликнулся Сашка.

– Мал еще, – сказал Эдик и начал пробираться к багажнику. – Сам все сделаю.

Салон «ниссана» был просторный, багажник вместительный, но богатырские габариты Эдика эти плюсы обнуля-

ли. Кое-как он пролез между передними сиденьями и перегнулся через заднее, слегка вдавив Сашку в детское кресло. Кровь резко прилила к голове, под руками захрустели пакеты вместе с содержимым.

– Так…

Он немного раскидал покупки и освободил замок. Нашел заглушку в виде белого квадратика, отковырнул ее и нажал на спрятавшийся под ней рычажок. Тот поддался, но ничего не произошло. Дверь не открывалась.

– Ну же, давай, родненькая.

Это же механика, чтоб ее… Эдик попробовал еще несколько раз, нажимая сильнее, пока рычажок не отломился и не остался у него в руке. Этот путь на свободу тоже оказался отрезан.

– Хрен там, – сказал Эдик, вернувшись в водительское кресло и вытирая пот со лба. – Может, снаружи кого попросить?

Он окинул взглядом стоянку, которая постепенно наполнилась машинами. Дорогущие иномарки, старые развалюхи, одинаковые кредитные «логаны» – тут закупались как богачи, так и простые пролетарии. В конце соседнего ряда бородатый амбал грузил продукты в багажник, на дороге мужик в зеленой манишке махал метлой, а у входа в торговый центр две девушки раздавали листовки. Солнце отражалось в многочисленных стеклах и зеркалах, и по стоянке прыгали пятна света.

Эдик вертел головой по сторонам, прикидывая, как быть. По примеру Сашки верещать «спасите-помогите», конечно, не стоило, но что-то делать было надо.

– Да позови уже кого-нибудь! – не выдержала Вера. Сколько нам тут сидеть?

В ее голосе Эдик слышал только раздражение. Можно подумать, это он во всем виноват. И двери заклинило из-за него, и духота из-за него, и лишние килограммы у Веры тоже из-за него, а не из-за «пожрать» на ночь. Ничего нового.

Впрочем, раздражение в такой ситуации – не самый плохой вариант. У Эдика внутри просыпалась неясная тревога, предчувствие, что основные проблемы впереди. Он гнал от себя эти мысли, но в голову лезли странные образы: ночь, огни фонарей, стоянка с одиноким «ниссаном», а внутри…

Мимо машины прошмыгнула парочка подростков.

– Эй! – крикнул Эдик. – Ребят, постойте!

Его вдруг осенило, и он нажал на гудок. Протяжный сигнал разорвал воздух на улице, но подростки даже не вздрогнули. Вообще никак не отреагировали. Эдик сигналил без перерыва, пока подростки не скрылись за дверями торгового центра, а потом сигналил дальше, надеясь привлечь хоть кого-то – дворника, мамашу с детьми из подъехавшего «ровера», парня, который собирал по рядам оставленные тележки.

Никто не обернулся.

– Оглохли все, что ли?

– Я уже точно оглох! – засмеялся Сашка и застучал ногами

по сиденью. – Я огло-о-ох!

– Ну-ка, прекрати! – крикнула Вера. – А то высадим тебя и оставим тут одного!

– Как вы меня высадите, если двери не открываются?

Сашка ехидно захихикал и пнул водительское кресло еще раз.

«Это какой-то дурдом», – подумал Эдик. Он крепко сжал руль, разглядывая собственные кулаки. Сердце стучало сильнее обычного, в голове до сих пор звенел автомобильный сигнал, который, похоже, люди снаружи не слышали.

Солнце окончательно выбралось из-за спины торгового центра и теперь прожаривало брошенные на стоянке автомобили во всю силу. То тут то там хлопали дверцы – и это звучало как настоящее издевательство.

В зеркало заднего вида Эдик увидел, что по ряду идет мужичок в кепке и пихает рекламу под дворники припаркованных автомобилей. Когда тот поравнялся с «ниссаном», Эдик засигналил, закричал, застучал в окно, но незнакомец не обратил на него внимания. Машинально сунул свои бумажки под дворник и зашагал дальше.

Стекла «ниссана» были без тонировки: снаружи просто нельзя не заметить пассажиров. Но люди их не замечали. Или делали вид, что не замечают.

Эдик не верил в разную мистическую чепуху. Наверняка кто-то решил их разыграть. Шоумены со скрытыми камерами, блин. Вроде бы он даже читал о таком. Съемки для Пер-

вого канала – все дела.

– Мам, мы поедем уже или нет? – спросила Светка, будто забыла, что происходит.

У нее был сложный роман с одноклассником или каким-то другом в школе. Все чувства и эмоции Светка передавала через сообщения в телефоне, поэтому была надежно отрезана от внешнего мира.

Вера тяжело вздохнула, ничего не ответив. Зато Сашка сразу предложил свою версию происходящего:

– Мы стали невидимками! Или призраками!

– Спокойно, – сказал Эдик, задумчиво поглядывая на улицу. В голове крутились тяжелые мысли. Если это розыгрыш, должны быть подсказки. Как в квесте «Смерть в комнате», куда он водил семью полгода назад. Выбрались, между прочим, за сорок минут из положенного часа. – Сейчас всё решим. Должна быть зацепочка, так…

Эдик внимательно осмотрел салон, пытаясь найти в нем что-то новое, чужое. Залез в бардачок, проверил у сидений, покрутил зеркало над головой, будто мог на глаз определить, не впихнул ли туда кто камеру. Все впустую. Это был точно такой же «ниссан», как вчера или неделю назад.

– Сейчас-сейчас, что-нибудь придумаем.

Эдик буквально физически ощущал, как на него смотрят, ждут действий. Глава семьи он или кто? Надо вылезти из машины, а уж потом можно и с неизвестными шутниками разобраться.

Магнитола была синхронизирована с его смартфоном, и Эдик набрал номер соседа Мишки прямо на панели управления. Логичным продолжением всего этого было бы отсутствие Сети, но через пару секунд в салоне машины раздались длинные гудки, а следом знакомый голос:

– Алло.

– Мих, привет. Не разбудил? Слушай, помощь твоя нужна, тут такая странная история…

– Это кто?

– Не определилось, что ли? Эдик это. Мы с Веркой и детьми решили рвануть к родне, но застряли – не поверишь где.

– Какой еще, на хрен, Эдик?

Эдик переглянулся с женой. Теперь на ее лице не осталось и следа от раздражения. Ей было по-настоящему страшно.

– Миш, не до шуток сейчас, – вступила в разговор она, – у нас действительно проблемы.

– Вы не туда попали. Не знаю я никаких Эдиков.

– Миха, ты там с перепоя, что ли?

– Слышь, мужик, тебе заняться нечем? Приколы такие? Иди в сраку.

Миха сбросил вызов. На заднем сиденье заливисто расхохотался Сашка, эхом повторяя «срака-срака-срака». Кондиционер последний раз дунул в салон холодным воздухом и отключился.

Эдик потер переносицу. Мог ли Миха – а это точно был

Миха – вот так пошутить? Наверное, мог, особенно если его заранее подговорили эти самые телевизионщики. Чтоб их! Но не могли же они всех вокруг вот так…

В другой ситуации Эдик бы даже посмеялся, но сейчас вокруг происходило слишком много странного, и не узнающий его сосед, с которым они знакомы со школы, был очередным тревожным звоночком. Да что там звоночком – визжащей сигнализацией.

В машине повисла тишина. Похоже, никому не хотелось обсуждать происходящее и делиться своими догадками. Кроме Сашки, конечно, для которого все это было веселой игрой. Практически новым квестом – «Выберись из машины». Только вот Эдик знал, что игра сыну быстро наскучит, и, если куковать тут придется еще пару часов, мало никому не покажется.

– Что будем делать? – спросила Вера.

Эдик пожал плечами:

– Попробуем еще покричать. Вдруг прорвемся через эту… эту тишину.

Стоянка к этому времени вовсю кишела жизнью. Быстро сменяли друг друга машины; люди, как суетливые муравьишки, набивали их покупками и спешили домой с добычей. Из колонок торгового центра лилась веселая музыка, у входа плясали аниматоры в костюмах медвежат, по рядам сновали дети с воздушными шариками и родители с пакетами продуктов.

И никому не было дела до застрявшей в машине семьи.

– А если в полицию позвонить? – предложила Вера. – Телефон же работает, почему бы и нет?

Эдик думал об этом. В их ситуации логично было бы обзванивать всех знакомых, он даже начал набирать номер матери – предупредить, что задерживаются, – но сразу сбросил вызов. После разговора с Михой не хотелось еще раз услышать такой знакомый и одновременно чужой голос. Словно и не отсюда вовсе, а из места, где ни Эдика, ни его семьи не существует.

Эдик все еще убеждал себя, что это розыгрыш, чья-то глупая шутка, но с каждой минутой верить в это становилось сложнее. И если бы родная мать его не узнала… От одной этой мысли накатывала тошнота.

Здесь творилось нечто очень странное, на всю голову неправильное, и Эдик не хотел окончательно в этом удостовериться. Вот так – по-детски, да. Проще думать о забавном телешоу и скрытых камерах, потому что альтернативы выглядели куда страшнее.

– Ну? Ты будешь звонить?

Эдик вздохнул и набрал номер. В колонках захрипело, а потом механический женский голос произнес:

– Здравствуйте. Для связи с оператором укажите код происшествия. Если вас ограбили, нажмите «1». Если вас изнасиловали, нажмите «2». Если вас убили, нажмите «3».

Эдик почувствовал, как сердце пропустило удар. Сзади

охнула Светка.

– Если вас сожрали заживо, нажмите «4». Если вас оставили подыхать в машине, нажмите «5». Если вы думаете, что вам кто-нибудь поможет, нажмите «6». Если…

Эдик сбросил вызов. По лицу катились капли пота, руки тряслись как у алкоголика. Снаружи нещадно пекло солнце, и над асфальтом дрожало призрачное марево.

Кошмар только начинался.

САШКА

В отличие от папы с мамой, Сашка верил в магию. И еще в призраков, вампиров, оборотней, в зомби против растений, бабушку Гренни и во все то, что блуждает по Интернету и пугает маленьких детей до икоты.

Как-то раз – Сашка готов был поклясться! – он видел в шкафу в комнате мертвую бабушку. Не свою, а какую-то чужую. Она была желтого цвета, вся в морщинах, моргала и крутила головой, пытаясь кого-нибудь разглядеть бельмами, которые у нее были вместо глаз.

Поэтому Сашка сразу понял, что с их машиной, а вернее с ними самими, случилось что-то невероятное. Это Сашку веселило и будоражило. Он сам себя представлял бутылкой газировки, в которую бросили «ментос». Еще немного – и снесет крышечку. Из-за этого удивительного ощущения хотелось сорваться с места, побегать и поорать. Жаль только, что машина оказалась заперта. А еще, наверное, их всех со-

жрет какой-нибудь монстр, иначе зачем вообще держать целую семью в машине, как в какой-нибудь духовке?

Папа сказал:

– Херня нездоровая.

Сашка быстро подхватил:

– Херня, херня! Нездоровая херня! – просто потому, что хотелось выплеснуть эмоции.

Мама, обернувшись, так зыркнула на него, что пришлось замолчать. Но Сашка все равно еле сдерживался.

– Может, стекло разбить? – предложил он. В ногах лежал старый скребок для чистки снега. Сашка представил, как им можно раздубасить стекло на множество осколков. Вот это будет зрелище.

Папа тяжело влез между кресел, покопался по полу, достал скребок и вернулся на водительское кресло. Он сопел и хрипел. Если бы хрюкал, получился бы папа Свин из мультика. Сашка не удержался и хрюкнул, за что тут же получил затрещину от сестры.

Та все еще сидела в телефоне, переписывалась, хмуря брови.

– Напиши своему пацану, чтоб приехал на помощь.

Светка отлипла от экрана, открыла рот, чтобы что-то сказать, и в это время папа заколотил лопаткой по стеклу. Бил он сильно, точечно. Лицо мгновенно пошло красными пятнами. Скребок со скрежетом елозил по стеклу, оставляя мелкие царапины.

– Давай, сильнее же, ну! – воскликнула мама.

Сашка счастливо взвизгнул. Показалось, что еще секунда – и стекло треснет, рассыплется, открывая путь к свободе. Но этого не произошло.

Папа ударил несколько раз, потом в отчаянии швырнул скребок в лобовое стекло.

– Херня, херня, херня! – захохотал Сашка.

– Заткнись! – к нему повернулась мама. – Я не знаю, что с тобой сделаю, если ты сейчас же не заткнешься! Мы во что-то влипли, понимаешь? Это не весело, а страшно!

Сашка кивнул. Точно.

– Как мухи, – сказал он. – В липкую ленту. Влипли в стоянку у магазина.

В салоне стало тихо. Сашка поймал в зеркало заднего вида папин испуганный взгляд. Никогда не видел, чтобы папа чего-то боялся.

Над супермаркетом медленно расползалось облако, загораживая солнце. Свет сделался бледным, наполненным едва заметной дымкой.

– Как отсюда, блин, выбраться? – негромко произнес папа.

– Никак, – сказали вдруг из радио. – Не нужно выбираться. Вы на утренней волне, откиньтесь на сиденьях, расслабьтесь, насладитесь последними минутами никчемных жизней. Сегодня суббота, прекрасный день, чтобы умереть. Ваша песня – о, у каждого есть своя песня! – будет такой же жаркой, как это утро.

Радио закряхтело помехами, щелкнуло, и салон заполнила неторопливая тягучая мелодия.

– Господи, – вырвалось у мамы. Она, кажется, начала молиться. По крайней мере, Сашка видел, как шевелятся ее губы.

Тут он увидел кое-что еще. Вернее, кое-кого. Метрах в пяти слева, между рядами, около красного «форда» стоял человек и смотрел аккурат на Сашку.

Он точно видел его. Ждал, когда Сашка заметит, а потом улыбнулся и приветливо поднял вверх руку. Обычный парень. Лет, наверное, двадцати. В белой футболке, бейсболке, с бородкой. За Светкой время от времени приходили такие парни, забирали на свидание. Сашка даже хотел пошутить на эту тему, но отвлекся, потому что парень неторопливо направился к их автомобилю.

– Смотрите, он к нам идет! – Сашка вытянул ноги, пнув переднее сиденье.

Папа сначала вяло огрызнулся, потом вытянул шею, буквально прилипнув к стеклу.

– Точно! Верка, идет кто-то. Видит нас! Эй, видишь? Эй, иди сюда!

Родители замахали руками. Автомобиль несколько раз ощутимо качнулся. Сашка заметил, что сестра отлипла от телефона и с интересом наблюдает за приближающимся парнем. Знакомый, что ли?

Парень огибал автомобили и снующих людей. Его ли-

цо, заметил Сашка, постоянно находилось в тени. Парень как будто специально избегал солнечных лучей, выстраивая маршрут по пятнышкам теней на стоянке – от фонарных столбов, грузовиков, навесов.

Он подошел, остановился, положив ладони на капот. Пальцы были длинные, обрамленные многочисленными кольцами.

– Открывай! – крикнул папа, жестами показывая, что надо сделать. – Дерни за ручку, ну! Подойди! Я же говорил, что это розыгрыш какой-то. Молодежь развлекается.

За спиной парня прошла девушка в соломенной шляпе, зацепила его локтем, но словно этого не заметила. Открыла багажник желтого «купера», загрузила в него пакеты. Что-то вывалилось, девушка нагнулась к ногам парня – не замечая его! – и подняла упавшую вещь.

– Что за… – вырвалось у папы.

Парень улыбнулся.

Сашке внезапно стало страшно. Перед ними стоял монстр. Настоящий, не из видео на «Ютубе» и даже не из игр. Этот монстр мог разбить стекло, вытащить Сашку, родителей, сестру и сожрать их всех вместе прямо здесь, на стоянке.

И никто его не заметит.

– Алло! – внезапно раздалось из динамиков. Сквозь тягучую мелодию прорвался мужской голос. – Кто это? Я на громкой. Алло! Слышно меня? Я ничего не понимаю, за-

стрял в машин…

Голос зажевали помехи, но через них тут же пробился другой, женский:

– …лиция? Двери заклинило, мы на…

А следом еще, и еще, и еще. Голоса незнакомых людей заполняли салон, наползали друг на друга, кричали, ругались, звали на помощь. Сашка заткнул уши. Надавил на них со всей силы, чтобы не слышать вообще ничего, ни звука, будто все это понарошку… Но закрыть глаза или отвести взгляд от странного человека снаружи не мог. Потому что тот точно был настоящим.

Парень резко бросился на капот, выставив перед собой руки. Ладони ударили по лобовому стеклу, оставив царапины от перстней. Сашка закричал – никогда в жизни он не кричал так отчаянно. Светка взвизгнула, роняя телефон, запрыгнула на сиденье с ногами.

Завопила мама. Автомобиль зашатался из стороны в сторону, парень бесновался на капоте. Он вскочил, ударил о стекло тяжелым ботинком.

Сашка почувствовал, как по ногам побежали теплые струйки.

– …е злись! – прокричал заплаканный детский голос из радио. – Мам!

– Что за… – хрипло сказал папа. Теперь его лицо было не красное, а белое как сметана.

Сашка затих, нащупал под креслом бутылку газировки и

крепко сжал ее в руках. Если тварь сунется в салон, будет хоть какая-то защита.

Парень спрыгнул с капота и плавно, неторопливо, стирая с автомобиля пыль, приблизился к боковому стеклу. Повернул голову вправо-влево, осматриваясь. Мимо прошмыгнула стайка хохочущих девочек.

У парня блестели глаза, как у кота в темноте. Губы были обветренные, потрескавшиеся, а нос… нос был будто черным, влажным, и парень его постоянно облизывал тонким длинным языком.

Сашка сжал бутылку еще крепче.

Теперь совсем не хотелось, чтобы кто-то открывал двери. Не нужно было выходить на улицу, незачем…

Сквозь рваное облако в небе скользнули лучи солнца, упали на автомобиль. Паренек едва заметно дернулся в сторону, словно прячась, переместился к задней двери, оказавшись напротив Сашки. Сашка еще лучше разглядел два больших глаза со странными зрачками, жесткие волосы на подбородке, все в пыли и крошках. Паренек подмигнул, вытянул руку, постучал согнутым пальцем по стеклу, оставив на нем крохотную трещинку.

– Солнце, они его боятся, – неожиданно сказала Светка. – Пап, зеркало поверни, ну!

Сашка удивленно вытаращился на сестру. Папе же дважды объяснять не пришлось. Он с силой вдавил кнопку регулировки бокового зеркала. Оно поднялось вверх, поймало

острый солнечный луч и отразило его прямо на лицо паренька.

В динамиках раздалось шипение, наполнив душный салон. Парень схватился за лицо руками, отпрыгнул в сторону, бросился бежать, виляя между автомобилями, огибая не замечавших его людей.

А потом наступила резкая и неожиданная тишина. Панель управления погасла, заглохло радио.

Странный и страшный парень нырнул в тень супермаркета и пропал из зоны видимости.

– Я с ума сойду, – пробормотала мама.

У Сашки заболели пальцы, и он понял, что все еще крепко сжимает бутылку газировки. Захотелось пить. Он содрал крышечку и сделал несколько глотков пенной, еще прохладной жидкости.

В их сторону повернулся бледный и потный папа. Он злобно смотрел на Светку.

– Ну-ка, родная, вываливай, что знаешь.

СВЕТА

Она думала, что переписывается с кем-то из школы. Тайных воздыхателей у Светы хватало, поэтому очередным «Привет! Как дела?» с незнакомого номера удивить ее было сложно. На этот раз она даже не пыталась кокетничать или строить из себя заинтересованную – настроение было паршивое. Вместо того чтобы провести время с друзьями, при-

шлось ехать к бабушке, а трястись в дороге два часа с бесноватым Сашкой рядом – то еще удовольствие.

Бабушку Света любила, но ее почему-то нельзя было просто проведать и поехать обратно – нет, только с застольем, баней и ночевкой, чтоб на все выходные. А время в деревне для Светы тянулось слишком медленно: делать там было нечего, связь толком не ловила, по телевизору – от силы пять каналов. Еще этот ужасный уличный сортир, запах которого намертво въедался в кожу… Света помнила, что в детстве с удовольствием ездила в деревню и даже находила себе какие-то занятия по душе, но то было очень давно. От девчонки, что целый день беззаботно бегала за курами и играла с бродячими котами, в ней ничего не осталось.

Она написала в мессенджер: «Ты кто?» Ответ пришел через пару секунд: «Тот, кто все знает».

Это было на подходе к машине на стоянке у торгового центра. Света подумала, не закинуть ли всезнайку сразу в черный список, но решила не спешить. Тем более – странное дело – все остальные контакты отвалились, стоило забраться в салон. Сообщения до друзей не доходили, в Сети никого не было.

Кроме всезнайки.

«Давай поболтаем, а то с утра предки свалили куда-то за покупками, а я шляюсь без дела по квартире. Делать нечего вообще».

«Ну, попробуй».

Он написал что-то легкое, ерундовое, она ответила, он пошутил в ответ, сбросил несколько картинок из Интернета, и Света поймала себя на мысли, что ей стало интересно.

Слово за слово – и тон разговора стал теплее, количество смайликов увеличилось. Такое редко бывает: разговоры ни о чем, которые не напрягают, а, наоборот – увлекают.

«Что делаешь?»

«Сижу в машине. Прикинь, у папы какая-то фигня, двери не открываются, все вокруг заклинило».

Ее отвлек псих, прыгнувший на капот. Как раз в тот момент, когда всезнайка набирал что-то в ответ. Когда псих ударил со всей силы по лобовому стеклу, оставив на нем царапины, Светка схватила выпавший из рук телефон – быстрее, написать парню, чтобы помог, в полицию позвонил или еще что. Тут уже не до болтовни.

А потом она увидела сообщение, которое он прислал.

– Так откуда ты про солнце узнала? – спросил папа, когда она, всхлипывая, закончила рассказ.

Света показала последнее сообщение от всезнайки: «Кстати, у тебя прекрасное имя. Света. Светик. Свет. Яркий солнечный свет. Береги его. Им можно отогнать тех, кто приходит за вами».

– Дай-ка. – Папа сгреб ее телефон, прежде чем Света успела хотя бы пискнуть. Ткнул пару раз в экран, повертел и даже встряхнул. – Что за дела, где связь?

– Дай сюда.

Телефон вернулся. Папа осмотрел стоянку, взволнованно выбивая пальцами дробь по рулю.

– Что за гребаные игры… Этот урод еще и не один, получается? Вот так вляпались. А как отсюда выбраться? Это все, что он тебе написал, да?

– Да, и Сеть пропала, как ты схватил, – огрызнулась Света, чувствуя подступающую злость.

– Это какой-то кошмар, – застонала мама, массируя виски. – Такого просто не бывает.

Света вытерла лоб, затем ладони о платье. Ей казалось, что потом покрыта каждая частичка кожи. В салоне было не просто душно – они будто во включенной микроволновке сидели. Дышать становилось все труднее, а теперь еще и резкий запах мочи бил в нос.

Сашку никто не ругал: все сделали вид, что ничего не произошло. Он и сам все понимал, не маленький уже. Сидел тихо, в глаза никому не смотрел, почти не разговаривал. Вцепился в бутылку с газировкой, будто она могла защитить его от того, что творилось вокруг.

– Кондиционер же вроде работал, – кивнула Света. Мама покачала головой. Автомобиль превратился в бесполезную жестянку, в консервную банку, открыть которую можно было только снаружи.

Интересно, сколько они так протянут? И что будет, когда зайдет солнце?..

Казалось, мама за время в машине постарела лет на пять. Лицо осунулось, исчез блеск в глазах, испарилась уверенность. Мама, которая из любой ситуации находила выход и даже папу держала в ежовых рукавицах, сейчас походила на сухенькую старушку на лавочке, забывшую собственный адрес и не знающую, куда идти.

Телефон в руках зажужжал, и Света его чуть не уронила.

– Это он? – спросил папа. – Дай сюда, напишу пару ласковых! Или позвоню, чего уж!

– Нет! Снова Сеть пропадет, я сама!

– Не лезь, Эдик. От тебя одни проблемы, – устало вмешалась мама.

Света прочитала:

«Во-первых, никаких звонков, я это дело не люблю. Во-вторых, хочешь знать, что происходит? Я расскажу. Но и я хочу кое-что услышать. Правда за правду, все по-честному».

– Что там? – оживился Сашка, пытаясь подглядеть в телефон.

– Да не лезь ты. Ничего пока.

Света написала: «Кто ты?»

Всезнайка: «Кто я… Кто они… Это не играет роли.

Важно, кто вы».

Света: «И кто мы?»

Всезнайка: «Еда в маринаде. Как те шашлыки, что вы купили. Только у шашлыка срок годности вчера истек, а вы еще свеженькие. Как банально, да? Ничего нового. Все мы

друг другу – еда. Вы еще не промариновались как следует, вот они и выжидают».

Света: «А кто они?!»

Всезнайка: «Не злись. Теперь моя очередь спрашивать. Ты когда-нибудь желала смерти родителям?»

Свету окатило волной жара. Ей не нужно было напрягаться, чтобы вспомнить: ссоры, бегство из дома, жалобы подругам, мысли, за которые стыдно. Она замялась, глядя в экран и понимая, что получившаяся пауза красноречивее любых слов. Большой палец чуть подрагивал, когда она все-таки набрала: «Никогда».

Всезнайка: «Ложь. А я думал, мы договорились».

Захрипело радио, и в динамиках послышался отчаянный вопль. Заскрежетало железо, разбилось стекло. Что-то хрустнуло, эфир заполнили захлебывающиеся крики, рычание. А следом пришло чавканье, и от этого звука выворачивало наизнанку.

– Господи, – прошептала мама, глядя в зеркало заднего вида. – Они идут.

Светка обернулась и успела заметить нескладные фигуры, крадущиеся в тенях. Они приближались к машине с двух сторон. Сашка завизжал сиреной, когда в его стекло врезалась уродливая безносая морда, оставив грязно-желтый развод.

Их было трое, одетых в нормальную человеческую одежду, но походивших на людей куда меньше, чем предыдущая

тварь. Непропорционально большие головы и длинные руки, маленькие, вжатые в череп глаза, вместо лиц – гнойно-кровавое месиво с рваной дырой рта. Они передвигались на двух ногах, но то и дело падали на четвереньки. Бросились одновременно. Один запрыгнул на крышу, второй на капот, третий продолжал биться лбом о боковое стекло, размазывая слюну.

В салоне завопили все разом. Мама вцепилась в папу, едва не перебравшись на его сиденье. Сашка тряс бутылкой, по щекам бежали слезы. Света почти простилась с жизнью, вспоминая жуткие крики по радио, но атака длилась всего несколько секунд. Существа будто и не собирались залезать в машину, а хотели напугать. Они оставили на «ниссане» несколько вмятин, размазали по стеклам что-то похожее на слюну или сопли, оторвали боковые зеркала и скрылись из виду в соседнем ряду, пряча лица от яркого света.

Солнце пока еще выручало.

Сашка разревелся окончательно, и мама быстро перетащила его на переднее сиденье. Папа тяжело дышал и смотрел в одну точку прямо перед собой, его футболка была насквозь мокрой.

– Что он там еще написал, хахаль твой? – спросил он негромко.

Светка проверила телефон. Ни одного нового сообщения. Всезнайка вышел из Сети.

Из радио снова потекла жаркой патокой неторопливая ме-

лодия. Папа ткнул пальцем в пару кнопок, а потом с силой ударил кулаком по пластиковой панели. Раз, другой, третий. Панель хрустнула, вмялась внутрь.

– Надо выбираться, – сказал папа. – Хоть какой-то шанс будет. Здесь мы не жильцы, не хочу, как они, как там!..

Он бил снова и снова, ревел как зверь и наносил новые удары, раскрашивая пластик красным. Брызги летели в салон, машина тряслась из стороны в сторону. Сашка на руках мамы начал подвывать.

– Я! Тут! Не! Сдохну! – повторял папа. – Никто не сдохнет!

– Эдик, прекрати! Дети и так перепуганы!

Он закричал – не от злости, а от бессилия. Прижал дрожащие ладони к лицу, опустил голову на руль.

В наступившей короткой тишине продолжала играть мелодия. Салон наполнился желтым солнечным светом, но над крышей торгового центра медленно набухало сливовое грозовое облако. Скоро станет темно, а это значит…

– Простите меня, – сказал папа. – Простите за все. Я не знаю, что делать.

Он поднял к лицу окровавленную руку, и Света могла поклясться, что видит проступающие сквозь мясо кости.

– Я не могу вытащить нас отсюда. – Трясущиеся пальцы снова сложились в кулак. – Из этой проклятой машины!

Папа начал лупить по приборной панели, кроша кнопки, ломая пластик, выдирая провода. Лицо его стало пунцовым,

будто голова вот-вот взорвется. Когда что-то щелкнуло, Света подумала, что это треснули последние косточки в кулаке. Но звук донесся с другой стороны.

Неожиданно в салоне стало светлее. Света обернулась и увидела, как медленно поднимается дверь багажника.

– Мать твою, – сказал папа, тоже резко обернувшись. – Это что ж, нам дали шанс?..

ВЕРА

Вера вцепилась в мужа, когда он начал тяжело переваливаться в зазор между кресел, к открывшемуся проходу.

– Эдик, Эдик, не надо, пожалуйста! Вдруг это ловушка? Ну не бывает все так просто, слышишь?

А из открытого багажника повеяло свежим воздухом, салон наполнился шумом автомобилей, музыкой, чьими-то разговорами, звуками шагов, хрустом пакетов, грохотом тележек. Как будто лопнул мыльный пузырь, внутри которого сидела семья.

Какая-то пожилая пара подошла к их автомобилю, подхватила пустую тележку, на дне которой все еще болтался чек из магазина, и покатила ее к дверям торгового центра.

– Эдичка, не нужно, – шептала Вера, хотя осознавала, что с мужем ей не справиться. – Ты же ничего не понимаешь. Не лезь!

Он неожиданно повернул к ней вспотевшее раскрасневшееся лицо. Страшное, отталкивающее.

– Ты всегда так! – рявкнул. – Как якорь, как рыба-прилипала. Заладила одно и то же! «Эдичка ничего не понимает, Эдичка дурак, Эдичка у нас вообще непонятно чем занимается. Не делай то, не делай это!» А я вас всех спасаю, слышишь? На помощь позову, вытащу!

– Там же эти твари, – пискнула Света.

– А ты чаще в телефоне с хахалями своими переписывайся! – повернулся к ней Эдик и полез дальше с упорностью бронепоезда.

– Не надо! – взвыла Вера. Сухо треснула футболка, в которую она вцепилась пальцами.

– Пап, не лезь туда! – вторил Сашка хныкая.

А Эдик уже перебросил ногу через заднее сиденье, утоптал пакеты, что-то выронил на асфальт, выбрался, щурясь от яркого солнца. Вера видела, как свет рассекает мужа ровно пополам, особенно подчеркивая красное от пота лицо.

Ожила покалеченная магнитола.

Эдик огляделся, потом победно вперился в Веру взглядом. Она поняла, что движет мужем. Злость.

На то, что не верила в него. Отговаривала. Как всегда, впрочем. А мужчинам ведь нужен подвиг как воздух, нужно доказывать, что они – мужики! Особенно тем, кто всю жизнь только и делал, что выслушивал от жены упреки и ворчанье. Такие мужчины не слышат ничего. Бегут в своих мечтах на медведя с ножичком. Лазают без страховки по скалам. Мчат на автомобиле со скоростью триста километров. Спасают се-

мью от чудовищ.

– Вернись, Эдик! – попросила она, но муж уже не слышал.

Он размял спину, обогнул автомобиль и остановился напротив Веры, разглядывая ее через боковое окно. На лице Эдика играла улыбка. Конечно, он все еще злился, но злился как победитель, как мужик, который совершил-таки свой подвиг.

– Папа! – Сашка, вскочив, протянул к нему руки. Скрюченные пальцы заелозили по стеклу.

Чувство тревоги захлестнуло Веру с новой силой. Эдик щелкнул внешней дверной ручкой. Судя по всему, он был уверен, что снаружи-то точно все получится. Но ничего не произошло. Вера толкнула дверцу со своей стороны. Как было заперто, так и осталось. Тогда Эдик ударил по стеклу кулаками. Никакого эффекта. На лице мужа проступило растерянное – привычное для него – выражение. Адреналин закончился.

– Мама, смотри! – взвизгнул Сашка. С заднего сиденья заверещала Света. И Вера увидела: за спиной мужа выросли скрюченные тени.

Небо как по приказу накрыло сизое облако, обрезая солнечные лучи, погружая стоянку в полумрак. Эдик продолжал бить кулаками по стеклу. Он больше не улыбался.

Бам. Бам. Бам.

– Берегись! – чуть ли не хором закричали Вера и Сашка. – Сзади! За спиной!

Эдик начал медленно, тяжело оборачиваться. Вера увидела первую тварь с огромной головой, длинными руками, с открытой окровавленной пастью. Тварь эта спрыгнула с крыши ближайшего автомобиля и приземлилась аккурат на Эдика. Удар вышел мощный – автомобиль тряхнуло. Муж ударился затылком о стекло, оставив вмятину из трещин. Тварь отскочила в сторону и прыгнула снова, нанося Эдику один удар за другим, вспарывая кожу на его лице, на шее, разрывая футболку.

– Беги! – закричала Вера, а сама бешено задергала ручку дверцы с внутренней стороны. – Беги, беги скорее!

Эдик ничего не слышал. Он размахивал руками, как слепой боксер. Справа и слева показались еще две твари, они тоже бросились на Эдика – и втроем повалили его на горячий асфальт.

У Веры сорвался голос, она сипела, колотя кулаками по стеклу. Сашка тоже кричал.

– Не смотри! – Она пыталась закрыть глаза сыну, но тот вывернулся.

– Папа, папа!

Три сгорбленные твари сидели на Эдике, раздирая его плоть. Кажется, Эдик уже был мертв. Вере хотелось надеяться, что это так. Они вспороли ему живот, вытащили внутренности, раздвинули ребра. Разбрасывали кровавые ошметки вокруг, будто это были поломанные игрушки. Вгрызались глубже.

Вера видела правую руку Эдика с массивным обручальным кольцом на безымянном пальце. Подарок мамы, цыганское золото.

Мимо прошел парень с коробкой наперевес. Ничего не замечая, наступил на руку Эдика, оставил след от кроссовки в луже крови, подошел к синему «фольксвагену» и открыл багажник. Именно этот момент вдруг выдернул Веру из слепого оцепенения.

– Оставьте его! – закричала она, хлопая ладонью по стеклу. – Оставьте немедленно!

Бессильно осмотрелась. Сквозь открытый багажник все еще доносились звуки обычной жизни, но теперь они казались далекими и иллюзорными, как приманка.

Багажник!

– Света, закрой багажник, живее! – приказала она.

Повторять не пришлось. Света торопливо перебралась через сиденье, ухватилась за дверцу багажника и опустила ее вниз. Звуки со стоянки сразу стали приглушенными, словно кто-то выкрутил громкость до минимума.

В салоне «ниссана» тихо всхлипывал перепуганный Сашка. Как ни в чем не бывало играло радио. Хрипло дышала Вера. А снаружи доносилось чавканье и урчание окровавленных тварей.

СВЕТА

«Ну как ты? Злишься? Продолжим общение?»

Рядом с контактом всезнайки засветилась надпись: «Онлайн».

Слабая вибрация телефона вывела Свету из транса. Она, как и все в салоне, смотрела из окна, как твари доедают папу. От него почти ничего не осталось. Твари грызли кости, вылизывали с асфальта кровь, запихивали в отверстия ртов влажные кольца кишок.

«Ты кто вообще такой?» – написала она скорее механически, чем от злости.

«Я тот, кто не любит лжецов, мы же это прошли. Правда за правду, помнишь? Попробуем еще раз?»

– Ты снова переписываешься с тем уродом? – спросила мама. У нее текли слезы, но она, кажется, не замечала этого и не думала их вытирать. – Напиши, что я ему кадык вырву, когда найду. И заставлю сожрать.

«Почему именно мы?»

Он написал: «Подожди, я не услышал честного ответа на мой вопрос. Ты когда-нибудь желала смерти своим родителям?»

Света оторвала взгляд от экрана телефона, чтобы снова посмотреть на улицу. Папы уже не было. Даже крови почти не осталось. Ошметки одежды, тусклое обручальное кольцо и ботинки – вот и все. Твари, насытившись, лениво уползали в тень.

Написала: «Да, я хотела, чтобы они умерли. Много раз».

Почувствовала пустоту в груди.

Всезнайка что-то писал. Строчки выскочили одна за другой:

«Хорошо, это правда. Мне нравится. Теперь задавай вопрос. Только нормальный, без всяких этих идиотских философствований. По существу, да?»

«Что происходит?» – написала она.

Всезнайка ответил мгновенно: «Вы вляпались. Ну, знаешь, как будто в дерьмо вступили, не заметили и вот идете по дороге, а за вами запашок характерный. И все вокруг знают, что у вас дерьмо на подошве».

«Нас хотят съесть, потому что учуяли какой-то запах?»

«Не спеши, моя очередь задавать вопрос. Ты бы пожертвовала братом, если бы благодаря этому могла спастись сама?»

Света открыла и закрыла рот. Посмотрела на Сашку, который перебрался на папино место и свернулся калачиком, обнимая бутылку газировки. Света не видела его лица, но, судя по мелкой дрожи худого Сашкиного тела, он плакал.

Честно сказать, она не любила младшего брата. Сашка был, что называется, занозой в заднице. Он всюду совал нос, неустанно болтал, раздражал. Его было слишком много. А еще Свете всегда казалось, что родители любят Сашку больше, чем ее. Логично, в принципе. Он младший ребенок в семье, из него еще можно вылепить человека, а Света уже пройденный этап. Залипает в своем телефоне, скоро или в университет, или сразу замуж. Папа как-то сказал, что дев-

чонка в доме вообще ни к селу ни к городу. Корми ее, значит, расти, обучай, а она в любой момент прыгнет на хвост какому-нибудь мужику, фамилию сменит – и как будто и не было. То ли дело пацан, носитель фамилии, гордость и честь…

«Да», – отбила она на клавиатуре.

Могла бы.

Всезнайка ответил: «Славно. Теперь твой вопрос, Светик. Подумай, не торопись».

Света попыталась сосредоточиться, придумать вопрос, который бы дал хоть какое-то объяснение происходящему. Или подсказал, что делать дальше.

По стеклу расползлась тугая капля. За ней еще одна. По крыше автомобиля забарабанил дождь – сначала неторопливо и редко, потом полил стеной, разом стерев торговый центр, часть автомобилей, дорогу слева, трамвайную линию и вереницу многоэтажек вдалеке.

– От Эдика ничего не осталось совсем, – всхлипнула мама, прижимающаяся лицом к стеклу. – Его смыло, как грязь.

В голову внезапно прилетела идея. Света склонилась над телефоном, быстро набрала: «Как я могу увидеть, во что вляпалась? Что это за дерьмо такое?»

В ответ пришел смайлик: ухмыляющаяся желтая рожица.

Всезнайка печатал текст.

Краем уха Света слышала какой-то дребезжащий звук, осмотрелась, но ничего не увидела.

«Отличный вопрос. Я горжусь тобой, Светик. Кто-то из

вас обязательно выберется, уверен. Маму твою не жалко, она уже перемариновалась. Злобная орущая тетка. Теща из нее выйдет – закачаешься. А вот за тебя переживаю. У тебя как там с зарядом? Камеру включить хватит?»

Она подождала пару минут, надеясь, что всезнайка напишет что-то еще. Но он вышел из Сети.

Что бы это значило?

– Мам, послушай, – Света прочитала последнюю фразу вслух. – Это как подсказка, да? Не понимаю, что значит.

Ответил Сашка, не поднимая головы. Голос его звучал глухо:

– Это значит, камеру включи и посмотри сквозь нее. Ежу понятно. Старый прием из фильмов.

– Включи камеру, – эхом повторила мама.

Света включила, посмотрела сквозь экран на мир вокруг. Мир был тусклый, зернистый, будто погруженный в жидкость. За окном почти ничего не было видно. Света водила телефоном из стороны в сторону, пока что-то вдруг не привлекло ее внимание. Какое-то яркое пятнышко вдалеке, пробивающееся сквозь дождь.

Прильнула к окну. Нажала на увеличение.

Картинка распалась на крупные квадратики, а потом вдруг сфокусировалась на старом автомобиле, стоящем метрах в двадцати поодаль. Это был пыльный и проржавевший «форд». Даже дождь не мог сбить с него эту въевшуюся пыль. Внутри автомобиля светилось что-то, что-то… Света

увеличила еще немного и увидела – совершенно отчетливо – конструкцию из человеческих костей, похожую на птичье гнездо. Оно занимало весь салон: кости торчали сквозь выбитые стекла, а из гнезда, как птенцы, беспорядочно высовывали головы те самые твари с маленькими глазами и широкими ртами.

– Господи… – Телефон выскользнул из руки в детское кресло.

Взгляд упал на Сашкину ветровку, где на плече отчетливо отпечатался пыльный грязный след. Вот он. Вляпались.

Снова вырвалось:

– Господи…

Она сгребла ветровку, не зная, что с ней делать. Мяла в руках. Мысли хаотично толкались одна о другую.

Телефон завибрировал. Мама повернулась через плечо, разглядывая Свету сквозь слезы.

– Этот урод скажет, как нам отсюда выбраться, или что? – спросила она зло. – Эдик пытался… Он просто так умер, получается, да?

Как будто в смерти обязательно должен быть какой-то смысл.

Света взяла телефон, открыла мессенджер.

Всезнайка написал коротко: «У тебя есть выбор».

САШКА

Монстры существовали на самом деле – он в этом убедил-

ся. Выходит, и все остальное было не выдумкой – ведьмы, оборотни, вампиры, разные твари из параллельных миров, которым только и нужно, чтобы сожрать кого-нибудь. Как папу.

Сашка всхлипнул.

Как-то папа сказал, что из Сашки должен вырасти защитник. Типа, мужчины не плачут, а терпеливо переносят боль, готовы совершить подвиг и всех спасти. Сашка запомнил, старался соответствовать, но сейчас не очень-то выходило. А ведь теперь именно он должен был защищать сестру и маму. Вытащить их отсюда!

Но как отсюда выбраться, тем более если снаружи бродят эти чудовища? Их образ стоял перед глазами, хотелось снова плакать и прятаться под руль, чтобы никто не нашел.

Радио внезапно смолкло, и какое-то время салон наполняла размеренная дробь дождя по крыше и стеклам. Где-то коротко лязгнуло, внутри машины стало прохладнее.

Сашка посмотрел назад, увидел, что сестра сидит между кресел – в одной руке телефон, в другой – его ветровка. Глядит в окно, но на самом деле о чем-то напряженно думает. Ее волосы слегка шевелились, и Сашка понял: багажник все еще не закрыт. Он не захлопнулся на замок. А это значит, что можно вылезти из машины. Или кто-то может в нее залезть… По спине пробежал холодок, больно-больно уколол страх, но Сашка сжал пальцы в кулаки.

Он должен быть защитником – и точка. Он всех спасет.

Наверное. Если получится. Но ему нужен план.

Рядом с сиденьем лежал папин телефон, и Сашка его подобрал. Включил камеру, направляя ее на махину торгового центра.

– Что ты там увидела? – спросил он у сестры.

– Сбоку посмотри, – ответила Светка. – Вон старая машина, а внутри как будто гнездо из костей. Эти твари там сидят, и их никто не видит просто так.

Сашка посмотрел, хоть ему и было ужасно страшно. Повертел телефоном в разные стороны, перелез к маме на колени, направил камеру на то место, где убили папу. Что хотел там увидеть? Может быть, живого папу, который всех разыграл и просто спрятался?..

Папы, конечно, там не было, зато Сашка увидел что-то другое – следы. Светящиеся отпечатки ботинок на асфальте, петляющие между рядов машин. Сашка улыбнулся. Это было как в компьютерной игре: путь к спасению, спрятанный от посторонних глаз. Секретный.

И тут сквозь пелену дождя он заметил, как за соседний грузовик заходит папа. Кто ж еще-то? Так просто его не победить! Наверное, из-за этих чудищ он вывалился из нормальной реальности в ту, которую можно разглядеть только через телефон. И продолжал помогать уже оттуда, оставляя следы.

Следы вели к яркой полосе света вдалеке за торговым центром. Там как будто не было дождя и туч – их отгоняло солн-

це. Сашка убрал телефон и разглядел только сырую черноту.

– Там следы и еще что-то есть, – сказал он, протягивая телефон маме. – Как будто дождь туда не попадает. А эти гады боятся солнца, да? Значит, нам туда надо!

Он пытался говорить взрослым голосом, отгоняя испуганную писклявость.

– А если они нас поджидают снаружи?! – рявкнула мама. – Ты же видел, что случилось!

– Но там же следы! И солнце отгоняет чудищ! Ну мам!

Сашка огляделся. Снаружи дождь бомбардировал стоянку, тут и там мелькали силуэты людей – нормальных людей, а не тварей. Нужно было бежать прямо сейчас. Пока чудища не пришли, пока не свили гнездо прямо тут, пока…

Сзади охнула Светка. Сказала дрожащим голосом:

– Мам, он написал: «Встречайте гостей».

Сашка быстро поднял телефон и направил камеру на ржавый «форд». Гнездо опустело. Тучи заслонили небо, дождь зарядил еще сильнее. Твари вышли на охоту.

– Мам!

Сашка оглянулся на маму.

– Уходим, быстро!

Она перевалилась через заднее сиденье, открыла дверцу багажника и выбралась наружу. За ней последовала Светка. Сашку переполняли эмоции: хотелось прыгать на месте, искать монстров, бежать по следам, кричать, плакать, реветь зверем, защищая маму с сестрой. Он пробирался по паке-

там, крепче сжимая папин телефон. Сашка верил, что с его помощью выведет всех к свету. Только бы успеть, только бы успеть…

Когда все трое оказались снаружи, сестра накинула на Сашку ветровку. Мама закричала, оглядываясь:

– Помогите! Кто-нибудь, пожалуйста! На помощь!

Беспомощно сделала несколько шагов в сторону торгового центра, но быстро вернулась к машине как единственной защите в пелене дождя.

– Кто-нибудь!..

Рядом прошлепал по лужам мужик в желтой куртке, одной рукой толкая перед собой тележку, а другой держа газету над головой. Мама буквально бросилась на него, но тут же отлетела назад, словно от удара. А мужик ее даже не заметил.

Они выбрались из машины, но остались для всех невидимками. Точнее, почти для всех.

Первую тварь Сашка заметил в соседнем ряду. Она подняла уродливую голову над капотом «мерседеса», как будто принюхивалась.

– Надо уходить отсюда, – сказал Сашка, вылавливая камерой те самые следы. – Они видят нашу машину, мы ее заляпали… Туда!

Из-под машины рядом с их «ниссаном» проворно выползла еще одна тварь. Сандалия окончательно слетела с Сашкиной ноги, он споткнулся и упал в лужу, болезненно сдирая кожу с ладоней. Услышал, как за спиной дружно закричали

мама с сестрой.

В воде заколыхались отражения чудовищ.

Твари лезли со всех сторон – большие, неуклюжие и страшные. Сашка заметил, что все они смотрят на него – и только на него. Окружают, медленно подбираются ближе. Как гиены из мультфильма.

Злость зародилась где-то внутри, заклокотала, пытаясь вырваться наружу. Нет уж! Не возьмете!

А твари только облизывались, только этого и ждали.

– Саша! – мама дернулась к нему, но Светка остановила. Крикнула что-то, потащила в другую сторону. Мама вырывалась, падала и поднималась, звала Сашку срывая голос. Твари на нее не реагировали.

И это было хорошо, правильно. Папа бы тоже так сделал, защитил семью. Он просто не успел.

– Попробуйте поймайте! – завопил он, срываясь на писк, пополз под машину, вылез с другой стороны и что есть силы побежал – к спасению, к свету, по мерцающим на экране телефона следам, как по хлебным крошкам из сказки. У него открылось второе дыхание, теперь он чувствовал себя настоящим героем – даже супергероем! – способным на подвиг. Как и хотел папа. Крышечка с газировки слетела, «ментос» высвободил энергию! Много энергии!

Сашка уводил чудовищ от мамы и сестры и уже видел, как доберется до полоски света, как следом за ним туда ворвутся твари и как они сгорят там или разлетятся на кусочки, будто

киношные вампиры. Делов-то – бежать быстрее света!

Машины на пути стояли странно, перекрывая дорогу и превращая стоянку в лабиринт. Сашка петлял между ними, то и дело смотрел на асфальт через телефон и спешил вперед. Где-то за спиной бежали твари, не догоняли, но повизгивали, посмеивались, похрюкивали…

За припаркованным в конце ряда домом на колесах Сашка заметил знакомый силуэт. Богатырское телосложение, лысая голова, светлая футболка.

– Пап! Пап, я тут!

Не сбавляя скорости, обогнул фургон и влетел в папу. Он был здесь, на этой стороне реальности, теперь его не требовалось разглядывать через камеру!

Только это был не папа. Кто-то просто неумело скопировал образ – вблизи это становилось особенно заметно.

– Мотыльки летят, – проворковал чужак, – на яркий свет, ничего нового, впрочем. Вы такие наивные всегда, аж смеяться хочется.

Сашка врос в землю, переводя дыхание и наблюдая, как растворяется знакомое и родное лицо, стирается, будто ластиком. Через несколько секунд перед Сашкой стоял парень в бейсболке, с бородкой и черным влажным носом, которым он по-собачьи втягивал воздух.

Под весом тварей скрипели машины вокруг, из дома на колесах пыталось выбраться что-то большое и тяжелое, но Сашка не мог отвести взгляд от парня: от его жуткой ухмыл-

ки, от змеиного языка, от окровавленных перстней на пальцах. В объективе камеры гасли следы, которые не привели к спасению, а заманили в западню.

Сашку трясло – от страха, обиды, злости. По щекам катились слезы, смешиваясь с дождевой водой. Боковым зрением он видел, что тварей вокруг стало намного больше. Теперь ему не убежать.

Из папиного телефона, зажатого в руке, внезапно заиграла та самая тягучая мелодия.

Парень нагнулся к Сашкиному лицу и принюхался. Потом размахнулся, резко ударил по щеке, расцарапав перстнем. Принюхался снова. Разочарованно покачал головой. Из глаз Сашки уже струился целый водопад, но он крепче сжал телефон.

Мелодия прервалась, из динамика вдруг раздался голос Светки:

– Тупой маменькин сынок. Чертов стукач. Нытик. Нытик. Нытик. Только и делаешь, что бесишь всех!

Сашка закачал головой так сильно, что она могла отвалиться. Сказал, стараясь унять дрожь в голосе:

– Ты все подстроил. Она так не говорила.

Сашке прилетела еще одна пощечина, а голос Светки продолжал:

– Заноза в заднице. Малолетний зассанец.

– Нет. Она так не думает, понял, ты?!

Сашка уже плохо видел своего мучителя, картинка перед

глазами расплывалась.

Парень сжал Сашкину руку с телефоном, с силой согнул ее в локте, так что динамик оказался прямо возле уха. Светкин голос холодно произнес:

– Без тебя всем было бы лучше.

Сашка, не сдерживаясь больше, закричал:

– Все ты врешь! Ты все придумал! Все! Все! Все!

Сильная рука схватила Сашку за волосы, дернула, усмиряя; парень нагнулся прямо к его лицу. Принюхался и на этот раз остался доволен.

Вокруг плотоядно заклокотали твари и бросились на Сашку.

Когда первые когти вспороли кожу, он закричал так громко, что его могли бы услышать на другом конце земли. Но на деле его не услышал никто – даже мама.

СВЕТА

Тупой маменькин сынок. Чертов стукач. Нытик. Малолетний зассанец…

Слезы не заканчивались. Света вытирала их, вытирала и вытирала снова, но все без толку. Будто трубу прорвало. Она вспоминала всякие гадости о Сашке – благо, их хватало, – но подсознание предательски подкидывало много хорошего.

Да, младший брат ее доставал, дразнился, жаловался на нее, рассказывал родителям ее секреты, не давал спокойно посмотреть кино, входил без стука, лез в ее вещи, придури-

вался, постоянно отнимал время, но… Но ведь это был Сашка, маленький смешной человечек, который делился с ней самым сокровенным, мог одной фразой улучшить настроение, защищал во время ссор с родителями, обнимал, когда ей было плохо. Он был добрым, искренним и светлым, пусть порой вредным и приставучим. И он ее любил. А что Света?.. Почему, чтобы разобраться в чувствах к человеку, его обязательно нужно потерять?

Она понимала, что никогда больше не увидит Сашку. Всезнайка не обманывал. Они договорились, Света сделала все, как он сказал.

Пришлось выбирать меньшее из зол, но утешение было так себе. Свету разрывало изнутри, выворачивало наизнанку, в голове звучал Сашкин смех, перед глазами мелькало его улыбающееся лицо. Из нее будто выдрали большущий кусок, а залатывать рану не стали. И теперь это место будет гнить до конца жизни.

– Саша! – мама продолжала бегать по стоянке и срывать голос. – Саша!!!

В какой-то момент они будто вывалились из пластикового пакета. Огибали очередную машину, как вдруг звуки стали громче, живее, даже цвета окружающего мира изменились. Теперь их видели и слышали, но помогать никто не спешил.

Завибрировал телефон. Света открыла мессенджер, увидела три десятка друзей онлайн и кучу пропущенных сообщений. Но прочитала она только одно: «Было весело. Я на-

игрался. Прощай, Светик, но по мни: всегда смотри по сторонам, чтобы не вляпаться в очередное дерьмо. Оно воняет».

Дождь кончился, сквозь тучи проступил ярко-оранжевый диск, отражаясь в лужах повсюду. Мама металась между машин, кричала, звала Сашку.

Света включила камеру и навела ее на их «ниссан». Внутри машины светилось гнездо, из окон вылупились уродливые морды.

Гнезда были по всей стоянке – Света насчитала не меньше десятка. Твари копошились в костях и озирались по сторонам, пряча головы от солнца. Распахивали рты, ухмылялись, скребли когтями по окнам. Ждали новых жертв.

И Света не сомневалась, что очень скоро они дождутся.

Александр Матюхин, Александр Подольский

Медуза

Кинотеатр находился в конце тенистой аллеи, и, судя по внешнему виду, последний фильм здесь крутили задолго до мировой премьеры «Аватара». Да – прикинул Артем – где-то между второй «Матрицей» и «Аватаром».

На небе не было ни облачка, жара изводила. Под кепкой зудел скальп, чесалась кожа под футболкой. Артем вынул из рюкзака полупустую пластиковую бутылку и промочил рот. Минералка, купленная у железнодорожного вокзала, успела нагреться.

Кинотеатр частично прятался за зелеными кронами. Ветви каштанов смыкались над неухоженной дорожкой, ведущей к псевдоантичному фонтану. В щербатую чашу набилась листва.

Артем поморщился, вспоминая ночь, адскую духовку общего вагона. Не спасали ни кондиционер, ни безвкусное, зато ледяное пиво. Путь к туалету преграждали торчащие с верхних полок ноги, ядрено пахло чужими носками. Захмелевший попутчик называл тридцатилетнего Артема «малы́м» и спрашивал, тыча в него пальцем:

– К бабе едешь, да? В Зализном бабы – высший сорт.

Он кивал – не рассказывать же правду, про кинотеатр? Даже друзья сочли его сумасшедшим. Тратить выходные, чтобы переться черт-те куда ради руин? Ладно бы греческих,

скифских, киммерийских… но совдеповских?

На перроне Артема встречали нахальные дворняги. В этом городе у него не было знакомых. Никто не окликнет, не спросит: «Как жизнь, Тем?»

Зализный предсказуемо оказался типичным индустриальным городом, каких немало в Украине. Трубы комбината, коптящие небеса, копры, наземные башни шахт. Тут – скопление обшарпанных высоток, крикливой рекламы, уродливых ларьков. Там – деревенские домишки, огородики, зеленые балки.

Неприхотливый Артем позавтракал жирной шаурмой, позвонил маме, заверил, что цел. Нырнул в автобус. За окнами хрущевки сменялись полями. «Бабы», по выражению попутчика, сопели, отклеивали липнущую к телам одежду, и никак не тянули на высший сорт.

– «Знаменосец»? – переспросил усатый мужик. – Ты не местный, что ли?

– Киевлянин.

– Так вот, киевлянин. «Знаменосец» заколотили при царе Горохе. Тебе в «Мультиплекс» надо.

– Нет-нет, – возразил Артем. – Я знаю, что заколотили. Это… ну, ориентир.

– А… раз ориентир…

Автобус выгрузил на обочину трассы. Справа толпились панельные новостройки, слева раскинулась бугристая, поросшая жухлой травкой пустошь до рыжих насыпей вырабо-

танной горной породы. Театр начинался с вешалки, а микрорайон – с кинотеатра.

Камера шлепала по животу, ремешок натирал шею. Под подошвами шуршала растрескавшаяся плитка. Артем скользнул в сень каштанов. Его охватил азарт. Так, вдохновленный, он шел к провинциальным ДК, сахарным заводам, универмагам, проникал на территорию нефункционирующих детских лагерей и запломбированных станций метрополитена. Расчехлял верный «Кэнон», как охотники ружье.

На soviet-art его подсадила Оленка, художница с бездонными глазами, бисером пирсинга и пушистой челкой. Оленка, как он догадывался, протеста ради, ультимативно презирала современный мейнстрим, но и элитарное искусство отвергала. Дали? Гигер? Уорхолл? К черту их! Она обвешала квартиру картинами советских живописцев, и не каких-то там гонимых концептуалистов или митьков. Настоящим авангардом для нее был хрущевско-брежневский официоз, махровый соцреализм. Сама Оленка рисовала портреты депутатов, повторяла, глумясь, мантру «народность, идейность, конкретность», и в этом было больше эпатажа, чем в коллаже из членов, который сооружал ее сосед по мастерской. Часами Артем и Оленка разглядывали репродукции Яблонской, Налбандяна, Самохвалова, бесконечных балерин, истопников, Ильичей и получали искреннее удовольствие.

Полтора года назад Оленка с присущей легкостью разочаровалась и в соцреализме, и в Артеме. Увлеклась граффити – и заодно столичным райтером по кличке Пикман. В той тусовке все художники были Пикманами, а музыканты – Цаннами.

Забыться Артему помогло новое хобби и новые приятели-единомышленники. Компанией и поодиночке они объездили всю страну. Лисичанск, Энергодар, Саки, Докучаевск, Верховина, Бобровице. Захудалые села, вонючие электрички, и награда – если повезет. Если каток декоммунизации не опередил их.

Брома, артемовского соратника, как-то чуть не избили представители «Правого сектора». Решили, что он коммуняка, – чудом спас задницу. Ни Бром, ни Артем не интересовались политикой. Целью их маленького общественного движения было спасение произведений искусства и каталогизация.

В кронах чирикали воробьи. Прогромыхала фура. Артем обогнул фонтан и очутился перед «Знаменосцем». Широкая улыбка расплылась по его лицу.

Кинотеатр отслужил свой век. Покосились бетонные ступени, целлофан замаскировал стекла, кровля поросла мхом. Но над дверью, подпираемое полуколоннами, выделялось панно, и Артем согласился бы три ночи трястись в поезде, чтобы найти его. В прямолинейную перемычку-архитрав был вписан лучащийся ослепительно-яркий мир советской

утопии. Мозаика не потускнела за десятилетия – она казалась сияющим пятном на фоне блеклого фасада. Впрочем, римская смальта пережила целые тысячелетия.

Артем восхищенно глазел на панно. Лазурное небо вызывало ностальгию о детстве, цвет стяга транслировал в мозг песню из старого кинофильма – песню, под которую неуловимые мстители скачут к закату. Лица пионеров были розовее, чем изнанка морской раковины, и вкупе это походило на аппетитный глазурный торт. Не все могли оценить простую и честную красоту архитрава. Артем мог.

Отечественные монументалисты разбросали свои шедевры по отдаленным уголкам бывшей УССР. Идеологически верные фрески канувшего в Лету государства, чуждые и ненужные Незалежной. Народное достояние, не имеющее охранного статуса, хиреющее и гибнущее из года в год. Визуальная пропаганда – выкорчевать и забыть клятые серпы и молоты и навесить побольше рекламных баннеров. Исполины-монтажники на торцах девятиэтажек. Хоккеисты в спортивных комплексах. Ученые, проникающие в суть атома в институтах. Молочницы из забытого богом колхоза. Черт, даже остановка на окраине ПГТ оказывалась шедевром советского модернизма. Архитектурные ансамбли украшала мозаика из стекла, фарфорового боя, цветного кирпича, керамики, мрамора, полудрагоценных минералов…

Хобби Артема напоминало квест. Добраться до пункта назначения, отыскать объект, идентифицировать, запечатлеть,

внести в реестр… и все на топливе энтузиазма, как говаривал Бром.

Энтузиасты обожали Вартана, Хомякову, Галину Зубченко, Арнаутова и Грыгира Довженко, взахлеб спорили о Тетяниче, Зарецком, Ламахе, о прекрасной Алле Горской. Когда речь заходила о Галасе, они переходили на уважительный полушепот.

Галас был верен себе. Хитросплетение орнамента, потрясающая детализация, ее величество симметрия. Шесть метров в длину, три – в высоту: меньше, чем его же одесская работа. Артем с Бромом пришли к неутешительному выводу: остальные панно Льва Галаса не сохранились. По крайней мере те, про которые им было известно. Но ведь и о «Знаменосце» они узнали практически случайно. Что это великий Галас, а не какой-то безымянный ремесленник.

Мозаика, в отличие от всего кинотеатра, была в хорошем состоянии, лишь в нескольких местах выпала плитка, да и то так симметрично, что Галасу понравилось бы.

В центре панно скрестились древками два алых флага. По бокам от полотнищ взмывали ввысь ракеты, салютовали потомкам космонавты, рабочие, колхозницы и пионеры: лес рук. Это звучало скучно, но на деле – для ценителя – выглядело превосходно. Композиция безупречна, цвета первозданны. Искусная работа мэтра!

Обидно, что люди, назначавшие свидание у фонтана, идущие под руки на вечерний сеанс, жующие попкорн, скорее

всего, чхать хотели на монументалиста Галаса и на его космонавтов.

У «Знаменосца» не было ни души. Вжикали по трассе автомобили, мелькали стрекозы, щебетали птицы. Артем припал к глазку камеры. Примерялся, щелкнул. Он ходил взад-вперед, фотографируя архитрав, и думал: в чем же фокус?

Артем верил, что фокус есть. Бром возражал:

– Вовсе не обязательно. Посейдон может быть штучной вещью.

Ну, поглядим…

Звездой – в узких кругах – покойного киевлянина Галаса сделала одесская мозаика. Эпичная фреска на стене санатория. Тематика предсказуемая: парусники, моряки, чайки, строгая симметрия. Но картина имела двойное дно.

Артем читал байку о спичках, на коробке которых, в абрисе пламени, был якобы припрятан профиль Троцкого. Галас, член Союза художников, не занимался антисоветской агитацией. В панно он спрятал всего-то Посейдона. Но как спрятал! Смотри в упор битый час – не найдешь и намека на хитрую подставу. А стоит зрителю застыть в определенной точке, у лодочной станции, – и корабли, матросы, волны сливаются в добродушное лицо древнегреческого бога. Бескозырки становятся бровями, иллюминаторы – глазами, паруса переквалифицируются в волосы, а морская пена стекает пышной бородой…

– Гражданка, не желаете полюбоваться иллюзией? – вер-

но, так подкатывали сведущие мужчины к одиноким курортницам. – Пойдемте, не пожалеете. Как, по-вашему, нарисован ли на этой стене владыка морей? А ежели нарисован?

Артема Посейдон пленил, как какую-нибудь влюбчивую нереиду. Он втемяшил себе в голову, что подобные трюки – конек Галаса. Что и уничтоженные/самоуничтожившиеся панно хранили тайну. И «Знаменосец», безусловно, тоже.

Но где она?

Артем приближался и отдалялся. Залез в кусты, подумывал вскарабкаться на дерево.

«Погодите-ка…»

Доверившись интуиции, он опустился на колени напротив кинотеатра. Догадка оказалась верна. Секрет открывался снизу и не был никаким секретом для детей определенного роста.

Текстура алых стягов складывалась в женское лицо. Строгое, худое, с искривленным гневно ртом. Ничего подобного Артем не встречал на советских полотнах. Красный, словно омытый кровью лик. Тонкий нос, образованный стыком древков. И самое сложное: волосы из рук пионеров, космонавтов, пролетариев. Именно волосы помогали идентифицировать личность героини. Ибо они были змеями, извивающимися вокруг головы, а лишь одна известная Артему женщина носила змеиную шевелюру.

В панно Лев Галас зашифровал Медузу горгону.

– Бром обалдеет.

Завороженный Артем щелкал затвором. Сделал фото на телефон. Впалые щеки и черные губы – складки на знамени. Мелкие зубы во рту – белые блики. Античная бестия была слепа, но не от рождения. Исчезли две фаянсовые плитки, по воле случая те, на которых были нарисованы глаза Медузы. Две серые проплешины испортили уникальную мозаику.

«Попробуем восстановить в фотошопе».

Артем вытер пот. Щебенка жалила колени, но он не замечал. Сколько еще теоретически существовавших богов Галаса погибло вместе с панно? Зевсы, Артемиды, Афины…

– Не молись ей.

Артем вздрогнул от неожиданности. Застав врасплох, из «Знаменосца» вышел крепко сбитый мужчина с проседью в темных короткостриженых волосах. Спецовка обтягивала круглый живот. Артем начал подниматься – и тут земля просела, ноги сделались ватными, небо и асфальт поменялись местами.

Он лишился чувств.

– Живой?

– Ага. – Артем взял у мужчины пластиковый стакан и отпил хлорированную воду. – Спасибо. Это из-за жары.

На своей памяти он ни разу не терял сознание. Дебют.

– Давай в тенек зайдем, – предложил мужчина. Сторож, судя по всему. Артем, осторожно ступая, двинулся за ним в недра здания. Опасность снова грохнуться в обморок мино-

вала. Ноги окрепли. Артем осмотрел фотоаппарат, убеждаясь, что не повредил технику, так глупо свалившись посреди аллеи.

Медуза заколдовала, не иначе.

– Ты кто? – в лоб спросил мужчина.

Было ему лет сорок. Жилистый, глаза навыкате и чуть косят.

Артем представился. В вестибюле был развешен целлофан, громоздились заляпанные белилами козлы. Побелка вспучилась, бетон усыпало строительной пылью. Давно выветрился запах воздушной кукурузы.

«Кинотеатр переоборудуют в очередное «АТБ», – подумал Артем с тоской. – Быдловатый Персей воткнет в Горгону жало отбойного молотка».

– Садись, Тема, – сторож кивнул на стул. – Отдышись. Я, кстати, Вадик.

Стул заскрипел под худеньким Артемом. В голове и на сетчатке отпечатался красный лик богини. Как вспышка молнии или дуговой разряд. Артем помассировал веки.

– Ну, рассказывай.

Он рассказал. Про Киев, про увлечение советским искусством. Про то, насколько ценна мозаика, и надо непременно поведать о ней людям. Вадик слушал и хрустел пальцами.

– Как-то так, – заключил Артем.

В глубине вестибюля, у пологого пандуса, ведущего к кинозалу, зашебаршило. Тень мелькнула за полиэтиленом.

– Молодцы вы, ребята, – громко сказал Вадик. – Молодое поколение только деньгами и интересуется. А вы вон мозаику спасаете! Молодцы!

– Вы видели Медузу горгону? – спросил Артем, отворачиваясь от грязной полиэтиленовой пленки.

– Кого-кого?

– На мозаике есть скрытое лицо.

– А, врубился! – Вадик поскоблил обкусанными ногтями щетину. – Я ее в детстве Бабой-ягой называл. И забыл уже, что она там.

– Представляете, насколько это сложная работа?

– Сложная работа, – парировал Вадик, – здоровье на шахте гробить. Я, прости, не шибко в искусстве разбираюсь. Ты б с Иваном Борисовичем поговорил.

– А кто он?

– Иван Борисович Куприянов – местный скульптор. Монтировал в семидесятых эту картинку.

– Он… делал панно?

– Плиточка к плиточке. Говорит, намучились они с художником, шишка какая-то столичная, капризная…

– Лев Галас?

– Может, и Лев. Говорю же, у Ивана Борисовича спроси. Славный мужик.

– А где его найти?

Идея пообщаться с человеком, лично знавшим Галаса, захватывала.

– Я номер дам. – Вадик лениво вытащил старую модель айфона в затасканном чехле. – Записывал как-то.

«Ничего себе, совпадение!»

– Ты как, очухался?

– Да, все хорошо. – Артем тоже вынул мобильник.

Вадик покопался в телефонной книжке.

– Пиши. Ноль девяносто восемь…

Покинув кинотеатр, Артем еще раз оглядел архитрав. Ничто не указывало на тайную роль выпростанных рук, скафандров, складок, бликов, огня, рвущегося из сопел ракет. Но теперь он знал, что Медуза горгона смотрит на него серыми квадратами недостающей плитки. Странную же тему выбрал Галас для провинциального «Знаменосца». Посейдон на одесском пляже – вполне логично. А вот Горгона в индустриальном городе… Кто позволил? Неужели Галас оставил в неведении комиссию, утверждавшую его проект?

«Очень любопытно!»

Возбужденный, Артем зашагал по немноголюдным улицам спального района и вышел к гипермаркету. На парковке, в пиццерии на первом этаже – шаром покати. Официантка принесла меню, он заказал большую пиццу и пепси. Желудок заурчал.

– Прием, прием.

– Здорово, Бромище.

– Здорово, Артемий. Нашел Галаса?

– Не просто нашел. Во-первых, он как новенький, не считая пары сколов. Во-вторых, я был прав.

– Нет…

– Да! Лови пруфы. – Он скинул другу фотографии. Через минуту из динамиков полетела восторженная нецензурщина.

– Медуза? Реально? Охренеть! Он точно был гением! Это круче, чем Октавио Окампо! Эх, жаль, глаза потерялись.

– Она скоро вся потеряется. В здании ремонт. К гадалке не ходи, откроют сетевой магазин или отделение «Новой почты».

– Будем бить в набат! Писать в министерство культуры! Сегодня же набросаю письмо.

– Ты их знаешь. Отмахнутся: совок, сносите к чертям.

– Но мы попытаемся хотя бы. Медуза! Охренеть!

Когда Бром отключился, Артем увеличил фотографию панно. Нет, на дисплее смартфона Медуза Галаса не производила того впечатления, какое производила воочию. Фото передавало мастерство художника, но не злобу горгоны.

– Сфоткали наш кинотеатр? – это официантка принесла деревянный поднос с пахнущим круглым блином и бесцеремонно заглянула в телефон посетителя. Брюнетка с надутыми вульгарными губищами и приклеенными ресницами.

– Видели? – Артем повернул к официантке экран.

– Конечно, видела. В детстве. Я тут с рождения живу.

«В детстве», – зацепился Артем за фразу. «В детстве» – не

потому, что, повзрослев, она перестала ходить в кино. Просто выросла, а иллюзия рассчитана на детский рост. Если, конечно, не приседать. Галас создал монстра для идущих по аллее детей.

– Знаете, кто это? – спросила официантка. В бутылочке пепси шипели пузырьки.

– Кто?

– Медуза горгона из сказки. От ее взгляда люди каменели. Мы с девочками друг друга пугали разными историями.

– Какими историями?

– Про детей, которые превратились в камень. Однажды у меня затекла нога, и я испугалась, что становлюсь каменной.

– А в вашем детстве, – спросил Артем, – у Медузы были глаза?

– Были, – поразмыслив, сказала официантка. – Ох и страшные.

Слопав половину пиццы и утолив голод, Артем набрал номер, предоставленный сторожем Вадиком. Ответили после пятого гудка. Голос был глухим, далеким.

– Слушаю.

– Здравствуйте, – взбодрился Артем. – Мне ваш телефон дали в «Знаменосце». Мы с друзьями боремся за сохранение советской мозаики. Говорят, вы собирали панно с Медузой и флагами и лично знали художника.

– Допустим, – буркнул Иван Борисович.

– Могу я задать вам несколько вопросов? Касательно Га-

ласа? Он был выдающимся монументалистом, но в Интернете о нем очень мало сведений. Ни родственников не осталось, ни коллег, которые бы его помнили…

– Завтра, – сказал Борисович односложно. – В полдень возле «Макдоналдса». Мой зять вас встретит.

– Эм, – замялся Артем. – Я в Зализном проездом, я киевлянин… Возможно, вы…

– Завтра, – прервал его глухой голос.

В динамиках повисла тишина. Артем поаллокал и глянул на экран, на заставку с кобзарем работы Аллы Горской.

– И вам хорошего дня, – пробормотал Артем.

Он спросил у губастой официантки по поводу гостиниц и был проинструктирован. Снова ехал в автобусе, глядя сквозь замызганное стекло на пятиэтажки и порыжевшие от жары каштаны. Отсутствие пробок на дорогах было едва ли не единственным плюсом города. Самым популярным словом на уличных вывесках являлось слово «Аренда». Редкие пешеходы сонно плелись в знойном мареве. Их облаивали чумазые псы. Бросалось в глаза запустение. Неубранный мусор разлагался у обочин, а промышленные объекты напоминали декорации к постапокалиптическому фильму.

Центр отличался от окраин лишь количеством рекламы: баннерами постарались облепить каждый сантиметр домов и магазинов. На площади торчал осиротевший постамент без скульптуры, украшенный полустертым трезубом.

В Зализном не было хостелов, но был пафосный отель по

соседству с убитой, разваливающейся поликлиникой. Артем отвалил полторы тысячи гривен за ночь и поднялся в номер. Окна выходили на заросший сорняком двор поликлиники, но сам номер оказался не хуже столичных.

Прохладный душ подействовал, как энергетик. Втирая в волосы шампунь, Артем пел про молодого Ленина и грядущий Октябрь. Он даже отжался от пола, чего не делал с весны. Распаковал рюкзак, сменил плавки и переоделся в свежую футболку. Вооружившись телефоном, рухнул на кровать.

Первая же фотка, загрузившаяся в новостной ленте, изображала Оленку. Голубые глаза, вздернутый нос. Полтора года прошло, но сердце Артема до сих пор щемило при виде бывшей. Оленка и ее Пикман зазывали на столичную выставку райтеров. Артем закрыл вкладку, отмел ностальгические мысли. Решительно защелкал клавиатурой, вбивая в строку поиска имя Галаса.

Пятидесятилетняя жизнь творца ссохлась до кратких биографических фактов. Украинский художник-монументалист, родился в тридцатом году. Учился в Львовском государственном институте прикладного и декоративного искусства на факультете керамики. Позже окончил Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Веры Мухиной. Работал на Киевском заводе художественного стекла. С шестьдесят пятого – член Национального Союза художников Украины. В середине семидесятых впал в неми-

лость властей, расписав библиотеку портретами поэтов Миколы Бажана и Максима Рыльского. В рисунках усмотрели национализм – росписи были уничтожены. Умер от инфаркта в восьмидесятом году.

На фотографиях – интеллигентный мужчина с клиновидной бородкой и одесский Посейдон. Про «Знаменосца» Интернет пока не знал.

«Исправим», – подумал Артем.

О современном скульпторе Куприянове информации было и того меньше. Конкретно – куцая заметка в газете «Червони Зори». Две тысячи пятнадцатый, художники Зализного устраивают аукцион, собирают средства на лечение внука своего товарища И. Б. Куприянова.

Статью о Медузе иллюстрировала картина Караваджо. Извивы пресмыкающихся на отсеченной голове чудища. Артем освежил в памяти классический сюжет. Одна из трех сестер горгон (наряду с Эвриалой и Сфено), Медуза была обманута и обезглавлена Персеем. Чтобы не окаменеть, Персей смотрел в отражение на полированном медном щите. Чего Артем не помнил, так это того, что Медуза была беременна от Посейдона. Вместе с потоком крови из обрубка шеи вылез великан Хрисаор, крылатый конь Пегас и змеи, уничтожившие все живое в Ливии. Умели греки рассказывать истории.

Артем пожевал губу и набросал:

«Зализный, Медуза горгона».

Ссылки предлагали купить кольцо из нержавейки с голо-

вой античной горгоны и книгу «Мифы Древней Греции»; сделать по скидке татуировку змеевласки.

Артем сократил запрос до «Зализный, Медуза», и узнал, что пожилая дама пострадала в Крыму от жгучих обитателей моря. Он уже собирался закрыть браузер, как взгляд зацепился за третью ссылку.

«Друзья, – задавал вопрос пользователь ЖЖ. – Все же в курсе, что на панно кинотеатра „Знаменосец“, если снизу смотреть, флаги превращаются в Медузу?»

Артем спустился к ветке обсуждения. Комментарии датировались одиннадцатым годом.

«Помню ее! Малым говорил бабушке, что в знаменах прячется злая тетя, а она думала, я сочиняю».

«Говорят, – подключилась некто SaraStar33, – художник ненавидел детей. И замаскировал Медузу от взрослых. Чтобы пугать малоросликов».

«Это был наш секрет, – писал GoblinBzzGolovy. – Мы родителям не рассказывали. По-моему, считалось, что, если ребенок расскажет о Медузе, умрет или папа с мамой умрут, как-то так».

«Бляха! У нас в компании тоже так говорили. И про Медузу не рассказывали никому».

«Я слышал, дети умирали. Превращались в камень натурально».

«Кто пустил сюда школоту?»

«Правда, была такая городская легенда. Если долго на Ме-

дузу смотреть, рука отсохнет. Или нога, не помню уже».

Артем пролистал до конца, встал с постели и прогулялся к окну. Сумерки окутывали город. По двору поликлиники расползались тени, похожие на клубок змей.

«Странно, – нахмурился Артем. – Столь ловкая иллюзия заслуживает куда большего внимания. В городе без особых достопримечательностей „Знаменосец“ мог бы стать культовым местом. Да, взрослые не видят Горгону, но сколько поколений детей выросло за сорок лет! Где телепередачи, статьи, фоторепортажи?»

«Всем начхать на твою мозаику, – сказал внутренний голос. – Они выбросили ее из памяти, как выбрасывали школьные дневники с голографическими картинками на обложках. Их интересует лишь выживание».

Тени-змеи, неясно чем порожденные, копошились в траве. За дверью кто-то раскатисто засмеялся. Артем поежился неуютно. Один в незнакомом городе, такой же чужой, как героиня древнегреческих мифов на фасаде советского кинотеатра.

Ночью ему приснилась Медуза. Они с Оленкой убегали по темным коридорам художественной галереи. Мрачные залы были увешаны соцреалистическими полотнами. На холстах балерины мутировали в шипящих ехидн и эриний, а сталевары – в гигантов с драконьими хвостами. Чешуйчатый Пифон воспарял над толпой гимнастов. Из черных вод Стикса вырастали гидроэлектростанции. Колхозницы доили химер,

а кобылицы Диомеда пожирали революционных матросов. У Сталина во лбу открывался третий глаз.

Оленка спотыкалась и падала, умоляла бросить ее. Медуза догоняла. Она была красной, как Элизабет Батори после душа, с серыми пиксельными квадратами вместо глаз. Живые дредлоки шипели и извивались на голове.

– Не смотри! – закричала Оленка.

Артем проснулся.

В полдень, как было условлено, он вышел из «Макдональдса», доедая вафельный рожок. Солнце нещадно жгло – вот-вот затлеют и вспыхнут трамвайные билетики, трепыхающиеся в канаве. По кольцу, как вялые жуки, ползли автомобили. Припарковавшийся у обочины синий «жигуль» посигналил. Артем прищурился, слизывая тающее мороженое. Сигналы стали настойчивее, высунувшаяся из салона рука нетерпеливо помахала. Артем выбросил в урну рожок.

К немалому удивлению, он узнал водителя – небритого, чернявого, пучеглазого. Покопался в памяти:

– Вадик?

Сторож из «Знаменосца» отклеил футболку от потной груди и подул за шиворот.

– Иван Борисович велел тебя подвезти. Залезай, пока не спекся.

Недоумевая, Артем оббежал автомобиль и сел возле водителя. «Жигуль» тронулся.

– Иван Борисович – ваш тесть?

– Тесть – как есть. – Вадик поглядывал в зеркало, ерзал и так сильно потел, что обивка кресла была мокрой.

– Почему вы сразу не сказали?

– Поскромничал. – Вадик резко крутнул руль, подрезав истерично забибикавшую малолитражку. – Пристегнись-ка. Путь неблизкий.

Артем пожал плечами и повиновался. Спешить некуда – поезд поздно вечером. А любая информация о Галасе не менее ценна, чем фотографии мозаики.

В салоне играл тюремный шансон. Артем откинулся на сиденье и разглядывал мелькающие за окнами дома. Фантазия меняла город. Она облачила понурых жителей Зализного в белые тоги. Пририсовала пятиэтажкам античные фрески. Водрузила на пустые постаменты немейских львов, Сцилл и Харибд.

– А куда мы едем? – спросил Артем, когда город закончился и вдоль трассы потянулись поля подсолнечников.

– К Ивану Борисовичу, – бросил Вадик. – Тебе понравится.

Но Артему уже не нравилось. Ни тон водителя, ни его низкий хрипловатый голос. Мысль застрекотала в голове: «Я с ним же и говорил по телефону. Не с Куприяновым, а с ним».

Он потянулся было к мобильнику – чиркнуть сообщение Брому, известить, что едет в непонятном направлении со сторожем из кинотеатра, но «жигуль» свернул вправо. Если

бы не ремень безопасности, пассажир приложился бы виском к стеклу. Автомобиль запрыгал по проселочной дороге, вздымая облако пыли. Ивы шелестели гривами. Кивали приветливо подсолнухи.

Впереди показалась деревушка: две улицы, горстка глинобитных домов. Не встретив ни единой живой души, «жигуль» въехал в распахнутые ворота, прокатил по продолговатому двору и припарковался у трактора.

– На выход. – За полчаса Вадик ни разу не посмотрел пассажиру в глаза.

Обуреваемый тревогой, Артем выбрался из автомобиля.

– Дайте минутку, я позвоню.

– Позвони-позвони. – Вадик шагал к большому одноэтажному дому.

Артем мысленно чертыхнулся, извлек телефон… и чертыхнулся снова. В верхнем углу экрана – ни одной черточки.

– Позвонил? – злорадно поинтересовался Вадик. – Теперь идем.

Делать было нечего. Артем поплелся за сторожем. По ступенькам, в сени, на кухню. Высокий забор ограждал дом от посторонних глаз. Чистоплотность не была отличительным качеством скульптора Куприянова. Кухню захламляли ящики, ведра, садовые инструменты. Тарелки свалены в раковину. Сковороды поросли жиром. По забрызганной супом печи сновали тараканы.

– Садись. – Вадик спихнул на пол газеты, освобождая для

гостя стул.

В доме что-то протухло. Едва уловимый запах гнили витал в спертом воздухе. Артем почувствовал себя жалким и беззащитным. Он вспомнил праворадикалов, напавших на Брома. И агрессивных алкашей, привязавшихся к ним на территории заброшенной турбазы. И сон про змееволосую женщину.

– А где Иван Борисович? – спросил Артем, прочистив горло.

Вадик проигнорировал вопрос. Он стоял у допотопного холодильника, сунув большие пальцы за кожаный ремень, и покачивался из стороны в сторону. Отчужденный взгляд буравил половицы. Артем сконфуженно наблюдал.

«Что происходит? Где я?»

Внезапно, как по щелчку рубильника, Вадик застыл:

– Ты любишь кино?

– Эм… да.

– Я очень любил. – От заторможенности не осталось следа. Вадик засуетился, перебирая посуду, поднимая и роняя вилки, звеня чашками. – Каждую пятницу бегал в «Знаменосец». Боевики, фантастика, комедии – всё смотрел. Монстра в «Чужом» не испугался. А ее боялся. Бабу-ягу эту над входом. Шел в кино и глаза опускал, чтоб ее не видеть. Она мне снилась, веришь?

«И мне», – подумал Артем, внимая исповеди сторожа.

Вадик выудил из раковины граненый стакан, который

ошибочно посчитал чистым, нацедил из крана воду, осушил до дна, дергая кадыком, как затвором винчестера. Заново наполнил и поставил перед гостем на клеенку. Артем лучше бы умер от жажды, чем прикоснулся к липкому стакану.

– Потом мы переехали, – сказал Вадик. – Потом вернулись, а Баба-яга исчезла. Исчезла, ведь я… – Он поднял руку от пола к потолку, измеряя рост. – Я про нее забыл. Все забывают. Это Бог так делает. Запирает на ключ гадкое. – Вадик постучал пальцем по лбу. – Не реши, что я из этих, из богомольцев. Может, и нет никакого Бога, а может, и есть. Христос. Или Зевс. Знаешь Зевса?

Артем невнятно подтвердил. Разговор получался абсурдным. Сюрреалистичным.

– В «Знаменосец», – продолжил Вадик, – я приглашал на свидание Любу. Я ее очень любил. – По одутловатому лицу проскользнула тень. – Отец Любы был скульптором. Иван Борисович Куприянов! – Вадик ткнул себя в грудь важно. Футболка потемнела под мышками. И Артем тоже обильно потел на хромоногом стуле. Приотворенной форточки не хватало, чтобы нормально дышать. Слабый запашок втекал на кухню из коридора, драл горло.

– Микрорайон и кинотеатр строили одновременно. Молодой Иван Борисович работал в творческой мастерской панельного домостроения. ЦК Компартии республики дал добро: мастерская пригласила из столицы Льва Галаса. Куприянов и Галас вместе трудились над панно. Создавали картин-

ные шаблоны по эскизам, здоровенные, в натуральную величину. Разрезали на фрагменты и готовили кусочки мозаики.

Рассказ чудаковатого сторожа закономерно увлек Артема. Он позабыл о духоте и вони. Но из недалекого прошлого, из вчерашнего дня, аукнулась фраза Вадика: «Я, прости, не шибко в искусстве разбираюсь». Разве вчера Вадик упоминал Галаса по имени? Разве использовал слова «эскиз» и «шаблон»? Нет, ничего подобного…

– У них была маленькая тайна, – говорил Вадик, рыская по тесной кухне и бессмысленно переставляя предметы. – Ивана Борисовича захватила идея Галаса спрятать на флагах героиню греческих мифов. Галас уже проделывал такое. И они нарисовали Медузу.

– То есть ваш тесть был соавтором мозаики?

От волнения Артем привстал. Живой оформитель кинотеатра поможет спасти панно. Они обратятся к городским властям, в Раду, если понадобится; они расскажут миру о необычайных картинах Галаса. И мозаика киевского гения станет таким же народным достоянием, как Петриковская роспись.

– Они рисковали, – басил Вадик. – Они облапошили всех. Но обман был таким изящным, что чиновники ничего не заметили. Лев Галас и Иван Куприянов сотворили чудовище, как Форкия и Кето.

Артем вопросительно вскинул брови, но через миг догадался. Форкия и Кето – родители сестер-горгон. Поразитель-

ная эрудиция для сторожа из индустриальной дыры. Тревога вернулась и полосовала коготками нутро.

– Галас умер в год моего рождения. Он не понес ответственности за то, что сделал.

– А за что он должен был нести ответственность?

– За детей, которых Медуза погубила.

«Убирайся отсюда», – шикнула интуиция. Артем посмотрел в коридор.

– Каких детей?

Впервые за весь разговор Вадик повернулся к гостю. Ручейки пота змеились по его залысине, по колючим щекам. Глаза, водянистые, безумные, косящие, уперлись в Артема рогатиной.

– Дети превращались в камень. Я не верил, думал, это байки. Я сам водил Коленьку в «Знаменосец».

– Вашего сына? – Артем вспомнил заметку из местной прессы: «Художники собирают средства на лечение внука Куприянова».

– Коленька обожал мультики. – Заскорузлые пальцы-колбасы впились в край столешницы. – Ходил в кино, и сука смотрела на него своими бельмами.

«Он не в себе», – опасливо съежился Артем.

– Ваша жена дома?

– Моя жена умерла, – отрезал Вадик. – Наглоталась таблеток, когда Коленьки не стало.

– Мне жаль…

– Я много думал. – Пот, капая с подбородка сторожа, барабанил по клеенке. – У меня было время подумать. Болезнь диагностировали в две тысячи пятнадцатом. Коленьке исполнилось десять. А в семнадцатом он ушел от нас. О, как он страдал! – Зубы Вадика заскрежетали в тишине. – Это называется фибродисплазия. Очень редкое генетическое заболевание: один человек на два миллиона. Семьдесят в СНГ! Я не слышал о нем раньше. Мой мальчик, мой ребенок, выл от боли. Его мышцы, сухожилия, связки постепенно кальцифицировались. Это значит, превращались в кости. Под кожей выпирали шишки, уплотнения. Комариный укус давал страшный отек. Коленька менялся изо дня в день и костенел. Он не мог ходить. Держать чертову ложку. Воспалительные процессы во всем теле. Не-о-ста-но-ви-мы-е, – Вадик произнес это по слогам. Пересохшая верхняя губа треснула и обагрилась кровью. – Единственная научная лаборатория, занимающаяся фибро-дисплазией, находится в Пенсильвании. Довольно далеко от Зализного, да? Я бы почку продал – но денег бы все равно не хватило. И потом, они не лечат, а изучают болезнь. Вкалывают препараты мышам! Ее вообще не лечат! – Он облизнулся и понизил голос. Зрачки бегали из угла в угол. – Врачи кололи инъекции, от которых формировались новые костные образования. Мускулатура Коленьки была каменной. Кальций подменял скелетные мускулы и соединительные ткани. Шея, спина, голова, плечи, бедра… И все, что он мог, – это выть, а я мечтал, чтобы голосовые

связки моего ребенка тоже окостенели!

Вадик отклонился и что было сил ударил себя по лицу пятерней. Артем подпрыгнул. Щека сторожа покраснела, в правом глазу лопнул сосуд, и белок залился кровью. Как ни в чем не бывало Вадик сказал:

– Врачи считают, фибродисплазия – результат спонтанной мутации. Но я-то знаю, кто виноват в смерти моего сына.

Артем ошарашенно заморгал.

– Медуза добралась до Коленьки, – доверительно произнес Вадик. – Я понял это в хосписе. Ты знаешь, как еще называют фибродисплазию? Синдром каменного человека. Коленька объяснил мне после смерти.

То, что произошло дальше, заставило желудок Артема кувыркнуться к горлу. Вадик распахнул ящик под умывальником и извлек из кургана гниющих картофельных очисток маску сварщика. Кусочки еды прилипли к оконцу, к серому металлу.

– Я ослепил Медузу, чтобы защитить других детей, но этого оказалось мало. Коленька сказал, что он будет страдать и в гробу, пока создатель Медузы не понесет наказания.

В тусклом солнечном свете, пробивающемся из-под занавесок, Вадик напоминал страшного волосатого кабана. Обезумевшего эриманфского вепря.

– Я не мог наказать Форкия, но придумал кару для Кето. Пошли, я познакомлю тебя с тестем.

– Не нужно! – Артем обогнул стол, прижимаясь к стене и

цепляя кроссовками ящики. – Мне пора на вокзал.

– И зачем же? – Вадик снял с крючка молоток для отбивания мяса. В зазубринах бойка застряли почерневшие волокна. – О, я знаю. Чтобы разболтать о мозаике Галаса. Чтобы ее аккуратно спилили и поставили в центре города. Чтобы люди толпами ходили смотреть на нее. Маленькие дети с хрупкими косточками.

Вадик – эриманфский вепрь – преградил дорогу. Со сварочной маской в одной руке и молотком – в другой.

– Я смотрел, как ты фотографируешь ее. – Нервный тик сокращал мышцы раскрасневшегося лица. – Как ты молишься. Я сразу понял, ты – ее слуга. Но знаешь, что я делаю со слугами Медузы? Обращаю против них же их оружие.

Вадик напялил маску, как рыцарский шлем, и опустил «забрало». Артем дернулся было к сеням, но горячая пятерня вцепилась в холку. От страха свело скулы. Артем ни разу в жизни не дрался. Ни разу не попадал в ловушку психопата.

Заставляя пленника сгорбиться, Вадик поволок его по коридору, регулируя движения пинками и тычками. Артем жалобно вскрикивал. У двустворчатых дверей смрад сгустился.

Наклонившись, Вадик процедил в ухо Артему:

– Передай другим. Я охраняю Медузу. Я убью каждого, кто попытается ее вызволить.

Ударом ноги он распахнул дверь и грубо втолкнул Артема в темноту. Щелкнул выключатель, лампа озарила запертые ставни, уменьшенные копии античных Венер и упаков-

ки цинковых белил. Тараканы бросились врассыпную, схоронились в щелях. Стоя на четвереньках, Артем поднял голову. За пеленой слез вырисовывалась кровать, на которой кто-то лежал. Но внимание Артема приковала инсталляция в изножье. Он запечатал ладонью вскрик. И подверг сомнению здравость рассудка.

Посреди комнаты возвышался цементный столб. Будто надгробие или языческий идол. На растрескавшейся поверхности маркером намалевали примитивный клыкастый рот. Чуть выше из цемента торчали два длинных ребристых прута. Арматура, извиваясь, нависала над кроватью, как жуткий инопланетный зонд… или как глазные стебельки виноградной улитки. Последнее сравнение было более точным. К концам прутьев крепилась пара фаянсовых плиток. Артем узнал, леденея, недостающие фрагменты мозаики. Небесно-голубые глаза кисти Галаса с коварным любопытством взирали на постель.

На загаженных, воняющих дерьмом простынях лежали вповалку два трупа: один мумифицированный, второй – разложившийся до голого скелета. Вадик рывком поставил Артема на ноги, заставил смотреть.

Скелет лежал ближе к дверям, и его Артем видел во всех подробностях. Ничего похожего на картинки из анатомических учебников. Деформированные, словно оплавившиеся от немыслимого жара кости. Паутина из костей, твердая плесень, опутавшая череп и позвоночник, образовавшая нечто

вроде дырявой брони, панциря. Беспорядочно разбросанные костные фрагменты, узлы, петли. Сросшиеся ребра и челюсти. Безмолвно кричащие глазницы. То, что было живым человеком, невинным ребенком, то, что обезумевший отец вытащил из могилы, напоминало каменную статую. Дерево из шишковатых костей.

Скелет притискивался к мумии, обтянутой сухой желтой кожей. К своему дедушке. Старик едва ли весил больше внука. Будто ветки запихнули в грязную пижаму, создав подобие человеческого тела. В седой клочковатой бороде застряли комья каши и хлебные крошки, червячки вареной вермишели. Глаза были широко распахнуты. Артема замутило.

Верхние веки старика пришпилили к бровям железными скобами, а нижние оттянули так, что обнажились полумесяцы слизистой. Артем ошибся. Старик был жив. Он слабо сипел. Выпученные глаза, чуть сместившись, поискали источник шума. На лице не отразилось никаких эмоций.

Иван Борисович давно и навсегда лишился разума в этой зловонной камере, в одной постели с эксгумированным внуком. Под пристальным наблюдением Медузы.

Как долго он находился в изоляции? Как удалось зятю скрывать его от соседей, родственников, социальных служб?

Лихорадящий мозг убитого горем отца придумал извращенную, лишенную логики кару. Запереть тестя с Медузой и ждать, пока тот не обратится в камень.

– Ложись! – рявкнул Вадик.

Ужас, кипящий черной смолой в душе Артема, выплеснулся наружу отчаянным криком. Чудовищный приказ аккумулировал силы. Артем вырвался из лап безумца, метнулся к запыленным статуям. Он схватил первое попавшееся пластиковое ведро, запечатанное крышкой, – и швырнул в наступающего Вадика. Двухкилограммовый снаряд грохнулся о металлическое забрало, крышка отскочила, по маске потекла густая цементирующая смесь веселого лаймового оттенка.

Вадик взревел. Смесь залила тонированное оконце, но он не стал снимать маску. Вместо этого он закружился по комнате, пытаясь вслепую достать наглеца. Зубчатый боек рассекал воздух. Артем отпрянул к стене. Молоток просвистел там, где он стоял только что, и сокрушил гипсовую Венеру.

«Господи, помоги!» – взмолился Артем, адресуя просьбу любому из возможных божеств: Христу или Зевсу. Он посмотрел на кровать, будто старик-скульптор мог встать и спасти его.

Непроизвольный стон сорвался с губ, указав Вадику, куда бить. Ослепленный сторож взмахнул молотком, но Артем опомнился и нырнул, уходя от верной смерти. Он врезался в кровать, отчего скелет недовольно заворочался, а старик обиженно замычал. Оттолкнувшись, Артем помчался через комнату, боднул створки и вылетел в коридор.

«Я не успею».

За спиной скрипели половицы. Пыхтел эриманфский

вепрь.

«Не успею!» – Артем выскочил в сени. Впереди маячила входная дверь, позади громыхал сумасшедший.

«Я не…»

Следующие два месяца после возвращения из Зализ-ного Артема не покидало ощущение, что Киев, друзья, будни в офисе – не больше чем утешающий сон. Это во сне он выбежал из страшного дома и напоролся на изумленных рыбаков, идущих с реки. И он вот-вот проснется, и будет цементный столб в зловонной комнате, костяное дерево и высушенный старик со скрепками в веках. Он видел все это за истончившимися стенками реальности, и он видел вещи куда хуже.

Вечерами Артем штудировал книги по мифологии Древней Греции, а потом Морфей забирал его в населенные призраками подземелья. Там, среди окаменевших мертвецов, ползала женщина, и змеи извивались на ее голове. У Медузы был напарник – грузный мужчина в сварочной маске, с молотком в кулаке. Он всегда настигал Артема, как бы тот ни прятался за сталагмитами. Настигал и волок к хозяйке.

В других снах, навеянных книгами, Медуза превращалась в Нюкту, богиню темноты, или в Немесиду, богиню возмездия. Однажды ему приснилось, что Бром нашел под Крещатиком неизвестную мозаику Галаса. Изображение парада в честь какой-то годовщины революции превращалось в шествие кровожадной Гекаты; богиню сопровождали гадюки,

совы, стигийские псы, огромные упырихи с ослиными ногами и, конечно, Вадик в обличье злобного великана Мормо. Чадили факелы, у безголовых блеммий зенки и пасти располагались на торсах. Свита Гекаты хохотала, лаяла и улюлюкала.

Просыпаясь от собственного крика, Артем думал, что сходит с ума. Но шли дни. Кошмары снились все реже.

Полиция арестовала Вадима Мироненко. Об этом говорили в новостях и ток-шоу. Громкое дело: эксгумация трупа, незаконное лишение свободы. Медицинская экспертиза признала сторожа невменяемым. Его отправили на принудительное лечение в психиатрическую клинику. Физическому здоровью Ивана Борисовича Куприянова ничто не угрожало: старик был удивительно живуч. Но вот состояние его ума оказалось катастрофическим. Врачи сомневались, что скульптор когда-нибудь заговорит.

В сентябре по центральному каналу показали документальный фильм о Льве Галасе, заново познакомивший зрителей с выдающимся украинским художником. Бром для интервью надел костюм-тройку и был очаровательно нелеп. Брома распирала гордость: в конце концов, именно он, оббив пороги разнообразных инстанций, спас мозаику.

Зимой городской телеканал Зализного освещал ремонт и торжественное открытие панно. Отныне посетители, идущие за покупками в бывший кинотеатр – нынешний супермаркет, – могут любоваться сотворенной Галасом и Куприяно-

вым иллюзией.

Недостающую плитку вернули. Медуза обрела зрение. И паству.

Люди опускались ниц перед панно.

…Завибрировал телефон. Артем шлепнул по пробелу. И на экране застыла коленопреклоненная толпа. Он поболтал с Бромом о том о сем. Бром уезжал в Луганскую область, идентифицировать мозаику в школьном спортзале. Он ненавязчиво предлагал Артему встать в строй.

– Я подумаю.

– Кстати, я вчера видел Оленку.

– И как она? – Артем прикинулся заинтересованным.

– Спрашивала о тебе. Спрашивала, встречаешься ли ты с кем.

– Вот как.

– Позвони ей, если хочешь.

Артем не хотел. Он отложил телефон, выключил ноутбук и сидел на диване, погруженный в мысли. В конце концов ему удалось убедить себя, что это была галлюцинация, вызванная стрессом. И железные стебли арматуры не двигались. Нарисованные глаза не смотрели на него в упор.

Артем сидел в темноте и рассеянно массировал левую ступню. Неделю назад он уронил на ногу утюг. Ступня не болела, но на месте ушиба образовалась шишка. Маленькое уплотнение под кожей.

Твердое, как кость.

Твердое, как камень.

Максим Кабир

Вешки

Сигареты намокли. Игорь раздраженно скомкал сырую пачку, сунул в боковой карман рюкзака и повернулся к Дракоше Тоше. Тот спрятался в капюшоне куртки, по которому стучал дождь, и вовсю дымил.

– Дай папироску-у-тебя-штаны-в-полоску, – устало сказал Игорь.

Дракоша медленно пошевелился. Залез куда-то под куртку, вытащил пакет с пачкой. Неуклюже развернул мокрый полиэтилен, бережно выудил сигарету и зажал ее в зубах. Игорь подвинулся чуть ближе, содрогаясь от холода. Пока шли из долины – промокли насквозь. Плюс ближе к выходу на перевал поднялся ветер, и теперь скотская стихия вколачивала в «непромокающую» мембрану ледяные капли. Походные ботинки, тоже из современных материалов, теперь весили по несколько килограммов минимум. Хорошо бы слить из них воду, но тогда туда наберется новая. Холодная. Пусть лучше так. Тоша прикурил сигарету и протянул Игорю.

– Спасибо.

От влажности дым казался гуще, чем обычно. Вдувая в себя струйку тепла, Игорь смотрел на долину, в которую пришел ветер. Рваные облака-медузы тащились над озером, скрывая макушки чахлых северных берез. Седловину пере-

вала было вообще не видать.

– Вляпались, – резюмировал Игорь.

Тоша выдохнул сигаретный дым, цокнул языком и подмигнул:

– Прорвемся.

Дождь барабанил по капюшону, такому же мокрому внутри, как и снаружи. Черт, да у Игоря даже трусы были насквозь. Подфартило с погодой. Он угрюмо смотрел в сторону перевала. Реальность сливалась в блеклое полотно. Дождь, камни, облака. Даже скрюченные севером деревья казались серыми, недружелюбными.

Выл ветер.

По уму надо возвращаться назад, ставить лагерь и пережидать непогоду. Но Стас и Юля ждут их на перевале. И у них нет ни палатки, ни горелки. В радиалку ведь вышли, по дороге домой. «Чего лишнее на себе переть, – сказал Стас. – А озерцо там, на плато, уникальное, с гольцом!» Юля смотрела на мужа с обожанием, всецело разделяя его стремления.

Исследователи херовы.

Игорь затянулся, пряча огонек от дождя. Глаза слезились. Тучи ползли мимо, огибая замшелый валун, за которым два туриста прятались от ветра.

А ведь небо приключений не обещало. Да, вечером солнце ухнуло в красное зарево, но с утра все было хорошо. Поэтому вылазку не отменили. Стас и Юля ушли, Игорь и Дракоша Тоша остались. Лень-матушка. Поход подошел к

концу, впереди оставался крайний перевал, после которого лишь выброска да плацкартный вагон домой, с чаем в подстаканниках. Хватит загонов. Только цивилизованное гниение.

Они договорились встретиться на седловине. Стас спихнул на приятелей скарб, тепло попрощался, приказав считать его коммунистом, ежели не вернется, а затем две крошечные фигурки в рыжих куртках двинулись вдоль берега озера, растворяясь в прибрежных зарослях.

Игорь же и Дракоша покинули лагерь после полудня. Когда стало накрапывать.

– Алга? – сказал Толик.

Игорь молча показал ему сигарету.

– Понял, – кивнул друг. С прищуром посмотрел вдаль, будто что-то мог разглядеть в хмари.

Когда окурок обжег пальцы, Игорь отклеился от камня, к которому прижимался рюкзаком. Лямки натянулись, прижимая отсыревшее тело к земле. Поясница заныла. Проклятье, сколько литров воды он уже несет?

– Алга, – буркнул он Дракоше.

Шли молча. Ветер выл, кидался ледяными порывами в лицо, пронзая до костей. Игорь тяжело ступал по камням, опираясь на треккинговую палку. Цоканье наконечника придавало движению некий ритм.

Цок-цок-цок.

Они медленно забирались по тропе на перевал. Слева и справа шумели ручьи, вода гремела камнями. Последняя растительность осталась позади, и теперь два одиноких путника оказались с ветром практически наедине.

Тот взялся за них всерьез.

Толик топал сзади, напевая себе под нос что-то. Игорь считал шаги. Считал цоканье палки и старался не думать о плохом. Пройдут и по такой погоде, куда денутся. Тоже мне неурядица – дождик на перевале.

Порыв ветра ударил с такой силой, что Игорь чуть не повалился назад. Почувствовал толчок в спину – Дракоша уперся, удержал.

– Спасибо! – перекрывая вой ветра, крикнул ему Игорь.

Мысли лезли разные. В молоко, в такую погоду, в горы лезть нельзя. Самоубийство. Стас не дурак, и, почуяв неладное, точно спустился к руднику. Поэтому разумнее всего вернуться назад, найти место, поставить палатку и отогреться. Выудить из гермомешков теплые вещи и хоть немного побыть в сухости.

Вот только… Что, если Стас таки дурак? И они с женой там, на седловине, под ледяным дождем ждут своих друзей?

Ветер крепчал. Теперь он бил горизонтально в лицо, острые капли секли воспаленную кожу. На камнях оседал белый налет. Снег. И не скажешь, что июль на дворе. Игорь остановился, переводя дух. Обернулся на Дракошу. Того би-

ла крупная дрожь.

– Ты как?

– Стоять н-н-нельзя. Д-д-двигаемся! – ответил тот. Губы бледные, но глаза живые, веселые. – Ай лайк т-т-ту мув ит мув-в-в-в-итс-с-с.

– Скоро поднимемся. – Игорь ткнул палкой наверх. Едва видная тропа уходила к ступеньке, огибала ее слева. За ней уже и седловина может быть.

Холод обнимал все сильнее. Сковывал мышцы. Игорь тяжело двинулся с места. Жара от усталости он не чувствовал. Обычно идешь и думаешь, как бы с себя все снять – настолько разогревается тело под рюкзаком. Сейчас хотелось лишь натянуть на себя что-то и прижаться к горячей батарее.

Цок-цок-цок.

По седловине идти нужно осторожнее. Там курумник, много живых камней. Зато пути по нему всего два километра, а затем три по склону вниз, к руднику. К теплу. К людям. Расстояние плевое. Детские шалости.

За ступенькой начался следующий склон. Едва заметная тропка, по которой бежали ручьи, теперь поднималась справа. Игорь разочарованно вздохнул, смахнул текущие из носа сопли и побрел наверх. Рюкзак весил не меньше тонны. Ноги по центнеру каждая. Он двигался по горам, как созданный из сырости и холода голем. Неумолимо и медленно.

Цок. Цок. Цок.

Горы Игорь любил. Всегда любил. Но чем старше стано-

вился, тем больше комфорта хотелось телу. Сейчас бы хорошо сидеть на застекленной террасе с чашкой кофе и круассаном, в тепле, в уюте, с книгой и смотреть сквозь стекло на то, как ветер гоняет облака по долине. Было бы отличненько. А не вот это вот всё.

Когда-то отец взял его в Хибины и снял в долине посреди гор номер в гостинице. Игорю было лет шесть, может, чуть больше, но тот поход он запомнил навсегда. Даже убранство в комнате – стены, отделанные вагонкой, двухъярусная кровать, простенький душ. До чего же было чудесно сидеть у окна и смотреть на то, как снаружи ревет буря! Деревья гнулись под ударами ветра, от дождя дрожали стекла, а над столом горела лампа, и в кружке с нарисованной лисичкой стыл только что налитый чай.

– Папа, а почему ураган опасный? – спросил тогда маленький Игорь.

Отец вздрогнул, посмотрел на сына. Его словно выдернуло из другого мира, и он с удивлением обнаружил, что здесь не один.

– Ну… Сам по себе он не так опасен, – сказал папа. – Вот мы с тобой же в домике, и ничего нам не страшно. Вот были бы мы на улице – тогда да. Сорвет и унесет далеко-далеко.

– Как девочку Элли?

– Да, – улыбнулся отец. – Как девочку Элли.

– Я хотел бы побывать в Изумрудном городе.

Папа хмыкнул, отхлебнул из чашки.

– А ураган сильнее тебя?

– Сильнее.

– А медведя?

– И медведя, – улыбнулся папа. Его вечно усталое лицо, набухшие синяки под глазами и неизменно тусклый взгляд еще ничего не говорили ребенку. Так же, как и то, что только здесь, вдали от дома, отец казался живым.

– И тинарозавра?

– ТиРАННОзавра, – мягко поправил папа. – Да, и его сильнее.

– А ты смог бы побить ти-ра-ннозавра? – Игорь старательно разделил сложное слово, чтобы сказать правильно.

– Смог бы. Нет таких чудищ, Игорек, которых не смог бы победить человек. Но плохая погода сможет погубить даже самого умелого охотника. И вот ее победить невозможно. Только защититься, как мы с тобой сейчас. Запомни это.

Игорь запомнил.

Отец ушел из семьи через четыре года после той вылазки, проиграв бой с чудовищем по имени быт и навсегда исчезнув где-то в холодном городе. Но оставил на память страсть к горам, этот странный разговор, да еще вкус деревенской яичницы с луком, что готовила по утрам хозяйка той гостиницы.

Цок… Цок… Цок…

Ветер швырнул в лицо ледяные осколки. Игорь зашипел, остановился, промаргиваясь.

– Сука… – процедил он, почти не чувствуя опухшие губы. – Сучья ты зараза, а…

Обернулся.

Дракоши позади не было.

Холод отступил. Изнутри рванулся жар, ударил в лицо. Черт… Черт! Игорь сбросил рюкзак, и ледяной ветер сразу же напомнил о себе. Пока тяжеленная ноша висела на спине – там оставалась последняя цитадель тепла. Теперь она пала. – Сука… – повторил Игорь. Зашагал вниз по тропе, выглядывая среди камней зеленую куртку друга.

– Толя! – хрипло крикнул он. Но ветер выл громче, раздирая слово на тысячи холодных кусочков и разбрасывая над камнями. – То-о-о-оля-я-я!

Цок-цок-цок.

Колени болели. Тянуло голеностоп справа. Прихрамывая, Игорь брел по тропе и выглядывал впереди зеленую куртку товарища. Сорвался? Ветром сшибло? Ногу сломал и лежит где-то? Сценарии в голове возникали так обильно, будто в мозгу взорвался фейерверк с трагедиями.

– То-о-о-оля-я-я!

Ветер взвыл, разбирая слова на буквы и разбрасывая их по снегу. Игорь добрался до взятой было ступеньки, морщась от боли, спустился по камням и увидел Дракошу.

Друг скорчился в щели между мокрыми валунами, пря-

чась от ветра, и курил, содрогаясь всем телом.

– Ты охренел, обезьяна? – гаркнул на него Игорь. – Чего расселся?

– Я упал-с-с-с, – улыбнулся ему друг. Губы его тряслись. – Вс-вс-встать не мог-с-с-с. А ты-с-с-с идешь-с-с-с. Еле всталс-с-с-с.

Его колотило. Все слова стали сипящими, едва слышными.

– Думалс-с-с все-с-с-с.

Игорь содрал с себя мокрую куртку. Бросил сверху на скрючившегося друга. Тот подтянул ее поближе, благодарно глянув.

Подниматься оказалось труднее. Ветер свирепствовал. Игорь торопился, почти бежал, оскальзываясь на камнях. В животе растекался холод. Горло как оледенело и в груди расцветал снежный цветок.

Добравшись до рюкзака, он подхватил его, ахнул от тяжести. Затем зашипел от холода, когда остывшая спинка плюхнулась на сырую флиску.

Спотыкаясь поспешил вниз. Поскользнулся. Лодыжку прострелила боль. Ветер толкнул в спину, и Игорь едва не рухнул с тропы на склон.

– Сука! – снова рыкнул он. Собрался с силами, похромал дальше, опираясь на палку.

Дракоша закрылся курткой с головой. Дым сигареты, густой из-за холода, валил из салатовых рукавов.

– Терпеть! – просипел Игорь и выпотрошил рюкзак. Сейчас уже было не до размышлений. Сейчас все нужно делать быстро. Коченеющими руками он вытряхнул палатку из чехла. Ветер вцепился в тент, дернул его по склону.

– Да стой, тварь! – гаркнул Игорь. Схватился за веревку растяжки, подтянул бьющуюся тканевую медузу поближе, набросал сверху камней. Затем принялся собирать дуги. Из своего угла выполз Толик, дрожащий так, словно его били током. Друг молча потянул ткань, придерживая ее.

– Тоша хороший-с-с-с, – чуть слышно произнес Толик.

– Сейчас! – просипел Игорь. – Сейчас.

От холода удары сердца отдавали уколами. Ветер вопил над головой, видя, как ускользает добыча.

Ткань билась, пока оледеневшие пальцы проталкивали дуги сквозь крепления. Сферу палатки чуть не вырвало из рук. Обвязав растяжки вокруг камней, Игорь махнул рукой:

– Лезь.

Дракоша вяло ткнулся во вход. Заскрипела молния. Ветер драл полог так, словно хотел его оторвать. Друг рухнул на пол палатки, подтянул ноги. Игорь бросил в разинутый зев гермомешок с одеждой, затем со спальником.

– Переодевайся!

Сам он двинулся к рюкзаку Тоши. Выпотрошил и его, вытащил еще одну герму. Зубы клацали так, будто в рот запихали заводную челюсть-шутиху, судьба которой прыгать по столу и веселить людей. Из носа лило не переставая. Едва

соображая, Игорь вернулся к палатке, ввалился внутрь, пребольно ударившись о камень. Застегнул тент, который тут же прижало ветром.

Стихия билась о тканевые стены, проминая их. Но тут «современные материалы» свое дело знали хорошо и ветер не пропускали.

– Хер тебе, – просипел стенающей буре Игорь.

Онемевшими пальцами принялся сдирать с себя мокрую одежду. Рядом дрожал раздевающийся Толик. Стуча зубами, они быстро переоделись в сухое, а затем забрались в спальник. Вдвоем, словно любовники. Еле втиснулись, но все же. Голова ныла, дрожь в теле притихла, но накатила слабость.

– Жопа жопенская, – вдруг вяло проговорил Драко-ша. – Но учти. Секса не будет. Я не в настроении.

– Пошел на хер, – буркнул Игорь.

Дождь стегал палатку, как разъяренный псих, упустивший добычу. Они лежали, прижавшись друг к другу спинами. Камни впивались в бедра, в плечи, в ребра, но это было лучше, чем сырость и холод. Дрожь отступала. Пальцы стало покалывать. Тепло разливалось по телу.

– Стас не дурак, да? – сказал Игорь. – Свалил ведь, как думаешь?

– Стопудово, – ответил Дракоша. – Хера себе июль.

– Тут в семидесятых в январе группа погибла. Десять человек, – поделился зачем-то Игорь. – Померзли все. Тоже на перевал в бурю ломанулись.

– Очень жизнеутверждающе, – спустя паузу сказал Тоша. – Спасибо за это. У меня и без этого в кишках каток открылся.

Игорь сам чувствовал лед внутри. Холод застрял в костях, в желудке, в сердце, превратив его в анатомический замороженный атлас.

– Сколько там сейчас? Минус стопятьсот? – спросил Дракоша.

– Не думаю, что ниже минус пяти, – не отреагировал на шутку Игорь.

Они замолчали, слушая воющий ветер. Где-то покатились камни. Палатку хлестанул еще один порыв ледяного дождя. Крошка врезалась в ткань и разочарованно осыпалась.

– Вещи предлагаю бросить, – сказал Игорь, когда отогрелся. – Иначе не дойдем.

– Поддерживаю. А что, если не распогодится?

– Тропу я видел. Если снегом заметет – по вешкам двинем. Я их видел. – Собранные из камней пирамидки шли вдоль тропы, обозначая направление для туристов.

– По турам. Правильно говорить – по турам, – поправил его Дракоша.

– Ты, смотрю, отогрелся, обезьяна?

– Ага. Как думаешь, надолго это? – сонно произнес Тоша.

– Не знаю, – признался Игорь. В спальнике было тесно, но тепло. Ноги, правда, стыли даже в шерстяных носках.

Дракоша засопел. Да и у Игоря веки смыкались сами со-

бой. Организм выработал свой ресурс и требовал перезагрузки. Но спать нельзя. Если там ребята… ждут, то…

Он проснулся от стука камня о камень. Где-то совсем рядом. Приподнял голову, вывернул руку и глянул на часы. Стрелка показывала на девять. Черт! Игорь завозился, выбираясь из спальника. Вечер сейчас или утро вообще? С этим заполярным летом всегда сложно понять время.

Ветер молчал. Дождь стих. Снаружи царило безмолвие.

Игорь глянул на сопящего Дракошу. Пополз к выходу. Колено уперлось в камень под палаткой.

Цок.

Он замер.

Цок.

Палка еще раз лязгнула о камни. Затем послышался едва различимый скрип, какой бывает, когда под чьим-то весом продавливается снег. Игорь застыл, словно застигнутый врасплох сурикат. Повернул голову, вслушиваясь.

Цок.

– Стасик, – визгливо проскрипело где-то рядом с палаткой. Противный высокий голос, как у попугая. Говоривший находился в метре от Игоря. Будто кто-то присел рядом, заглядывая под тент. Во рту стало горько, тело прошиб холод.

– Кто здесь? – гаркнул он. Рванулся к выходу, вцепился в молнию. Собачку заклинило.

– Кто здесь, – повторили снаружи. Совсем-совсем у полога, почти у земли. – Кто здесь. Кто здесь. Кто здесь.

– Что это? – дернулся Дракоша.

Игорь рванул застежку, срывая молнию. Вывалился наружу. Что-то шумно бросилось наутек, разбрасывая камни.

Цок-цок-цок-цок.

– Что это? – чужим голосом прохрипел из палатки Дракоша. Непробиваемый Толик – испугался.

Игорь отбросил тент, выпрямился. Холод облепил его мелкой противной пленкой. Вокруг клубилось белое марево. В молоке таяло рыжее пятно.

– Стой! – заорал он. – Стас? Юля?

Цоканье затихло. Все звуки исчезли. Облако опустилось на перевал – уже в десяти метрах видимость резко падала.

– Что это было? – Из палатки показался изумленный Тоша. – Наши?

Игорь присел, запихивая ноги в мокрые насквозь ботинки.

– Не знаю!

Он вновь посмотрел в сторону, куда убежал рыжий гость. Потом глянул на раскуроченные рюкзаки, почти засыпанные снегом. В них кто-то рылся. Палка исчезла. Игорь зашнуровал ледяные ботинки, встал. Приблизился к следам, оставленным гостем. Птица? Три длинных пальца, один короткий. Размеры только не птичьи совсем.

– Что это за херня? – вырвалось из груди.

Дракоша выбрался из палатки, встал рядом.

– Есть идеи? – спросил у него Игорь. Друг покачал голо-

вой. – Оно сказало: «Стасик». Ты слышал?

– Я проснулся, когда ты заорал. Но «кто здесь» уже слышал, да. Херня какая-то.

Игорь добрался до рюкзака. Снял с него топор. Затем раскурочил пакет с котлом, вытряхнул на снег утварь. Разгреб ее в поисках ножа. Протянул оружие Дра-коше:

– Держи.

Тот молча взял нож, огляделся, спросил:

– Что за зверюга такая?

– Я таких не знаю. – Игорь сбросил защитный чехол с топора. Пластик звонко стукнул по камням. Звук весело рванулся на свободу, попал в голодную пасть тумана и там затих. Сейчас даже шума реки, бегущей чуть ниже, не было слышно. Царство тишины.

И тишина эта пугала.

– Валим отсюда, – решил Игорь.

– Не возражаю, – поддержал его Дракоша. Он прошел по похрустывающему снегу.

– Документы забирай. Все самое ценное. Пойдем так.

Тоша посмотрел на раскиданные вещи с сожалением. Вздохнул:

– Ну да, это всего лишь деньги. Прорвемся.

Затем шумно высморкался в пальцы, сплюнул. Игорь же продолжил:

– Спустимся в долину, найдем какой-нибудь лагерь. Иначе коней двинем. Здесь оставаться не вариант.

Дракоша замер. Переспросил:

– В долину? Раз уж налегке, так давай через перевал сразу и ломанемся. Быстрее выйдем. Это ж седло уже. Идти-то осталось фигню.

– Куда идти? – ехидно спросил его Игорь. Дракоша огляделся в поисках ориентиров. Белое безмолвие наблюдало за растерянным человеком.

– Наверх, – выдавил из себя Тоша. – Вон камень, за которым я прятался, оттуда и наверх. Ты сам говорил про туры.

– Не дойдем, – помотал головой Игорь. – Заблудимся. Тропу замело. Молока стало больше, вешки не найдем. Сам видишь.

– Компас?

– Я Стасу его отдал.

– Ты вообще за меня или за медведя? – шутливо возмутился Дракоша. Огляделся, расплылся в улыбке: – Вон, смотри. Тура!

Он ткнул рукой с ножом куда-то за спину Игорю. Тот обернулся.

В ползущем по камням тумане проступали очертания вешки. Она едва виднелась, скрываясь за рваными белесыми лохмотьями.

– Не просто так их тут понатыкали. Мы на седловине. Направление выдержим – и алга.

Игорь внимательно смотрел на приятеля. Сказать, что он до чертиков испугался рыжего незнакомца? Так сильно, что

сама мысль идти в том же направлении была омерзительна. И уж тем более оставаться.

– Та херь и в долину может спуститься. – Тоша проявил таланты телепата. – До рудника быстрее доберемся, чем до озера.

– Оно сказало «Стасик», – выдавил из себя Игорь. – Почему оно сказало «Стасик»?

– Слушай, и без тебя стремно. Не накручивай! – возмутился приятель. – Берем документы, телефоны и валим к руднику. Часа за два дойдем. Связь, кстати, есть у тебя?

Игорь выгреб из верхнего клапана рюкзака герму с документами и мобильным. Включил аппарат. Пальцы подзамерзали, но сухая одежда пока спасала от холода. Загорелась голубая заставка, на фоне проступили буквы производителя. Укол цивилизации в горную глушь. Сразу захотелось домой. Подальше отсюда.

– Нет, – сказал Игорь. – Связи нет.

Телефон даже оператора не определил.

– Юля и Стас точно уже внизу, – убежденно проговорил Дракоша. – Стопроц!

«Стасик», – скрипнуло в памяти то странное создание.

Игорь посмотрел в ту сторону, куда ускользнуло рыжее пятно. Почему рыжее? Почему Стасик? В груди неприятно заныло. Он плотнее сжал рукоять топора. Еще раз оглядел вещи.

– Бери свой рюкзак. Покидаем туда спальники и палатку.

По очереди понесем. Вдруг вновь зарядит. Без палатки коней двинем.

Дракоша кисло кивнул.

Вышли уже минут через десять. Рюкзак взял Толик. Палку отдал Игорю взамен пропавшей, улыбнулся:

– Все равно я их не люблю.

– Алга, – сказал Игорь и зашагал к вешке.

Без тридцати килограммов за плечами идти было гораздо легче. Пальцы немели от холода, но топор Игорь держал крепко. Густой туман дышал, протекая бледной плотью по каменным склонам, сливался с выпавшим снегом.

Из носа снова потекло. Мокрые ноги давали о себе знать.

У вешки они были минут через пять. Вдвоем отыскали очертание еще одной пирамидки. Правда, Андрею показалось, что она находится немного правее, чем им надо. Но как ориентироваться в молоке, без солнца и без компаса – он не знал. Пытался выдержать направление по офлайн-карте и GPS, но синяя точка прыгала как одуревшая.

Дракоша шагал позади молча, даже без обычного мурлыканья под нос. Игорь видел, как друг настороженно смотрит по сторонам. Да и сам вслушивался, всматривался. Иногда ему казалось, что где-то в тумане бьются друг о друга камни да что-то звякает. В такие моменты он оборачивался к приятелю, молясь, чтобы послышалось. Дракоша встречал его взгляд поднятыми в немом вопросе бровями, и Игорь отво-

рачивался. Показалось. Просто показалось.

Шли по прямой, осторожно минуя курумник, выбираясь на редкие проплешины скал. От вешки к вешке. От вешки к вешке. Забираясь все выше и выше.

– Мы слишком вправо уходим, – наконец сказал Игорь. Встал. Опять сверился с картой. Точка прыгнула вообще в долину. Сука.

– Туры же не просто так стоят?

– Может, они тропу на другой перевал показывают. Тут же горы старые, по плато можем назад выйти. Ветер бы, чтобы разнесло эту хмарь. – Игорь подул на пальцы. Глаза уже слезились. Нога болела страшно. В груди жгло зачатками кашля.

– Не надо ветра. Без него Дракоше Тоше лучшее, – сказал приятель.

Очередная вешка была метрах в пятидесяти.

– Идем давай, – подогнал друга Дракоша. – Дубею уже.

Игорь кивнул, перехватил топор, вдел в лямку трекинговой палки задубевшую ладонь и двинулся к вешке. Взгляд упал на что-то рыжее впереди, припорошенное снегом. Адреналин мигом прочистил голову.

– Твою мать… – вырвалось у него.

На камнях, распахнув рукава, придавленные камнями, лежала штормовка Стаса. Дракоша встал рядом. Игорь осторожно смахнул снег со значка «Sex-инструктор». Юля нацепила мужу пару походов назад.

– Твою мать… – повторил он.

– Валим, – хрипло сказал Тоша. – Валим, валим, Игорь!

В тумане что-то отчетливо цокнуло. Справа. Там же вдруг посыпались камни. Игорь поднялся, сжимая топор. Он вдруг четко понял, что все это время тварь наблюдала за ними. Что это она подложила им куртку.

Она знала, куда идут люди.

– Это ведь не по-настоящему? – спросил Игорь. – Это ведь не может быть по-настоящему.

Со Стасом они дружили с детства. Нахальный, дерзкий, самовлюбленный герой их двора. Единственный, кто разделял страсть Игоря к горам. В горах он и остался. Потерять штормовку Стас никак не мог.

Хотя… Свою-то Игорь оставил в лагере, мокрую, обледеневшую и тяжелую как гиря.

– Может, как мы? Из-за непогоды? Переоделись в сухое, а это бросили? – поделился он соображениями с Дракошей. Черт, как хотелось подтверждения. Пусть иллюзорной, но надежды.

– Игорь, ВАЛИМ! – вместо этого рыкнул друг. От былого балагура не осталось и следа. Лицо Толика вытянулось, глаза сузились, и за ними плясала смесь из страха и злости. Игорь поспешил вперед, к вешке, чувствуя, как сжимается нутро от осознания, что это ведь не дорога на свободу. Это путь в ловушку.

Что эти пирамидки построила скрывающаяся в тумане мразь!

Дракоша сбросил рюкзак. Вытащил нож. Губы друга были плотно сжаты. Из носа текло, лицо покрылось пятнами.

– На хер это все, – процедил Толик.

Игорь взял чуть левее от вешки. Подальше от цоканья из тумана. Под ногами перевернулся камень. Лодыжка прострелила болью аж до глаз.

– Живой? – буркнул в спину Дракоша.

– Да, осторожнее.

Подуло прохладой. Затишье заканчивалось.

– Валим. Валим. Валим, – закаркало откуда-то спереди. В тумане мелькнула горбатая фигурка, по-паучьи перебирающая лапами. Пародия на согнутую годами старушку. Карликовую хищную бабку. Звякнула брошенная существом палка.

– Вон она! – заорал Дракоша. – Вон она!

– Вон она. Вон она. Вон она, – ножом по стеклу повторила тварь и растворилась в тумане.

Ветер подул чуть сильнее.

– Что это за говно? – выдохнул Игорь. – Что это за говно, Толя?!

Друг не ответил. Он, тяжело дыша, буравил туман взглядом. Рука, сжимающая нож, побелела.

– Она ставит вешки, Толя. Это она их ставит! – сказал Игорь. – Надо влево уходить.

Тот коротко кивнул.

Сверху закапало. Стихия выползла из засады.

Теперь они шли вместе, в паре шагов друг от друга. Пару раз миновали останки пирамид. Заботливо выложенные туристами камни были разбросаны поверх свежевыпавшего снега. Даже гадать не нужно, чья работа. Прячущееся в молоке существо явно обладало зачатками разума.

Уклон пошел вниз, и это придало сил. Дракоша пер вперед как танк, не разбирая дороги, не оглядываясь. Пару раз он упал, но тут же поднялся и, не отряхиваясь, продолжил путь.

Когда впереди в тумане проступил уводящий наверх курумник – Игорь сплюнул. Была надежда, что они уже спускаются к руднику. Была. Но, черт возьми, снова подъем! Сверху посыпались камни. Подул ветер, снося со склона рваные клочья тумана. Сдирая покров с согбенной фигуры, застывшей наверху. Игорь даже на таком расстоянии увидел, как бесформенная тварь поднимает тонкой лапой камень и кладет его на другой, сооружая пирамидку.

– Смотри! – окликнул друга Игорь. – Наверху!

Существо замерло, повернуло к ним голову, словно сова. Визгливо крикнула:

– Вон она!

И бросилась наутек. Недостроенная вешка осыпалась, камни с шорохом покатились вниз. Рыжего в ней не осталось. Но это была та же тварь, что шаталась возле палатки.

Просто рыжее она положила им позже, на выстроенном

ею пути из чертовых вешек. Со значком «Sex-инструктор».

– Куда нам? – спросил Дракоша.

– Не знаю… – признался Игорь. – Не знаю…

– Тогда алга, – зло бросил друг и полез наверх, за тварью. – Что бы это ни было – я это грохну.

Игорь отбросил наконец палку, оставив только топор, и поспешил следом.

Дракоша вырвался вперед, шустро помогая себе руками. Лезвие ножа то и дело лязгало по камням. Игорь едва поспевал за другом. Нога отзывалась болью на каждый шаг. Первым наверх вскарабкался Толик. Встал, распрямился.

И в этот миг камень, на который ступил Игорь, пошел вниз. Следом за ним, лавиной, поехал склон. Что-то врезалось в голову – и в глазах потемнело. Плоть гор осыпалась, увлекая Игоря за собой. Плечо взорвалось болью. Что-то хрустнуло в колене.

Мир перекувырнулся, еще один камень прилетел в лоб, но движение остановилось. Сверху что-то кричал Дракоша. Звуки булькали, но потихоньку прорывались наружу.

– …е? …е? И… ы… е?

Пока наконец не оформились в:

– Игорь, ты живой? Живой? Игорь, ты где?

Игорь пошевелился. Левое плечо отозвалось резкой болью. Ему ответило колено. Только не перелом. Только не перелом!

– Я иду! Игорь, ты где?! – донеслось сверху.

Дракоша медленно спускался, вглядываясь в низину. Видел ли он его? Игорь попытался сесть. Отбросил в сторону камень, навалившийся на грудь. Повернулся на правый бок. В колене стрельнуло. Черт. От боли выступил пот.

Игорь посмотрел наверх, в поисках друга. Сердце екнуло.

За спиной Тоши стояла горбатая фигура. Она росла, поднимаясь над приятелем.

– Толик, – прохрипел Игорь. – Сзади!

Ветер унес слова прочь. Дракоша будто бы услышал предупреждение, обернулся. Поднял руку с ножом, но застыл. Паучьи лапы твари распрямились, существо, покачиваясь от ветра, поднялось над человеком и… засветилось. Розовый свет разлился по камням. Тоша не шевелился.

– Толик… – просипел Игорь. Рванулся, поднимаясь. Зашипел от боли. – Толик!

Дракоша медленно встал на колени перед тварью. Задрал голову, завороженно глядя в лицо монстра, изрыгающее свет. Существо укрыло приятеля собой, словно зонтиком, и стояло над ним без движения, пока Толик не упал. Розовое свечение погасло.

Игорь поднялся на ноги. Колено резало, словно в него натолкали гвоздей. Плечо горело огнем. Жидкий металл разливался по телу, но топор все еще был в руке. Все еще в руке.

Тварь на четвереньках спускалась по склону, осторожно пробуя камни тонкими лапами. Теперь она не боялась. С одним путником такие чудища расправляются без проблем –

это уж точно. Может, она жила в этих горах всегда, загоняя по одному туристов, охотников и каких-нибудь других чудаков, забредших в безлюдный край. Может, прилетела откуда-нибудь из космоса и так устанавливала контакт с местной фауной. Не важно.

Нет таких монстров, которых не смог бы победить человек.

– Игорь, ты где? – проскрипело существо. – Игорь, ты где?

– Здесь я, сука. Здесь, – ответил он и поднял топор.

Тварь стала расти уже на подходе. Лапы вытянулись, поднимая серое склизкое тело ввысь. Три глаза зажглись розовым светом, и Игорь запоздало попытался заслониться ладонью, но тело не послушалось.

В груди дернулась паника. По коже скользнула волна тепла. Свет становился все ярче, все сильнее. Он согревал и обещал покой. Игорь бился в тюрьме порабощенного мяса и безмолвно орал от ужаса. От одежды поднимался пар.

Тварь сделала шаг, другой, покачиваясь, как акробат на ходулях. Нависла над Игорем. Ее образ дергался, таял в застилающей взор пелене. Существо становилось еще одной пляшущей кляксой перед глазами.

Он задрал голову, покорно впитывая в себя свет. С чудища капало.

Ноги подкосились, и Игорь грохнулся на колени, попав больной чашечкой прямо на камень.

– Сука… – вырвалось из горла. Боль разорвала наведенный дурман, Игорь зажмурился и вслепую рубанул топором. Тук.

Сипящий визг резанул уши. Попал! Игорь врезал еще раз. Зашуршали камни, тварь отпрянула, заваливаясь на бок.

– Стоять, сука, – прохрипел он. Приоткрыл глаза, готовый отвернуться, если увидит розовый свет. Существо грохнулось на камни, лапы дергались, втягиваясь в хлипкое тело. Игорь рванулся к поверженному противнику. Колено резануло, нога подкосилась, и он рухнул на тварь сверху. Под пальцами оказалась склизкая плоть.

– Стоять, сука, – заверещало создание. – Стоять, сука!

Топор вошел в тело твари с чавканьем.

– Сука-а-а-а-а-а… – завизжала та. В лицо что-то брызнуло, холодное, едкое. Игорь с остервенением выдернул инструмент из монстра, размахнулся и ударил еще раз. Затем еще.

И еще.

Среди камней одиноко завыл ветер. Лапы существа дрожали в агонии, вороша мелкие камни. Игорь отвалился в сторону, отер лицо, не отпуская топора. Голова кружилась, мысли путались. Он попытался встать, но вспышка боли вернула его на место.

– Сука… – выдохнул Игорь. Вывернул шею, чтобы посмотреть на склон, но не смог разглядеть среди камней тело Дракоши. Над ложбиной ветер гнал рваные щупальца обла-

ков.

Черная лапа монстра дернулась еще раз и медленно распрямилась.

Порыв ледяного ветра швырнул в лицо мокрый снег, но Игорь даже не дернулся. Продрогший, уставший, израненный, он нашел положение, в котором было комфортно. Почти тепло.

Очень хотелось спать. Игорь положил голову на камень, показавшийся мягче любой подушки. Умом он, конечно, понимал, что отключаться нельзя. Что надо подниматься. Но… Вряд ли получится добраться даже до тела Дракоши.

Вспомнились слова отца про то, что даже великие охотники бессильны перед стихией.

– Хер… – выдавил из себя Игорь. Шумно выдохнул и перевалился на бок. Отбросил топор, оперся рукой о холодный камень. Увидел в нескольких метрах от себя трекинговую палку и пополз к ней.

Подъем до Толика занял не меньше получаса. Друг лежал на боку, из уголка рта свисала струйка слюны. Игорь осторожно присел рядом. Проверил пульс, хоть и понимал, что ничего не услышит. Нахмурился. Даже замерзшими пальцами он почувствовал, как бьется жилка на шее друга. Живой…

Толик заворочался, перевернулся на спину и всхрапнул.

– Обезьяна… – с улыбкой выдохнул Игорь. – Сучья ты

обезьяна.

Он сунул руку в карман абсолютно сухой, почти горячей, Тошиной флиски, откуда торчал пакет с пачкой сигарет. Посмотрел вниз, на сломанное тело монстра. Достал зажигалку. Та плевалась дохлыми искрами, но огня не давала. Игорь непослушным пальцем крутил колесико, вкладывая в движение всю накопившуюся в душе злость, и, когда огонек задрожал, втянул его в сигарету. Откинулся на камни, втягивая вязкий дым. Уставился в небо.

В тумане проступила далекая вершина. Ветер чуть притих, будто впечатленный случившимся внизу.

Игорь смотрел ввысь, понимая, что уже не встанет. Вяло пыхтя сигаретой, он наблюдал за несущимися там облаками. Голубые пятна неба, прорывающиеся сквозь хмарь, оставили его равнодушным.

Когда окурок ожег губы, Игорь вяло сплюнул его и закрыл глаза. Тело теряло чувствительность. Плохой признак.

Но хотя бы не холодно.

Глаза сомкнулись сами собой.

– Стасик! – вскрикнула Юля, проснувшись. – Стасик?!

Перед глазами таял розовый свет, вымывая из памяти что-то важное. Что-то необычное. Девушка потрясла головой. Пещера?! Как она очутилась в пещере?! Юля поднялась на ноги, слушая влажный метроном подземных капель.

– Стасик?

– А, – отозвался муж сонным голосом. Через миг дрема в нем уже исчезла:

– Юля? Где мы?

– В пещере, – чувствуя себя полной дурой, ответила девушка. Под ногами сухо зашуршало. Песок? Слева виднелся просвет.

– Я тебя не вижу, – сказал Стас. Он был совсем рядом. Юля полезла в карман штанов, где лежал перочинный нож со встроенным фонариком. Слабенький луч света скользнул по влажным стенам. Выдернул из темноты белое лицо Стаса.

– Что за пещера?! – закрылся тот рукой.

Пол был покрыт скелетиками. Крошечные черепа, тонкие косточки.

– Ой, – сказала Юля.

– Чье-то логово, – успокоил Стас, оглядываясь. – Мелкий хищник. Леммингов жрет. Крупных костей нет, не бойся.

Юля медленно пошла в сторону просвета, морщась от хруста под ногами. Осторожно выглянула наружу. Широкая расщелина вела куда-то наверх, где по синему небу неторопливо плыли облака.

Последнее, что она помнила, – это как их накрыла непогода. Стас пробовал найти прямой путь, не возвращаясь к перевалу, но они вышли к скальным отвесам. Затем отправились по компасу южнее, надеясь найти спуск. Насквозь промокли. На коже от воспоминаний о страшном холоде высыпали мурашки.

Она потрогала себя – одежда сухая. Да как это вообще возможно?

А потом Стас сорвался. Точно. Сорвался. Она отчетливо помнила рыжее пятно на камнях, где он лежал. Помнила, как звала его. Как искала путь вниз.

И все. Больше ничего.

– Стасик?! Ты цел.

– Голова болит, – ответил муж. Он встал рядом с ней, на лбу багровела шишка. – А где моя куртка?

Они выползли из расщелины и оказались на плато. Потеплело. Ветер ласково касался волос, будто знал о чем-то. Будто пытался поддержать. У входа стояли их рюкзаки. Мокрые насквозь.

Рядом кто-то собрал пирамиду из камней. Такая же тура стояла метрах в пятидесяти правее.

– Как ты меня туда затащила-то? – сказал Стас. Приобнял супругу, чмокнул в щеку. – Спасительница!

– Это не я… – сдавленно произнесла Юля.

– Тогда кто? – удивился он.

В небе, словно смеясь, закричала птица.

Юрий Погуляй

Медовое

Зажигать лучину не стал, пробирался к сеням на ощупь. Остальные спали, и до рассвета Федор не хотел их трогать. Все одно на столе будет котелок с проваренной березовой корой и ведро кипятку с хвоей. От такого завтрака разве что снова пронесет.

Федор подбросил поленьев в печь, крюком сдвинул волок с оконца, выпуская на волю дым. Вздохнул. Одно хорошо – дров полно. Соратники, перед тем как двинуть к правому притоку Лозьвы, накололи полнехонькую поленницу.

Уходить из тепла не хотелось.

В сенях на ворохе травы, перемешанной с тряпьем, спал старый пес. Подергивал лапами во сне, урчал; не иначе, снилась молодость. Это знакомо – сны о молодости.

Крыльцо разбухло от дождей и сырости, в воздухе стоял запах дыма, смолы и мокрой древесины. Сходни не скрипели под подошвами стоптанных сапог, а чавкали жадно, словно дом не собирался отпускать старого стрельца.

Крепко моросило. Капли срывались с пихтовых и сосновых иголок, превращая почву в месиво из палой хвои, грязи и жирного мха.

Федор проверил пищальный чехол и пошел по едва различимой тропке. Минул кривой плетень, опасливо обогнул рядок крестов, глянул на просевшие земляные холмики и пе-

рекрестился.

Он бы не вышел из дому таким утром, не оставил больных и раненых без присмотра, но голод дожимал. Измученным людям требовалась горячая и сытная пища.

Чужой лес выглядел неприветливым и мрачным, будто застыл в тоске.

Пихтач перемежался голыми, сбросившими медную листву стволами берез, осин и буков. Некогда богатый покров кис на промокшей земле, наполняя воздух терпким запахом тлена. Наточенные ветром и дождями камни изгибали зубчатые спины, напоминая о близости суровых гор.

Этот край еще не дождался снега, хотя белому одеялу надлежало накрыть землю три-четыре седмицы назад. Туман, будто зачарованный, клочьями парил над землей, застревал в ветвях и редком кустарнике. Ветер носил морось, крутил, вминал в землю; норовил забраться под плащ или стянуть его с худых плеч старого стрельца. От сильных порывов трещали и скрипели стволы деревьев, шумно падали сухие ветви.

– Неча гневаться, – пропыхтел Федор в черную с проседью бороду, – человек вперед всего.

Квелое солнце не смогло проклюнуться сквозь тучи и лишь немного подрумянило небо на востоке, когда в лесу, тянущемся на многие версты, рявкнул первый выстрел. За ним второй, третий. Эхо укатилось вдаль и там испуганно умолкло.

– Живой зато будешь. – Федор бросил глухариную голень в подсоленную воду и вытер окровавленные пальцы.

Мишка, баюкая культю, покачал головой. Кудри давно просили ножа и елового щелока, но стрелец противился. Боялся смыть крохи здоровья.

– Так сказано ж было…

– Как сказано, так и забыто! – Федор лихо перерубил хрящ и отправил в котелок птичье крыло. – Глянь-ся в лохань – морда белее снега! Сколько раз Пауревич дурное мясо с культи твоей срезал? Сколько рану прижигали? То-то и оно. Без доброй еды все загнемся, и ты, Мишук, быстрее других. Лес нам тоже рубить не велели, а посмотри на печь! Как полыхает! Не валежник трухлявый!

С ним спорили, но без охотки. Да и самый горластый, Павлушка, лежал, уткнувшись мордой в стену, и постанывал от жара.

В конце лета сотник отсеял от основных сил десяток стрельцов: кого в последней стычке с вогулами ранили, кто лихоманкой мучился. К зиме их осталось пятеро. Один Федор был здоров, да костоправ Пауревич – белохорват, который по-русски разговаривал с трудом.

Был еще пес мертвого пушкаря, который, видимо не дождавшись миски с потрохами, ушел вслед за Федором на добычу в лес, да так и не воротился.

Похлебка получилась жирной, пахучей: с местными тра-

вами, что выменяли у отшельника, ни чеснок, ни лук не нужен.

Федор поставил котелок на грубо сколоченный стол. Служивые косились на парующее варево, облизывали покусанные от боли и потрескавшиеся от жара губы.

– Пауревич!

Костоправ расставил долбленые миски, потянулся за черпаком.

– Вот что. – Федор упер кулаки в столешницу. – Отшельник нам не командир и не батька родной. Пусть полынь жрет и волчьим молоком запивает, а мы не станем.

Он первый ухватил миску и припал к краю. Похлебка обожгла горло и губы, но Федор стерпел. Выудил кусок темного мяса и показал подранкам.

– Вот где жизнь.

Остальные сдались.

На другое утро Федор снова взял пищаль, надел берендейку через плечо и отправился в лес.

Остановившись перед кедром, заломил шапку на затылок и оглядел дерево. Сказочно широкий ствол украшали фигурки животных, цветные лоскутики и плетеная лоза. На ветвях неподвижно сидели жирные ленивые глухари.

Федор, до того как подсесть на стрелецкий харч, бил зайцев и уток. Но здесь, далеко за Камнем и еще дальше от дома, раз за разом возвращался с пустыми руками. Ни лес, ни река не хотели кормить чужаков.

Он перегнал с зуба на зуб хвойную иголку.

Перед ним возникло бледное лицо отшельника. Косые глаза, жидкая бороденка. Дикий мужик, менявший на заставе на Лозьве ягоды и лечебные травы на перевар соль, отвел стрельцов к избе, которую давным-давно сложили то ли строгановские торгаши, то ли старообрядцы, потянувшиеся следом за казаками и государевыми стрельцами на дикие земли. Получил за это пару бутылей перевара и малую пищаль, но взял слово с урядника, что никто не притронется ни к старому кедру, ни к глухарям на ветвях, ни к любому другому зверю в лесу. И лес рубить для обогрева не станет – только валежник собирать. Взамен вогулич пообещал научить, как добраться до правого притока Лозьвы, на берегу которого надлежало заложить острог.

Яро говорил, аж щеки раскраснелись.

– Это почему еще зверье бить нельзя? – изумился тогда сотник. – Запасов с гулькин хер осталось.

– В тебе – мало. – Вогулич приложил растопыренную пятерню к его груди, потом к своей. – Во мне – мало. В нас всех мало, мы – чужие лесу.

Затем указал на кедры, камни, траву, небо.

– А в этом – много. Сила. – Сжал костлявый кулак. – Лес не звал вас. Не гневи, не тронь его. Он хозяин. Дорого с чужаков спросит.

Сотник махнул рукой, дал слово – и был таков.

Боров проклятый! Что ему стрелецкие беды? Наверное,

даже в этом краю ложился спать сытым, грел бока у костра и нюхал табак. Такому слово дать – что в лужу плюнуть. По пути, небось, не гнушался стрелять зверя, а им, раненым и хворым, запретил.

Глухари сидели тихо, почти не шевелясь. На пороге леса, где хватало новых поселений и казацких укреплений, птицы так и шныряли в траве, выискивая ягоды и орехи. А эти словно приросли к ветвям.

Федор поднял пищаль, выцеливая глухаря пожирнее.

Он без труда отыскал жилище отшельника. Дорогу указывали плетеные знаки, развешанные на кедровнике. Да и не впервой старому стрельцу было сюда идти: меняли осенью перевар, дробь и порох на орехи, ягодные отвары, припарки, сушеные грибы.

Но в этот раз вогулич не вышел навстречу.

Ветер намел в пустой берестяной чум палой листвы и сора. Поделки из костей и щепы одиноко постукивали на растянутой вокруг поляны лозе. Очаг засыпали землей и бросили сверху костяную фигурку страшилища с телом человека и головой оленя.

Федор слыхивал, что отшельники ходят с места на место, а зимой и вовсе перебираются поближе к срубам сородичей, так что не удивился, не найдя вогула.

– Тебе же хуже. – Он крагой похлопал по висевшему на бечевке глухарю. – Я-то угостить хотел.

Стрельцы крепли, даже Павлушку жар отпустил. Парень похудел вполовину себя прежнего, но теперь сам мог выйти в нужник.

– Так, глядишь, и подвод дождемся! – весело проговорил он, выбирая куски мяса из похлебки. – Сухарей бы…

– Угу, и пряников, – хмыкнул однорукий Мишка.

– И бабу, – добавил Григорий.

– На подводах все будет, – уверенно заявил Федор. Он чувствовал небывалый прилив сил, словно помолодел на десяток лет.

– И бабы тоже? – Гришка усмехнулся.

– Тебе и кобыла сгодится.

Зима уже не казалась страшной. Трав, припарок и ягодных сборов Федор принес полный корневатик. Пауревич разберется, что из взятого на стойбище пригодится в хозяйстве. Мясо есть, дров полно, река неподалеку, а пухляк ляжет – вовсе ходить никуда не нужно: зачерпнул котелком – и на огонь.

Памятуя о холодах, Федор снова пошел на добычу. И если раньше обходился двумя-тремя тушками, то в этот раз ухватил четверых глухарей. Гришка вызвался сообразить коптильню, чтобы наготовить мяса впрок.

– Мужики! – Федор ввалился в сени, отряхнулся от ледяной мороси. – К ночи все пухом завалит! Сани готовьте.

Ему не ответили.

Хмыкнув, стрелец вошел в избу, да так и обмер.

Четверо соратников жались к стене, как испуганные мыши. Кто лучину держал, кто каганец. Золотой свет очерчивал скрюченную фигуру на колоде возле стола.

– Кого нелегкая притащила?

Павлушка перекрестился, ответил:

– Тихон воротился.

– Воротился, – прошептал Миша. – Утром просыпаюсь – а он на пороге стоит. Спрашивает, войду? Я и брякнул спросонья, заходи. Тихон сел за стол, а потом говорит: «Запах похлебки учуял, есть хочу».

Федору показалось, что его гладит по спине холодная лапа. Понял – это страх. Не такой, когда с пищалью выцеливаешь врага и ждешь встречной пули, не такой, когда в сшибке колешь бердышом по макушке. А иной породы: когда ни душа, ни сердце, ни голова не хотят верить тому, что видят глаза и слышат уши.

– Как же это так, братцы? Как же оно так-то? – слова, будто репей, застряли в глотке старого стрельца.

Тихона-пушкаря закопали на прошлой неделе. Брюхом маялся еще с последней стычки: то ли едкого дыма надышался, то ли перетрясся сильно, когда вогуличи на них из леса поперли. Что ни съест – тут же ртом или задом обратно выходит. Потом и вовсе кровью потек. Так и помер.

А сейчас он, какой-то черный, мерзлый, набухший от влаги, сидел за столом. Гнилое нутро раздулось, смердело даже

не мертвечиной, а будто палой листвы в кишки натолкали.

Федор опомнился, когда перекрестился уже в десятый раз. И то лишь потому, что Павлушка потянул за грязную полу плаща.

– Что делать будем, старый? Бесовщина же! Как есть бесовщина!

– Тьфу на тебя! – огрызнулся во весь голос Мишка. – Тихон в Бога веровал, крест носил, чужого не трогал и баб здешних не брал на силу ни разу. Значит, и беса в себя не впустил бы. Всякое случается. Может, и вправду голод потащил бедолагу?

– Виданное дело! – прыснул Павлушка. – Голод из могилы только упыря поднимет, да разве ж это упырь?

Федор покосился на волоковое окно, сквозь которое из курной избы выходил дым. До сумерек было далеко.

– И то верно, упыри засветло не ходят.

– Дождись темноты, – проворчал Мишка, – глядишь, и этот пойдет. Кликните, когда давить кого-нибудь станет.

От таких слов Федору подурнело. Он вновь почувствовал себя дряхлым, утомленным и напуганным.

– Navje, – тихо проговорил Пауревич. Он сидел, обхватив колени, и мелко дрожал. – Navje то!

– И что делать прикажешь с навжой твоей, пан костоправ? – Григорий поднял лучину повыше, чтобы было видно покойника. Под тем уже собралась лужа мути.

Пауревич взлохматил рыжие волосы, крепко выругался и

указал на бердыш.

Обезглавленное тело зарыли засветло. Голову поставили в ногах, по груди рассыпали зерна, принесенные Федором от отшельника. Поверх могильного холма навалили речных камней, подновили крест. Каждый прочитал, какую знал, молитву. Старое полотно, в которое зашили Тихона в прошлый раз, спалили на перекрестке между тропками к избе и реке.

Ночь провели в страхе, прислушиваясь к голосу леса, недовольному ворчанью ветра и шелесту мороси. Снег так и не собрался, и утро встретило мрачных, сонных стрельцов канонадой грома и ветвистой молнией.

Уснули где кто сидел.

Федору грезилась чернь, в которой он барахтался как лягушонок. Слабый, беззащитный. Проснулся с мыслью, что вот-вот напустит в штаны. Выскочив в сумерки, справил нужду прямо со ступенек, не решаясь идти к нужнику. Могилы темнели чуть в стороне, с виду целые, слегка заиндевевшие.

Чистые половицы в избе влажно поблескивали, пахло жженой травой и щелоком.

– Видал? – Григорий мрачно кивнул на лохань, в которой лежали добытые вчера глухари. Почерневшее мясо сочилось желтой пеной. – Пауревич заприметил, когда проснулся.

– Сожгите, – рассеянно ответил Федор, взглядом ища кружку с водой или отваром. – Завтра еще набью.

Мишка, до этого сидевший на тюфяке в углу, вдруг вско-

чил. Лоб покрывала испарина, глаза блестели. Клоки, намотанные вокруг культи, покраснели и заскорузли.

– А вот три хрена тебе в бороду да четвертый по всей морде! – пискляво выкрикнул он. – С голоду опухну, своими руками пришибу, а не пущу!

– Тогда сразу вслед за Тихоном в яму полезай, дурень. – Федор оттолкнул его, ощутив, как промокла рубашка стрельца. – Мы без жратвы и неделю не протянем. Подводы обещали до первого снега прислать. А не даст дорога – так с заставы на Лозьве струг ертаульный придет, пока река льдом не схватилась! Чутка перетерпеть надо.

Он ковшом зачерпнул хвойного варева, отпил и тут же замарал едва оттертые от могильной земли и разводов грязи половицы. Вода на вкус была тухлой, горькой и едкой разом.

– Чуешь? – хмыкнул Мишка, прижав изувеченную руку к животу. – Все попортилось. Все!

Григорий оттянул его за рукав, толкнул на тюфяк и кликнул костоправа.

– Верно он молвит, старый. – Григорий облизнул пересохшие губы. – Все попортилось. Вода, похлебка, даже моченая кора зеленцой взялась. Мы с Павлушкой пошли к реке, зачерпнули, а там тоже тухляк. Насилу отплевались.

– Прокляли нас, – буркнул Павлушка. – Теперь точно пропадем.

Федор хотел настоять на своем, пойти на добычу утром, но ливень удержал. Хлестало так, что протекла крыша. Черные

от сажи капли срывались с балок, кропя половицы, лавки и людей.

Воздух сделался липким, густым как овсяный кисель, с трудом лез в глотку. С каждым мгновением находиться в избе становилось все невыносимее.

Маявшийся от боли Мишка божился, что с той стороны стены его звала мать.

Пауревич, бледный как полотно, прошептал на ломаном русском, что утром из сеней увидал свою дочь: со свернутой шеей, длинной как у лебедушки, бродила у старого плетня. К сумеркам воротилась, но вместо рук у нее белели тонкие птичьи косточки. Девка силилась взлететь, да без толку. Потом забралась в одну из могил и захныкала, заохала.

К ночи Федор уже сам не мог понять, что стряслось. Мир словно наизнанку вывернули. Голод одолевал сильнее прежнего, колики в брюхе доводили до исступления. Сквозь оконце виделось ему, как вспыхивают и гаснут огни на небе, будто озаряя для кого-то путь во тьме. И страшно от них делалось. Так страшно, что живот крутило, хотелось бежать из избы прочь, крича и плача как ребенок…

Голод забирал остатки сил.

Пауревич додумался обвалять камешки в соли и давал, как жженку, сосать мучающимся людям. Федор решился откупорить бутыли перевара – по счастью, тот не попортился – и велел всем пить. Разбавить хлебное вино было нечем, даже дождевая вода на вкус отдавала червями.

После злого питья его трижды вывернуло, и он уснул как бражник, лишь на шаг в стороне от лужи рвоты.

Проснулся от криков.

Пауревич бил Мишку по морде и за что-то ругал. Оказалось, тот взялся жевать куски срезанной с руки кожи.

– Сладко, сладко-то как! Медово! – выл подранок, размазывая по лицу сопли и кровь. – Сами попробуйте, сами!

Обоих утихомирил Григорий, развел по углам и напоил переваром.

Федор погонял во рту камешек, откупорил последнюю бутылку и запарил отшельниковых трав с перетертыми зернами. Получилась чудовищного вида бурда, пахнущая одновременно грибами, ромашкой и хмелем. Но это можно было есть.

Они повечеряли, и Федор снова улегся спать. Сил на что-то большее у него не осталось: голова шла кругом, руки и ноги казались свитыми из пеньковых веревок. В полузабытьи он решился уйти с проклятой земли: на карачках, ползком, но убраться долой. Застава не близко, однако отшельник доходил до нее летом. Так почему им не попробовать?

Утром его разбудила боль.

– Медово!

Федора вжимали в пол. В левую руку, раз за разом, вонзалось острое.

Он взвыл, задергался.

– Глуши птичку, Павлушка! – заголосил Мишка. – Уле-

тит! Улетит же!

– Топориком сейчас… – Стрелец, покачиваясь, шел на него. Глаза у обоих были желтыми, с красной поволокой.

Бердыш ухнул в половицу рядом с головой Федора, застрял меж досок. Павлушка, силясь освободить оружие, упал.

Федор изловчился и двинул коленом Мишке под дых. Добросил кулаком по скуле, по носу. Однорукий повалился под полати и застонал.

Вокруг все было липким, гадким, черным от сажи, пахло мокрым железом.

– Бесово племя! – Федор опрокинул столешницу на Павлушку, отпрянул к стене.

Огляделся.

Дверь была нараспашку, в нее ревел ветер, хлестал дождем. В сенях лежал, раскинув руки, Григорий.

Только теперь старый стрелец додумался посмотреть на себя. Выродки, что по недоразумению еще вчера звались людьми, искромсали его левое предплечье. Резали и жрали. Боль пульсировала в ране, но пока не затуманила разум.

Покачиваясь, Федор добрался до бутыли, вылил остатки перевара на руку и замотал тряпицей. Срывая злость, еще наподдал Мишке, раскровенив нос. Безумец скулил, но жадно слизывал багровую юшку с губ и пальцев.

В сенях застонал и заворочался Григорий. Сукно кафтана промокло от дождя и крови. Страшная рана пролегла между

ключицей и грудью пушкаря. Ему отрезали ухо и вырвали клок мяса из щеки.

– Пауревич… – прошептал он, часто сглатывая, – в двери бросился. Дочь ловить, чтобы не упорхнула снова от него. Я за ним, образумить хотел… А Павлушка, гнида, как хватил меня…

Григорий закусил губу, давя рвущийся вопль.

Федор потащил его к крыльцу. Как бы оно ни сложилось, а в избе есть и будет только смерть.

На мокрой грязи остались следы босых стоп бело-хорвата. Он убежал к реке, но на берегу его видно не было.

Старый стрелец снова поднял Григория, набросил на него плащ.

Покачиваясь и поддерживая друг друга, сделали по шагу. Дождь и ветер тут же набросились на них.

– Медку бы! – заорал позади Мишка. – Сладко! Медово!

Следом завопил Павлушка. Не иначе, рвали друг другу глотки.

Шли до рассвета. Медленно, тяжело. Григорий все больше хрипел и плевался алым, пока наконец не попросил передыха. Федор усадил его под пихтой, обложил лапником.

Пытался ободрить, но пушкарь уже не слушал. Бесшумно шевелил губами и глядел остекленевшими глазами на лес.

Последним спутником Федора сделалась боль: терзала руку, то бросала в жар, то вышибала холодный пот.

А старик все шел и шел по тропе, радуясь хотя бы тому,

что лес защищает от дождя. Где и когда рухнул, он уже не помнил.

– Да чего уж тут. – Лекарь почесал мясистый нос и протянул Федору смоченную чем-то едким тряпицу. – Жить и с одной можно.

Старик смотрел в качающийся потолок. Походная палатка заметно дрожала. Пахло дымом, травами.

Чувство боли сменилось чувством потери.

Он скосил глаза, чтобы увидеть культю. Всхлипнул.

– Ты не дрожи, служивый. – Лекарь осторожно похлопал его по небритой щеке. – Всю гниль вырезали и выжгли из раны. Увы, откушать горячего пока не получится. Налегай на солонину и пей перевар. Согреешься.

Ни пить, ни есть Федор не мог – от всего веяло мертвечиной. Даже уснуть не получалось. Он просто лежал и пытался понять, как так вышло, что подводы добрались именно сегодня. Не неделю, не два дня назад, пока не стряслось все самое жуткое!

На следующий день лекарь заявился с ворохом старой одежды.

– Идем к сотнику.

Этот бивуак с трудом можно было назвать лагерем или зимовищем. Телеги стояли кругом, внутри него едва нашлось место кострам, палаткам, простенькой привязи для утомленных лошадей, накрытых попонами.

Было тесно и холодно. Небо сеяло то ли дождь, то ли ледяную морось. Где-то в горах, словно боевой горн, гудел ветер, и от звуков этих замирало сердце. Не иначе, лесное воинство шло на незваных гостей…

– Чего рот раззявил? Шевелись!

Мрачные стрельцы жались к огню, сушили сапоги и обмотки. Дозорные глядели в лес покрасневшими от усталости глазами.

Федор кинулся было топтать костры, кричать, чтобы не рубили деревья, а собирали валежник, но его живо угомонили пинками и затрещинами, после чего вернули лекарю.

Хнычущего стрельца привели к небольшой палатке с толстенным тяжелым пологом, возле которого стоял караульный с бердышом наперевес. Борода караульного смерзлась, он притоптывал, гоняя кровь в ногах.

– Митрий, чего возитесь? – стуча зубами, спросил он у лекаря. – Сотник извелся весь!

– Нешто пироги на столе стынут? – хмыкнул Митрий, поднимая полог. – Мы уже кругом опоздали.

Внутри сидел, кутаясь в красный кафтан с соболиным подбоем, мрачный сотник. От жаровни валил дым, пахло топленым салом и кислым потом.

– Тебя, никак, святой в чело поцеловал, Федор! – прохрипел офицер. – Стрельцы тебя признали, когда на тропе нашли.

Федор подумал, что смерть не самый худший исход. По

крайней мере не чувствовал бы боли в отнятой руке и был свободен от мыслей о глухарях.

– Ваше благородие, – он не сразу подобрал слова, – не дождались мы. Думали, до заморозков успеете, а тут…

Офицер хмыкнул, сверкнул карими глазами.

– Паршивый край. По лесу даже волоком не везде пройдешь, вот и мяли тропы, увязая в грязи и ломая оси. Думали, вовсе не доберемся никуда, бросим обоз и повернем.

Сотник велел подать кипятку Федору, но тот не притронулся к питью.

– Где остановились? Зимовище справили?

– Нас отрядили ждать вас либо струг с заставы на Лозьве, – стрелец нахмурился. – Остальных сотник повел через лес к правому притоку. Отшельник, показавший нам избу, твердил, что пройти получится до первого снега.

Сотник выругался. Явно надеялся, что Федор вышел из уже заложенного острога и заблудился во время охоты.

– И давно отрядили? – мрачно спросил офицер.

– В конце лета.

– Тьфу, пропади все пропадом! Значит, и мы не дойдем до притока. Тогда станем струги ждать. Или сами справим и спустимся по Пыновке к заставе, пока льды не встали… Где жили, почему ты один?

Федор уже и сам почти не верил во все, что приключилось с ними. Чем дольше говорил с сытыми, необезумевшими людьми, тем туманнее казались мысли о лесе, о его неве-

домых хозяевах и проклятии, что коснулось стрельцов.

– Старая изба недалече… А в живых, почитай, и не осталось больше никого.

Скрепя сердце он рассказал-таки и про голод, и про глухарей на священном кедре, и про то, что говорил отшельник. Бесовщину обошел, спихнув все на заразное червем мясо. Но сотник, к ужасу Федора, уже не слушал.

– Глухари? Много? – Он улыбнулся. – Мы на сале и желудевом толокне третью седмицу маемся. А ну-ка, давай, брат, собери пищальников поумелее да набейте дичи.

– Нет! – заорал Федор – Нельзя! Никак нельзя! Мясо паршивое, бесами заклятое, говорю же!

Сотник вскочил, мазнул его по морде жесткой крагой.

– Митрий, скажи Хоме, чтобы пару раз нагайкой угостил старика. Для острастки. Потом обрядите в кафтан, сапоги поновее, и пусть ведет к кедру. Бесы далеко, а голод рядом.

Всю дорогу Федор хлюпал носом, пытался уговорить стрельцов повернуть, но те только понукали.

Снег, показавшись утром, заявился к полудню во всем пугающем великолепии. Поначалу мокрые громадные хлопья медленно падали на землю, таяли, цеплялись друг за друга, пытаясь соткать холодное покрывало. Но вскоре хлопья стали мельчать, пока и вовсе не превратились в крупу. Ветер гостеприимно угощал ею стрельцов.

Федор пытался найти Григория, но место, где вроде бы оставил его, пустовало. То ли волки утащили пушкаря, то ли

сам отполз. Искать покойника никто не стал.

Земля и деревья быстро поседели. Лесной край выглядел бездонно древним и оттого пугал еще сильнее.

Выйдя на поляну, Федор замер. Положил крест, но слов не нашел. Только всхлипнул.

На кедре, где раньше сидели птицы, громоздились тела стрельцов. Все там были. И те, кто умер раньше, и те, кого оставил в избе Федор. Скрюченные, страшные, обожженные морозом. У кого глаз не было, кого словно звери рвали. Безрукие, безногие, с багровыми ребрами наружу. Вместо перьев из-под кожи торчали листья и хвойные иголки. Вместо изуродованных ртов – птичьи клювы из дерева и кости. Вырванные языки и отрезанные уши кто-то нанизал на лозу, оплетающую дерево.

– Братцы… – прошептал Федор, обращаясь непонятно к кому.

Один из его спутников поднял пищаль, поглядел на старика.

– Глянь, какие жирные!

Прицелился в обледеневшего Пауревича. Из-за свороченной челюсти казалось, будто лекарь улыбается.

– И мясо, наверное, сладкое.

– Ага, – пробормотал Федор перед выстрелом. – Медовое.

Всеволод Болдырев

Виртуальная машина

– А я бывал в Тихом Доме, – вырвалось у Саши. Уже через секунду он пожалел о сказанном, почувствовав на себе тяжело налипшие взгляды. После провала с компиляцией ядра ему хотелось как-то реабилитироваться, заявить о себе, сбить спесь с этих надменных миллениалов.

Но нечаянно брошенная фраза вызвала пренебрежительный смех.

– Да у нас тут крутой хакер! – тряхнул дредами Морф, затянувшись вейпом, водянистые глаза его недобро блеснули. – «Цикаду-3301» тоже ты создал?

– Бери выше, – хохотнул парень в очках и растянутом свитере, со странным именем Емельян, – наш Нео «Силкроад» проложил, верно говорю?

Что такое «Цикада-3301» и «Силкроад», Саша понятия не имел – когда он учился программированию, всего этого дерьма в Сети было гораздо меньше. Еще не так давно он был на форумах Батей, а теперь выслушивает колкости от малолеток, которые еще пешком под стол ходили, когда он написал свое первое «Hello World!».

От этих мерзких смешков тянуло рвать и метать, но Саша не хотел подвести Алену – если и с этой командой не выгорит, то о переводе в престижную фирму придется позабыть. Так и останется кодить за тридцать тысяч в пыльном офи-

се, а Алена найдет себе кого-то успешнее, импозантнее и – главное – моложе.

– Ален, ну подтверди! – попытался он сохранить лицо, обратившись к худенькой блондинке в толстовке «NASA». Подтверждать Алена, конечно же, ничего не стала. Сделав вид, что вопрос обращен не к ней, она отвлеклась на монитор, сосредоточенно вперившись взглядом в прогресс-бар установщика.

– Ага, подтверди, Ален! – передразнил Морф измененным, густым голосом, выпуская облако пара изо рта. – И что ты увидел в Тихом Доме? Призраков, Бога, Ад?

– Ну… – протянул Саша неуверенно, пытаясь спешно придумать ответ. Что такое Тихий Дом, он не знал – встретил упоминание на сайте интернет-страшилок, да и запомнил неизвестно зачем. Сейчас он активно шерстил память в поисках хоть какой-нибудь дополнительной информации, чтобы не выглядеть профаном и лжецом.

– Если он скажет, что это пустой чат, – я пакую манатки, – громко заявил очкарик. – Ты, Ален, конечно, извини, но работать с мракобесом – это зашквар.

– Ты кого мракобесом назвал? – набычился было Саша, но вмешался Морф.

– Ты, Саня, с темы не соскакивай. Что там в Тихом Доме?

Морф потянулся, его стильно-драные джинсы немного сползли, и глазам открылась резинка трусов с надписью «It's gonna be a Big Bang!», натянутая меж торчащих тазовых ко-

стей. Рисуется, сволочь! Невольно Саня потер собственное немалое брюхо, которое прятал под мешковатой футболкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.